

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ №4(16) 2013

Журнал «Власть закона» выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

БЛАГО НАРОДА - ВЫСШИЙ ЗАКОН (лат.)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

Учредитель и издатель:

автономная некоммерческая организация

**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

www.niiapsp.ru

e-mail: nii.pravo@gmail.com

Подписано в печать 25.12.2013. Формат 70×100¹/₁₆. Объем 13,5 п.л. Тираж 3000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет

© Власть закона, 2013

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», директор Северо-Кавказского НИИ актуальных проблем современного права, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Андреев Владимир Константинович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ГОУ ВПО «Российская академия правосудия», заслуженный деятель науки РФ

Баринов Николай Алексеевич, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ

Бельх Владимир Сергеевич, д.ю.н., профессор, директор Института права и предпринимательства ФГБОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия», заслуженный деятель науки РФ

Губин Евгений Порфирьевич, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.Ю. Ломоносова»

Диденко Анатолий Григорьевич, д.ю.н., профессор, профессор кафедры частно-правовых дисциплин Каспийского общественно-го университета (Казахстан)

Кохановская Елена Велеониновна, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права АИН ВУЗ «Киевского национального университета им. Тараса Шевченко», член-корреспондент НАПрН Украины (Украина)

Кузнецова Ольга Анатольевна, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Лукьянцев Александр Анатольевич, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», заслуженный работник высшей школы РФ

Малько Александр Васильевич, д.ю.н., профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ

Менглиев Шомурад Менглиевич, д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права Таджикского государственного университета (Таджикистан)

Попондопуло Владимир Федорович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ

Цыбуленко Зиновий Иванович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», почетный работник высшего профессионального образования РФ

Редакционная коллегия

- Барков Алексей Владимирович**, д.ю.н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин НОУ ВПО «Московская академия экономики и права»
- Вавилин Евгений Валерьевич**, д.ю.н., профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», судья Высшего Арбитражного суда РФ
- Гараева Галина Фаизовна**, д.ф.н., профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»
- Дзидзоев Руслан Мухарбекович**, д.ю.н., профессор кафедры конституционного права и управления ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»
- Долинская Владимирова Владимировна**, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВПО «Московская государственная юридическая академия»
- Емелькина Ирина Александровна**, д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
- Иншакова Агнесса Олеговна**, д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права и процесса ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»
- Мичурин Евгений Александрович**, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Харьковского национального университета внутренних дел (Украина)
- Молчанов Александр Александрович**, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ»
- Морозов Сергей Юрьевич**, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»
- Параскевова Светлана Андреевна**, д.ю.н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»
- Серова Ольга Александровна** – д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет им. Эммануила Канта»
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
- Тычинин Сергей Владимирович**, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
- Харитоновна Юлия Сергеевна**, д.ю.н., профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра НОУ ВПО «Московская академия экономики и права»

Editor-in-Chief

Kamyshansky Vladimir Pavlovich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of the civil law of Kuban state agrarian university

Editorial Council

Rasskazov Leonid Pavlovich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of the theory and history of law and state of Kuban state agrarian university, honored scientist of Russian Federation, honored worker of higher professional education of Russian Federation

Andreev Vladimir Konstantinovich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of the civil law of The Russian academy of justice

Barinov Nikolay Alekseevich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of the civil law of FSBEI HPE “Saratov State Law Academy”, honored lawyer of RF, Honored worker of higher school of the RF

Belih Vladimir Sergeevich, Ph. D. in Law, professor, director of institute of law and business of State ural law academy

Gubin Evgenie Porfirevich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of the business law of Lomonosov Moscow state university

Didenko Anatoly Grigorevich, Ph. D in Law, professor of the chair of the private law disciplines of Caspian public university (Kazakhstan)

Kokhanovskaya Elena Veleoninovna, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law ARN HEI “Kyiv National University of Taras Shevchenko”, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine)

Kuznetsova Olga Anatolevna, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law and the civil procedure of Perm state university

Lukjantsev Alexander Anatolevich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of the civil law of South federal university

Malko Alexander Vasilevich, Ph. D. in Law, professor, director of the Saratov branch of Institute of state and law (Russian academy of science).

Mengliev Shomurad Menglievich, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the international law of The Tadjik state university (Tadjikistan)

Popondopulo Vladimir Fedorovich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of the commercial law of St.-Petersburg state university

Cibulenko Zinovie Ivanovich, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the civil law of FSBEI HPE “Saratov state law academy”, Honorary worker of higher professional education of RF

Editorial Board

- Barkov Alexey Vladimirovich**, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law disciplines of Moscow academy of economics and law
- Vavilin Evgenie Valerevich**, Ph. D. in Law, professor of the department of the Civil and International Private Law of FSBEI HPE “Saratov state law academy”, Judge of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation
- Garaeva Galina Faizovna**, Ph. D. in philosophy, professor, the deputy director in(on) scientific work of the North Caucasian branch of Russian academy of justice
- Dzidzoev Ruslan Muharbekovich**, Ph. D. in Law, professor of the chair of the Constitutional law and management of Kuban state university
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the civil and the family law of Moscow state academy of law
- Emelkina Irina Alexandrovna**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of the civil law and process of FSBEI HPE “Mordovia state university of N.P. Ogarev”
- Inshakova Agnessa Olegovna**, Ph. D. in Law, professor, head of the department of civil and private international law and procedure FG-BOU VPO “Volgograd State University”
- Michurin Evgenie Aleksandrovich**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the civil law and the civil procedure of The Harkov national institute of inside deals (Ukraine)
- Molchanov Alexander Aleksandrovich**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of the civil law of St.-Petersburg university of Ministry of internal deals of Russian Federation
- Morozov Sergey Jurevich**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of the civil law and civil procedure of Ulyanovsk state university
- Paraskevova Svetlana Andreevna**, Ph. D. in Law, professor of the chair of the civil law of Kuban state agrarian university
- Ruzanova Valentina Dmitrievna**, Ph. D. (candidate) in Law, docent, head of the chair of the civil law and business law of Samara state university
- Serova Olga Alexandrovna**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of the civil law and process of FSBEE HPE “Baltic federal university named after Emmanuil Kant”
- Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna**, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of the civil law of Bashkir state university
- Haritonova Juliya Sergeevna**, Ph.D. in Law, the senior research assistant of Scientific research center of Moscow academy of economic and law
- Tychinin Sergey Vladimirovich**, Ph. D. in Law, professor, head of the civil law and procedure law Institute FSBEI HPE “Belgorod state national research university”

Содержание

Обращение к читателям 10

Актуальные проблемы современного права

<i>Камышанский В.П., Ветер Н.Ю.</i> Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное (вопросы соотношения).....	19
<i>Лукьянцев А.А.</i> Вопросы модернизации защиты нарушенных прав субъектов в российском гражданском законодательстве	24
<i>Петров И.В.</i> Новеллы законодательства о нематериальных благах и их защите	32
<i>Потапенко С.В.</i> Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления.....	38
<i>Цыбуленко З.И.</i> Новое в ГК РФ о заключении сделок	43
<i>Щенникова Л.В.</i> О добросовестности как принципе гражданского права.....	47
<i>Абрамов В.В.</i> Теоретико-правовое исследование понятия «риск» в гражданском праве	52
<i>Кожокаръ И.П.</i> Дефекты гражданского права: постановка проблемы.....	57
<i>Левахин В.</i> Конституция РФ – большое видится на расстоянии ..	63
<i>Симатова Е.Л.</i> Пределы осуществления гражданских прав в свете эволюции принципа автономии воли сторон договорных правоотношений	72
<i>Танага А.Н.</i> Недействительность сделок: концептуальный подход современного законодателя	79
<i>Шаповал О.В.</i> Некоторые проблемы законодательства об объектах гражданских прав	85
<i>Арсналиев М.А.</i> Сервитуты в современных гражданско-правовых системах зарубежных государств.....	90
<i>Ростовцева А.М.</i> Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений и юридического лица: вопросы соотношения.....	100
<i>Уюткин Н.Н.</i> Проблемные вопросы компенсации морального вреда в современном гражданском законодательстве ..	112
<i>Юрченко О.Ю.</i> К вопросу о классификации актов гражданского состояния.....	124

Наука и практика стран СНГ

- Шишка Р.Б.* Деликтное обязательство и гражданско-правовая ответственность 135
- Мороз С.П.* Проблемы совершенствования инвестиционного законодательства Республики Казахстан (гражданско-правовые аспекты) 139

Трибуна молодых ученых

- Булат А.В.* Признак организационного единства юридического лица в свете изменений Гражданского кодекса России 153
- Ильенко Е.Н.* Правовой режим имущества национальных парков 158
- Попова Е.И.* Право застройки в законопроекте о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ 168

Из зала суда

- Тарасенко А.А.* О дополнительной ответственности лиц, контролирующих должника 175

Новости науки

- Гряда Э.А., Ермолаев С.Н.* Научная общественность обсуждает изменения Гражданского Кодекса Российской Федерации 181

Критика и рецензии

- Диденко А.А., Параскевова С.А.* Рецензия на монографию Ковалевой Ю.В. «Императивность в договорном праве» (М. : «Юрист», 2011. – 200 с.) 191
- Синельникова В.Н.* Рецензия на монографию Герасимова А.А. «Саморегулируемые организации: теоретические и практические проблемы правового регулирования и деятельности» (М. : Российская академия адвокатуры и нотариата. – 2012. – 264 с.) ... 201

Contents

Actual problems of modern law

<i>Kamyshanskii V.P., Veter N.Y.</i> Circumventing the law and abuse of rights: general and special (questions of correlation).....	19
<i>Lukyantsev A.A.</i> Issues of modernization of violated rights in russian civil law	24
<i>Petrov A.V.</i> New laws on intangible benefits and protection.....	32
<i>Potapenko S.V.</i> Compensation for damage caused by lawful actions of state bodies and local self-government.....	38
<i>Tsybulenko Z.I.</i> New in the civil code on conclusion of transactions	43
<i>Shennikova L.V.</i> About good faith as principles of civil law.....	47
<i>Abramov V.V.</i> Teoretiko-legal research of concept “risk” in civil law	52
<i>Kozhokar I.P.</i> Defects in civil law: statement of the problem.....	57
<i>Levahin V.</i> The constitution of the russian federation – a large seen from a distance.....	63
<i>Simatova E.L.</i> Limits of the civil rights in the light of the evolution of the principle of autonomy of the parties contractual relationship	72
<i>Tanaga A.N.</i> Invalidity of transactions: conceptual approach contemporary legislator	79
<i>Shapoval O.V.</i> Some problems of the legislation on civil rights sites	85
<i>Arsnaliev M.A.</i> Easements in modern civil law systems of foreign countries	90
<i>Rostovtseva A.M.</i> Civil liability of participants in corporate relations and the legal entity: the issues of correlation....	100
<i>Uyutkin N.N.</i> Problematic issues of compensation for moral damage in modern civil law	112
<i>Yurtchenko O.Y.</i> About the classification of acts of civil status	124

Actual problems of science and practice of CIS countries

<i>Shishka R.B.</i> Delict obligation and civil liability	133
<i>Moroz S.P.</i> Problems of improving the investment legislation of the Republic of Kazakhstan (the civil law aspects).....	139

Tribune of Young Scientists

<i>Bulat A.V.</i> Sign of organizational unity of the legal entity in light of Russia's civil code changes	153
<i>Ilenko E.N.</i> The legal regime of property of national parks	158
<i>Popova E.I.</i> Right of development in the draft law on amendments in the RF civil code	168

Court sessions

<i>Tarasenko A.A.</i> About additional responsibility the persons controlling the debtor	175

Science News

<i>Gryada E.A., Ermolaev S.N.</i> Since society is discusses changes in Civil Code of Russian Federation	181

Critique and Reviews

<i>Didenko A.A., Paraskevova S.A.</i> Review of the monograph Kovalevoj Y.V. «Imperativeness in contract law» (Moscow : «Lawyer», 2011. – 200 p.)	191
<i>Sinelnikova V.N.</i> Review of the monograph Gerasimov A.A. «Self-regulatory organizations: theoretical and practical problems of legal regulation and activities» (Moscow : Russian academy of advocacy and notary. – 2012. – 264 p.).....	201

О ПРАВЕ, НРАВСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВЕ

В 2014 году продолжалась активная работа Государственной Думы Российской Федерации по дальнейшей модернизации гражданского законодательства и, прежде всего, Гражданского кодекса Российской Федерации. Стремление сделать гражданское законодательство адекватным складывающимся общественным отношениям привело к тому, что был принят целый ряд федеральных законов по внесению изменений и дополнений в ГК РФ и другие федеральные законы как некий консенсус между различными политическими силами.

При этом чем дальше и глубже мы погружаемся в процесс выработки различных концепций дальнейшего развития и совершенствования правовой системы и законодательства, тем чаще возникает потребность ответить на вопрос, а каким мы представляем наше общество завтра, через несколько лет и с приходом будущих поколений в активную политическую жизнь? Почему количество законов и контролирующих органов растет, а правопорядок и нравственное здоровье общества испытывает рост кризисных явлений?

Расслоение общества, обострение противостояния между богатыми и бедными, так называемыми «слугами народа» и простыми россиянами, глобальные социальные потрясения, которые обрушились на Россию в конце прошлого века, не могли не сказаться на характере общественного

сознания, правосознании и общих представлениях о цели и смысле жизни в российском обществе. Утрата казалось незблемых ценностей, деформация понятий о добре и зле, сформированные у нескольких поколений в советский период развития нашего общества, вызвало у определенной части общества состояние депрессии, безысходности, потери какой-либо надежды на лучшую долю.

Следует отметить, что депрессию нельзя назвать явлением, характерным исключительно для России. Ее называют одной из главных болезней XXI века. По мнению ректора Восточно-европейского института психоанализа Михаила Решетникова, рост количества легких и тяжелых депрессивных расстройств происходит во всех европейских странах, в США и во всех других государствах Американского континента. Несколько лет назад в странах Евросоюза подсчитали, что депрессия граждан стоит им ежегодно около 120 миллиардов евро, или приблизительно 1% общего ВВП¹. В России такая статистика отсутствует.

Растет число депрессий и тяжелых психических расстройств, и одновременно увеличивается уровень агрессии и нетерпимости в обществе. А вместе с этим неуважение к закону становится нормой жизни для одних, а жизнь по закону остается уделом, в основном, простых россиян, которые в силу привычки не допускают иной жизни либо лишены возможности оказывать воздействие на принятие правоохранительными органами противоправных решений в свою пользу.

В духовной жизни людей, особенно молодого поколения и пожилых людей, возникает и нарастает состояние внутренней пустоты. Интересы одних крутятся вокруг желания потусоваться, сходить в ресторан, купить машину, отдохнуть на Канарах. Мысли других всецело о хлебе насущном и лекарствах наряду с воспоминаниями о яркой молодости и ударных комсомольских стройках. И над всем этим витает дух безысходности и полное отсутствие каких-либо перспектив и уверенности в завтрашнем дне.

¹ См. : Первый канал. 4 февраля 2014 г. Новости. В мире [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.1tv.ru/news/world/251579>.

В этих условиях одни россияне уже начинают привыкать жить одним днем по принципу «урвать все сегодня, сейчас, а до завтра еще дожить надо», другие продолжают задумываться над смыслом жизни и, не получив ответа, теряют интерес к ней, что приводит к девальвации собственной жизни, утрате идеалов и формированию интересов антисоциальной направленности.

Это объективные процессы, вызванные в значительной мере перекосом государственной политики по формированию духовной и экономической составляющей жизни нашего общества в пользу последней. Наглядным подтверждением этому служит формирование бюджетов всех уровней на науку, образование, здравоохранение и культуру по остаточному принципу.

Экономия на вложениях в формирование у россиян духовности, нравственности, культуры, основ толерантности оборачивается в дальнейшем значительными потерями государственного бюджета от коррупции, пронизавшей все эшелоны власти, сворачиванию наукоемких отраслей экономики, росту зависимости экономической безопасности страны от мировых цен на углеводородные энергоносители. В связи с этим простое наращивание силового блока, количества контролирующих организаций и принятие все новых законов по ужесточению ответственности за коррупционную деятельность не приводит к ожидаемым результатам. Эти действия следует отнести к попыткам ударить по следствию, а причины, лежащие в их основе, продолжают оставаться вне поля активной деятельности государства, оставаясь на уровне деклараций и призывов к борьбе с коррупцией.

Проблемы повышения духовности и укрепления нравственности невозможно решить без существенного усиления финансирования средств на научные исследования в гуманитарной сфере, культуру, образование. В 90-е годы XX века фактически произошла революция: сменился общественный строй, его политическая и экономическая основа.

На смену государственной социалистической собственности на средства производства через приватизацию, прежде всего, государственных и муниципальных предприятий пришла многоукладная рыночная экономика, осно-

ванная на многообразии форм собственности. Это обстоятельство стало мощным стимулом для науки гражданского права к поиску новых концептуальных подходов выработки механизмов обеспечения равенства защиты права частной собственности наряду с правом государственной и муниципальной собственности, повышения эффективности механизма создания и защиты прав на результаты интеллектуальной собственности и средств индивидуализации товаров, работ и услуг.

Выработка дальнейших оптимальных путей развития нашего общества на постсоветском пространстве требует глубоких научных исследований в области экономики, права, политологии, социологии, психологии и других общественных наук.

Применительно к гражданскому праву, регулирующему имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности его участников (п. 1 ст. 2 ГК РФ), проблемы соотношения публичных и частных интересов нуждаются в выработке новых подходов. Попытки государства сделать более доступным средний и малый бизнес пока не дают ощутимых результатов. Стабильный рост цен на мировом рынке на углеводородные ресурсы обеспечивали устойчивое наполнение российского бюджета за счет нефтедолларов, что привело к некоторой недооценке необходимости стимулирования наукоемких сфер производства.

Негативно сказалась на состоянии российского военно-промышленного комплекса и политика массового разоружения, в которое активно включилась вначале СССР, а затем и Россия, пытаясь доказать мировому сообществу мирный характер своей внешней политики в надежде на активное развитие добрососедских отношений со странами Западной Европы и США. В итоге мы потеряли большую часть наиболее наукоемких производств, нарушилась преемственность в подготовке высококвалифицированных рабочих кадров и инженерно-технического персонала, что практически невозможно восстановить в одночасье даже при обильном финансировании различного рода государственных программ.

При этом нельзя забывать, что Россия – уникальная страна, которая многократно доказывала свою способность в короткие исторические периоды времени решать грандиозные задачи возрождения и развития экономики, науки, культуры, спорта, способность народа сплотиться как единое целое для решения крупных геополитических задач. В этом сила нашего общества.

Без четкого и ясного ответа на вопрос о том, кто мы, где мы, куда и как необходимо двигаться дальше, не следует рассчитывать на серьезные успехи прогрессивного развития нашего общества в будущем. Не определившись с общей стратегией развития, основанной на результатах глубоких научных исследований ученых-обществоведов, Россия на пути своего движения будет постоянно наткаться на нерешенные частные проблемы, продолжая совершать ошибки в своем стратегическом движении и нести от этого существенные потери экономического и политического характера.

Для науки гражданского права в качестве одной из приоритетных задач современного развития представляется решение целого комплекса вопросов, связанных с правовым обеспечением дальнейшего развития государственно-частного партнерства в различных сферах малого и среднего бизнеса, создание необходимых инфраструктурных предпосылок к этому. С другой стороны, крупный бизнес должен лишиться возможности уходить от государства в различные офшоры, что приводит к значительным потерям для государственного бюджета. Четкие и прозрачные правила на российском рынке позволят сделать нашу экономику более инвестиционно привлекательной. В свою очередь, отток капитала из страны создает дополнительные проблемы для развития экономики.

Значительные резервы остаются в сфере рационального использования бюджетных средств для обеспечения государственных и муниципальных нужд через систему электронных торгов и получение государственных и муниципальных заказов на конкурсной основе. В этой сфере продолжают иметь место злоупотребления как со стороны заказчика, так и со стороны поставщика (подрядчика).

Нуждается в доработке механизм гражданско-правовой ответственности лиц, пытающихся нажиться за счет недобросовестного освоения бюджетных средств.

Конечно, в этой сфере отношений невозможно все отрегулировать нормами права. Часть отношений всегда будет находиться в сфере, подпадающей под нормы морали и нравственности. Это значит, что формирование высоких нравственных начал личности всегда будет оставаться важнейшей задачей государства и его институтов.

*Главный редактор
журнала «Власть Закона»
доктор юридических наук,
профессор*

В.П. Камышевский

Актуальные проблемы современного права

Актуальные проблемы современного права
Актуальные проблемы современного права

Актуальные проблемы современного права

Актуальные проблемы современного права

Актуальные проблемы современного права

Актуальные проблемы современного права

Актуальные проблемы современного права

Актуальные проблемы современного права

В.П.Камышанский

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права»

Н.Ю. Ветер

Аспирант по кафедре гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

**ОБХОД ЗАКОНА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
(вопросы соотношения)**

**CIRCUMVENTING THE LAW AND ABUSE OF RIGHTS:
GENERAL AND SPECIAL
(questions of correlation)**

Аннотация: В статье содержится критический анализ содержания и динамики модернизации ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав». Соавторами анализируется категория «обход закона», как форма злоупотребления субъективным гражданским правом. На основе проведенного исследования предлагается авторское понятие «злоупотребление правом».

Ключевые слова: Защита гражданских прав; обход закона; злоупотребление правом; судебное усмотрение; границы субъективных гражданских прав; отказ в защите прав; добросовестность участников гражданских правоотношений.

Annotation: This article is provided a critical analysis of the content and dynamics of modernization Art. 10 Civil Code of RF «Limits the enjoyment of civil rights». Co-authors analyzed the category of «circumvention of the law» as a form of abuse subjective civil right. Based on the author's research suggests the concept of «abuse of the right».

Keywords: Protection of civil rights; circumvention of the law; the abuse of rights; judicial discretion; border subjective civil rights; denial of rights protection; conscientiousness of participants of civil relations.

Модернизация гражданского законодательства в Российской Федерации поставила перед наукой гражданского права целый ряд задач, нуждающихся в неотложном решении. Одной из таких проблем, которая может возникнуть в процессе правоприменения, является расширение в тексте Гражданского кодекса Российской Федерации оценочных категорий.

На первый взгляд, можно расценивать это направление в практической деятельности законодателей как благо, поскольку это позволяет учесть множество различных ситуаций при оценке той или иной правовой ситуации. Однако нельзя забывать, что в России любое усмотрение в лице правоохранительных органов, суда, прокуратуры, различного рода администраций осуществляется в пользу интересов публичной власти в лице ее органов.

Для простого россиянина в сложившейся ситуации в большей степени отвечает норма закона, исключаяющая в своем содержании какое-либо усмотрение чиновника, четко очерчивая границы правила поведения участников правоотношений и иных правоприменителей.

В этой связи представляет определенный научный и практический интерес содержание и динамика модернизации ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав».

Согласно первоначальной редакции содержания названной статьи не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Из этого следует, что совершение сделок с целью причинения вреда гражданину либо юридическому лицу следует рассматривать как одну (но не единственную) из форм злоупотребления правом.

К таким действиям приравниваются использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. Правовым последствием злоупотребления правом при совершении указанных действий является отказ субъекту права в судебной защите принадлежащего ему права. При этом в тех случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются.

Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ, который дал начало широкомасштабной модернизации всех четырех частей Гражданского кодекса Российской Федерации, содержание ст. 10 ГК РФ стало носить еще более оценочный характер за счет добавления новой оценочной категории «обход закона». В ныне действующей редакции закон запрещает не только шикану, как действия, совершаемого исключительно с целью причинения вреда другому лицу, но и действия, совершаемые в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав¹. Вся эта совокупность действий квалифицируется законодателем как злоупотребление правом².

Такое обновленное содержание п. 1 ст. 10 ГК РФ с точки зрения формирования единообразия применения этой нормы вносит еще больше неопределенности, нежели гибкости и динамичности отражения складывающихся спорных общественных отношений закрепленному в законе правилу поведения.

Появилась новая правовая категория «действия в обход закона в противоправной целью». Несложно предположить, что действия в обход закона с правомерной целью не следует рассматривать, исходя из буквы закона, как действие нежелательное, совершение которого может лишить субъекта соответствующего права на защиту. Нетрудно предположить, кто может действовать в обход закона с благими намерениями под прикрытием мнимых социально значимых целей. Конечно же, речь может идти не о физических лицах или субъектах малого и среднего бизнеса. Такая редакция нормы права дает возможность определенному кругу лиц совершать такие действия в обход закона, которые преследуют правомерную цель.

В этом случае нуждается в ответе вопрос, а что мы понимаем под правомерной целью и противоправной целью при совершении определенных действий или действия? Что такое правомерные действия с противоправной целью и действия в обход закона с правомерной целью? Чем они отличаются и как их можно развести? Ответы на эти вопросы по мере накопления практики со временем будут давать арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Однако в настоящее время такая обтекаемая норма ГК РФ

1 См.: Цыбуленко З.И. Судебные формы защиты гражданских прав в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № Дополнительный. – С. 116.; Тужилова-Орданская Е.М. Добросовестность и защита прав на недвижимость в период модернизации гражданского законодательства // Гражданское право. – 2012. – № 3. С. 4.

2 См.: Мнацаканян А.С. Общие положения о соотношении договорной и деликтной ответственности исполнителя медицинских услуг // Общество и право. – 2007. – № 4. – С. 99 – 103.; Дудченко А.Ю. Проблемы защиты прав акционеров от недружественного поглощения // Общество и право. – 2008. – № 2. – С. 69.

будет давать широкие возможности усмотрения в процессе правоприменения, что будет негативно сказываться на устойчивости гражданского оборота и защищенности продекларированных в гражданском законодательстве прав.

К такому выводу подталкивает и еще одна новация в содержании п. 2 ст. 10 ГК РФ, согласно которому при совершении действий в обход закона или иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав «суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом». Как видим, по сравнению с предыдущей редакцией анализируемой нормы, императивный отказ в защите прав лиц, совершивших злоупотребление правом, сменился на диспозитивный, позволяющий суду с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления по своему усмотрению отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью *или частично* (курсив наш – Н. В.), а также применять иные меры, предусмотренные законом.

Возникает вопрос, о каких мерах может идти речь при полном или частичном отказе в защите? Ответ может прояснить ситуацию и помочь правильно применять ст. 10 ГК РФ в процессе рассмотрения гражданско-правовых споров в суде.

Вызывает сомнение необходимость наличия п. 3 ст. 10 ГК РФ, который, со сути, дублирует содержание п. 2 ст. 10 в части содержания санкции за нарушение нормы и устанавливает приоритет специальных норм ГК РФ, предусматривающих ответственность за обход закона с противоправной целью, перед общим правилом об ответственности, закрепленным в п. 2 ст. 10 ГК РФ. Однако в этом общем правиле уже говорится о возможности применять к лицу, совершившему обход закона с противоправной целью, «иные меры, предусмотренные законом». (Надо полагать любым федеральным законом, в том числе и Гражданским кодексом Российской Федерации.)

Вызывает сомнение и целесообразность включения в ст. 10 ГК РФ п. 4, согласно которому «Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков».

Во-первых, причем здесь злоупотребления правом, если речь идет о действиях либо бездействии, повлекших нарушение прав другого лица? Нарушение гражданских прав предполагает гражданско-правовую ответственность в различных формах, в том числе и в форме возмещения убытков, причиненных противоправным поведением.

Во-вторых, появление этого правила в ст. 10 ГК РФ порождает потребность в том, чтобы, как минимум, на уровне научной доктрины развести по смыслу и содержанию понятия «злоупотребление правом» и «нарушение права другого лица» как оснований возникновения гражданско-правовой ответственности.

Как следует из краткого анализа обновлений содержания ст. 10 ГК РФ и закрепление в ее содержании понятия «обход закона», возникло много вопросов относительно правильного ее применения на практике. Для решения этой задачи наука гражданского права должна предложить новые доктринальные подходы к решению этой проблемы. С этой целью нуждаются в уточнении вопросы, связанные с понятием, отличительными признаками и юридической сущностью обхода закона и злоупотребления правом, а также соотношение этих правовых категорий. Кроме того, практическую значимость имеют вопросы, связанные с изучением форм и способов обхода закона и злоупотребления правом в иных формах при осуществлении вещных и обязательственных субъективных гражданских прав, а также их судебной защите.

Для начала следует определиться с самим понятием «обход закона». По мнению законодателя, обход закона представляет собой разновидность злоупотребления правом. Это означает, как минимум, что речь идет о лице (физическом или юридическом), которое обладает определенным субъективным гражданским правом, при осуществлении которого, возникает ситуация, когда лицо, не нарушая установленные законом запреты, выполняя возложенные на него обязанности, совершает дозволенные законом действия. Однако эти действия в конечном счете приводят к тому, что у субъектов иных вещных или обязательственных прав возникает, как минимум, реальная угроза их осуществления или эффективной защиты в полном объеме. Это может быть не только угроза наступления определенных негативных последствий для управомоченного лица в будущем, но и действия, повлекшие причинение убытков физическим или юридическим лицам вследствие обхода закона другим лицом. Обход закона должен предполагать наличие определенного гражданского правоотношения между лицами, совершавшими такие действия и лицами, которые понесли определенные убытки от таких действий, либо возникновение угрозы понесения убытков.

Таким образом, **обход закона** как разновидность злоупотребления правом – это по форме законная, но по сути неправомерная, целенаправленная деятельность недобросовестного участника гражданского оборота, которая, вступая в противоречие с основными началами и принципами гражданского права, посягает на права и законные интересы иных субъектов гражданского права при их осуществлении и защите.

А.А. Лукьянцев

Доктор юридических наук,
профессор, директор Института права
и управления Южного федерального
университета, заведующий
кафедрой гражданского права
Южного федерального университета,
заслуженный работник Высшей школы РФ

ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ISSUES OF MODERNIZATION OF VIOLATED RIGHTS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Аннотация: В статье рассматриваются злободневные вопросы реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации, проанализированы основополагающие нормы права, в которые вносятся изменения. Дана оценка политико-правовой обстановке в области гражданского права, обращено внимание на актуальнейшие новеллы судоустройства в Российской Федерации.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; новеллы в российском гражданском законодательстве; реформа судебной системы РФ.

Annotation: The article is considered topical issues of reformation of Russian civil code, there are analysed fundamental law norms, which are being modified. There is given an evaluation of political and law atmosphere in Russian civil law, there is a drawn attention on the most actual novels of judicial system reformation.

Key words: Improvement of civil legislation; novels in Russian civil law; reformation of judicial system of Russia.

О жесточенное и все еще незавершенное обсуждение Концепции дальнейшего развития гражданского законодательства РФ не могло не коснуться целого ряда вопросов совершенствования способов защиты нарушенных гражданских прав участников этих правоотношений. И это вполне закономерно, ведь по меткому Ленинскому определению – «право есть ничто, без аппарата, призванного к соблюдению норм этого права».

Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского Кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный Д.А. Медведевым в Государственную Думу, несколько снизил накал цивилистических споров вокруг его содержания, но не устранил их до окончательного внесения предложенных изменений в действующий Гражданский Кодекс РФ после процедуры рассмотрения и принятия его Законодательным собранием.

Значительные изменения предлагается внести в первую, третью и четвертую части, а также в некоторые главы второй части ГК РФ (в так называемые «финансовые сделки»). После ожесточенных споров не повышается минимальная величина уставного капитала для ООО: сохраняется ее прежний минимум в 10 тыс. р., что, на наш взгляд, будет способствовать более широкому привлечению к участию в предпринимательских отношениях среднеобеспеченных инициативных граждан нашей страны, которые к тому же получат возможность заключения и таких корпоративных договоров, как акционерные соглашения¹.

Оправданно предлагается разделение юридических лиц на публичные и непубличные, введение понятий «лицо, контролирующее юридическое лицо» и «аффилированность».

Предлагаемое введение обязательной нотариальной формы сделок с недвижимостью позволит усилить правовое поле их содержания за счет участия в их оформлении квалифицированных и юридически подготовленных специалистов – нотариусов, что должно повлечь уменьшение количества недействительных и оспоримых сделок.

Закрепление владения как самостоятельного института вещного права наряду с правом собственности, безусловно, усилит возможности защиты добросовестных владельцев – несобственников от ущемления их правомочий владения. К тому же, это будет замечательной рецепцией римского частного права, где наряду с правом собственности (*dominium*) эффективно существовал самостоятель-

1 Камышанский В.П., Параскевова С.А., Попова Ю.А., Мнацаканян А.С. Ответственность за нарушение акционерного соглашения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 80. – С. 647–657; Мнацаканян А.С. Акционерное соглашение в российском праве // Власть Закона. – 2010. – № 4. – С. 65–70; Седова Н.А. Некоторые особенности определения правового положения акционерных обществ, осуществляющих свою деятельность в сельском хозяйстве // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 3. – С. 284–293; Тужилова-Орданская Е.М. Гражданско-правовая защита фактического владения: проблема определения способов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2013. – № 2(35). – С. 75–84.

ный параллельный институт – право владения (*possessio*), защищаемый более упрощенными способами – преторскими интердиктами².

Хотелось бы отметить, что далеко не все предложения о внесении изменений в действующий ГК РФ воспринимаются цивилистами беспрекословно: порой для их узаконения приходится прибегать даже к помощи руководителей нашего государства и в особенности там, где это затрагивает не только частные, но и публичные интересы.

Примером может служить ожесточенная дискуссия вокруг содержания понятия НКО (некоммерческих организаций), где оппозиция пыталась ввести в их состав «иностранных агентов», которые могли бы заниматься и неконтролируемой политической деятельностью с непрозрачным финансированием НКО. Понятно, что такой подход порождает бы возможность бесконтрольного проведения на территории нашей страны всевозможных антиполитических митингов и демонстраций, вносящих непредсказуемый раздрай в жизнь и общественное сознание населения нашей страны.

И как нельзя удачным и своевременным вмешательством в эту дискуссию явилось выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании Комитета по делам общественных объединений при рассмотрении поправок к закону о деятельности НКО.

В.В. Путин обоснованно предложил сделать деятельность «иностранных агентов» по участию и финансированию НКО, которые занимаются политической деятельностью на территории России, прозрачной для гражданского контроля.

Причем, в этом Президентском заключении было отмечено, что к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, соцподдержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность. Действие закона не должно распространяться на религиозные организации, госкорпорации и на создаваемые госкорпорациями НКО. По инициативе В.В. Путина при этом увеличено свое собственное финансирование НКО в три раза (с 1 до 3 млрд р.)³.

2 См. : Тужилова-Орданская Е.М. Государственная регистрация как способ охраны прав на недвижимость // Закон. – 2006. – № 2. – С. 20; Параскевова С.А. Что нарушает гражданское правонарушение? // Юрист. – 2007. – № 5. – С. 46.

3 См. : Хамраев В., Иванов М., Горяшко С. НКО поставили президентские рамки // Коммерсант. – 2012. – № 125; Закатнова А. Сенаторы посчитали агентов // Российская газета. – 2012. – № 156; Шкель Т. Как вас теперь называть? // Российская газета. – 2012. – № 154; Корченкова Н., Горяшко С. НКО нашли новый фронт работ // Коммерсант. – 2013. – № 189.

Касаясь отдельных новаций общих положений ГК РФ, нельзя обойти вниманием и категорию «добросовестность», которая получила завершение в ст. 1 ГК РФ (в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ) в качестве одного из основных принципов современного гражданского права, тогда как в первоначальной редакции (в ст. 10 ГК РФ) не совсем четко предусматривался запрет на злоупотребление гражданскими правами, в том числе и осуществление права с целью причинить вред другому лицу (так называемая «шикана»). А как быть, если лицо преследует цель не только навредить, но и получить собственную выгоду для себя? Нарушение этого основополагающего принципа, закрепленного теперь в ст. 1 ГК РФ, предполагает отказ суда в защите⁴.

Нельзя оставить без внимания, на наш взгляд, и другую новеллу нашего гражданского законодательства, связанную с правом суда уменьшить неустойку, предусмотренную ст. 333 ГК РФ. Данные изменения в практике применения норм ГК РФ об уменьшении неустойки, возникли с принятием Пленумом ВАС РФ Постановления от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Предоставив суду право уменьшить размер взыскиваемой неустойки законодатель не ограничивается низшими пределами взыскания такой неустойки (она может быть уменьшена до самых минимальных размеров), если, разумеется, у кредитора не возникли убытки в связи с неисполнением обязательства должником.

А как быть в том случае, если кредитор принял исчерпывающие меры для их уменьшения? Или неустойка взыскивается за сам факт нарушения обязательства независимо от наличия убытков у кредитора, тем более, что в соответствии с п. 1 ст. 330 ГК РФ по требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков.

4 См. : Лукьянцев А.А. О добросовестном владении и злоупотреблении правом в Гражданском кодексе Российской Федерации // Модернизация общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы : материалы «круглого стола» (Краснодар, 13 марта 2013 г.). – С. 12-14; Камышанский В.П. О модернизации гражданского законодательства и правовом нигилизме // Модернизация общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы : материалы «круглого стола» (Краснодар, 13 марта 2013 г.). – С. 8-11; Цыбуленко З.И. Некоторые новации общих положений в Гражданском кодексе Российской Федерации // Модернизация общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы : материалы «круглого стола» (Краснодар, 13 марта 2013 г.). – С. 6-8; Мареев Ю.Л. О добросовестности в российском и германском гражданском законодательстве // Модернизация общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы : материалы «круглого стола» (Краснодар, 13 марта 2013 г.). – С. 15; Тужилова-Орданская Е.М. О принципе добросовестности и обходе закона в гражданском праве // Модернизация общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы : материалы «круглого стола» (Краснодар, 13 марта 2013 г.). – С. 16-19.

Постановление ВАС РФ № 81, положительно оценивая практику применения ст. 333 ГК РФ, отмечает ее неоднозначность с точки зрения основных принципов ответственности и реализации их в российской практике. Это обстоятельство, кстати, не осталось без внимания и в научных публикациях⁵.

Быстрое развитие российской экономики, преодолевшей за два десятилетия путь, который другие страны проходили несколько столетий, предопределило новый этап перераспределения собственности, характерный, прежде всего, для «дикого» капитализма. Речь идет о небывалом всплеске рейдерских захватов объектов собственности в последние годы. Его отличительной особенностью в XXI веке является использование недобросовестными участниками гражданского оборота не только грубой силы, но и тонких юридических приемов, позволяющих, формально соблюдая законодательство, в целом влиять на экономические перераспределения собственности в антиправовом ключе.

Ситуация с перераспределением собственности во многом обусловлена несовершенством правовой защиты собственников. Огромное количество нормативно-правовых актов, зачастую противоречащих друг другу, не успевая за темпами развития гражданского оборота, не способствует созданию эффективных механизмов защиты.

Вместе с тем кардинальные изменения в материальном праве не повлекли своевременного параллельного изменения в процессуальных формах реализации норм этого права, что и привело к разбуханию судебной системы в нашей стране. Между тем отсутствие четкого механизма защиты субъективных гражданских прав даже при разнообразии способов такой защиты значительно снижает эффективность норм материального права.

Именно по этой причине в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 гг., утвержденной Постановлением Правительства РФ от 12 сентября 2006 г. № 583, предусмотрен ряд мер, направленных на повышение качества правосудия, построение системы защиты гражданских прав, адекватной условиям современного развития общества в нашей стране.

5 См. : Рожкова М. Изменение практики применения арбитражными судами ст. 333 ГК РФ: от Обзора Президиума ВАС РФ к Постановлению Пленума ВАС РФ. «Хозяйство и право», 2012 г., № 7, с. 110-120; Бевзенко Р. Обстоятельства, не имеющие прямого отношения к последствиям нарушения обязательств не должны учитываться. «Юрист компании», 2012 г., № 4, с.43; Базюк М. Снижение неустойки по новым правилам. Что ожидать от суда должнику и кредитору. «Юрист компании», 2012 г., № 4, с. 34; Э. Гаврилов. О неустойке. «Хозяйство и право». 2012 г. № 10, с. 30-35.

Построенная в нашей стране судебная система была всегда в центре внимания многих цивилистов, участников различных конференций. И это понятно, ведь практическая нагрузка по количеству рассмотренных дел на каждого судью в нашей стране возросла более чем в два раза.

«Расползаемость» судебной власти по трем организационно независимым друг от друга федеральным звеньям судебной власти (в соответствии со ст.ст. 125, 126 Конституции РФ) практически привела к чрезмерному разбуханию в первую очередь властной ветви судов общей юрисдикции, возглавляемых Верховным Судом РФ, структура которых не совпадает с построением системы арбитражных судов, возглавляемых Высшим Арбитражным Судом РФ, что не всегда способствует единообразию в применении норм материального права и вызывает порой необходимость корректировки их деятельности со стороны Конституционного Суда РФ (к примеру, в спорах по истребованию имущества от добросовестного приобретателя при применении положений о последствиях недействительности сделки согласно ст.ст. 167, 302 ГК РФ; при рассмотрении исков о компенсации морального вреда юридическим лицам согласно ст. 152 и в других случаях).

Такая острая конкуренция между тремя высшими судами РФ уже подвергалась критике, в частности, бывшим зампредом Конституционного суда РФ Тамарой Морщаковой в лекции на «Сенаторских чтениях» в Конституционном суде, посвященных реализации принципов правового государства в современной России⁶.

В рамках реализации Концепции развития судебной системы известные ученые-цивилисты отмечали отсутствие единообразия норм арбитражного и гражданского процессов, устанавливающих порядок рассмотрения единых по своей природе гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, самостоятельность и независимость этих судов друг от друга, позволяющие им активно вмешиваться в чужую компетенцию, игнорируя правовые нормы о разграничении подведомственности гражданских дел, а также количество инстанций по пересмотру судебных актов в ущерб качеству осуществления правосудия, что по сути составляет основной изъян системы общей юрисдикции.

Именно из этих соображений В.В. Путин 7 октября 2013 г. внес Законопроект в Государственную Думу РФ с поправками к Конституции РФ «О Верховном суде и прокуратуре», в котором предполагается исключение из Основного закона упоминаний об Арбитражном суде и создании единого Верховного суда.

⁶ См.: Пушкарская А., Плешанова О. Ориентировка на вышестоящие инстанции уничтожает правосудие // Коммерсант. – 2009. – №191.

Создание единой пирамиды судебной власти позволит, на наш взгляд, стабилизировать единообразие судебной практики в нашей стране, хотя для приведения в порядок самих процедур и структуры построения двух до этого самостоятельных судебных ветвей потребуются немало организационных и правовых усилий, чему должны способствовать правовая мысль и опыт научных и практических работников юриспруденции.

На момент подготовки настоящей публикации и первое (12 ноября), и второе (20 ноября), и третье (22 ноября) чтение Законопроекта произошло с одобрением его большинством депутатов Госдумы РФ⁷.

Немаловажен вопрос о том, почему единое по своей природе материальное гражданское право должно требовать для своей реализации (защиты) нескольких однородных процессуальных форм (гражданский, арбитражный, административный процессы). Ничего, кроме противоречий, это не порождает (как и случилось, например, в сфере предпринимательских отношений при применении ответственности в спорах, вытекающих из акционерного законодательства, разрешаемых судами общей юрисдикции и судами арбитражной системы).

Весьма перспективной, на наш взгляд, должна стать практика расширения экономических споров негосударственными судами (в первую очередь третейскими). Перед отечественной правовой системой стоит задача эффективного внедрения в правоприменительную практику преимуществ других альтернативных способов: медиация (посредничество), примирение, переговоры, предварительная оценка нейтральной стороны, мировое соглашение, которые успешно применяются в экономическом обороте зарубежных стран.

Попытка отечественных законодателей как-то урегулировать внесудебное разрешение споров – медиация, позволяющая разгрузить суды общей юрисдикции от чрезмерного количества судебных дел с помощью альтернативных процедур, пока еще не дала существенных результатов, несмотря на вступление с 1 января 2011 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)». «Для осуществления поставленной цели в стране должны быть созданы условия для примирительных процедур, следует пропаганди-

7 См. : Иванов М., Хамраев В. Судебную реформу приводят в исполнение // Коммерсант. – 2013. – № 194; Шкель Т. Один суд лучше двух // Российская газета. – 2013. – № 225; Хамраев В., Иванов М., Пушкарская А. Судебной реформе дали толкование // Коммерсант. – 2013. – № 215; Башлыкова Н. Верховный суд вместо трех высших судов // Коммерсант. – 2013. – № 76; Занина А., Пушкарская А. Высший арбитражный суд понес первые потери // Коммерсант. – 2013. – № 194.

ровать их преимущество», – считает, например, член Парламента РФ М. Капур.⁸

На необходимость расширения альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров и способах их внесудебного урегулирования с использованием примирительных либо иных не запрещенных законом процедур на основании добровольного волеизъявления сторон в последнее время указывали и другие ученые-цивилисты⁹.

К подобному призыву присоединяется и автор настоящей статьи, в течение многих лет являющийся членом Постоянно действующего третейского суда при Торгово-Промышленной Палате Ростовской области.

8 См. : Капур М.. Договориться легче, чем судиться // Парламентская газета. – 2012. – № 16. – С. 5.

9 См. : Станкевич Т.Б., Короткий Ф.В. Некоторые вопросы использования альтернативных способов урегулирования правовых споров в сфере экономической деятельности // Цивилистические записки Кубанского госуниверситета. – 2012. – С. 201-208; Рожкова М. Запрос в Конституционный Суд РФ: является ли третейский суд судебным органом и вправе ли он разрешать споры о правах на недвижимость // Хозяйство и право. – 2011. – С. 65-70.

И.В. Петров

Доктор экономических наук,
профессор, зав. кафедрой
гражданско-правовых дисциплин
НЧОУ ВПО «Южный институт
менеджмента»

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГАХ И ИХ ЗАЩИТЕ

NEW LAWS ON INTANGIBLE BENEFITS AND PROTECTION

Аннотация: В статье рассматриваются изменения гражданского законодательства о нематериальных благах и способах их защиты. Автор рассматривает различные подходы к пониманию личных неимущественных прав, классификацию личных неимущественных прав, новые способы защиты личных неимущественных прав и анализирует их признаки.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; личные неимущественные права; компенсация морального вреда; неимущественные блага.

Annotation: The article is considered the changes of civil law on intangible benefits and how they are protected. The author examines various approaches to the understanding of moral rights, moral rights, classification, new ways to protect personal rights and analysis of their characteristics.

Key words: Improvement of civil legislation; moral rights; compensation for non-pecuniary damage; nonproperty good.

В отечественной цивилистической доктрине под нематериальными благами традиционно понимают не имеющие экономического содержания и неотделимые от личности их носителя блага и свободы, признанные действующим законодательством¹. Их примерный перечень дан в п. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)². При этом

1 См., например : Гражданское право : учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 2002. – Т. 2. – С. 378.

2 Гражданский кодекс (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2013. – № 30 (Ч. 1). – Ст. 4978.

проблема нематериальных благ вошла в науку под наименованием сначала личных, а впоследствии «личных неимущественных прав»³.

Научный интерес представляют, в первую очередь, вопросы соотношения названных понятий. В частности, по мнению М.Н. Малеиной, личное неимущественное право – это субъективное право, возникающее по поводу благ, лишенных экономического содержания, тесно связанное с личностью управомоченного субъекта и индивидуализирующее его⁴.

Аналогичный взгляд на нематериальные блага как объекты личных неимущественных прав высказан и другими авторами. Личные неимущественные права в гражданском и семейном праве Т.Н. Палькина определяет как «субъективные права, возникающие по поводу нематериальных благ, не подлежащие замене имущественным эквивалентом, тесно связанные с личностью их обладателя, направленные на выявление, развитие его индивидуальности, предоставляющие субъекту возможность самостоятельно определить и выбрать в соответствии с автономией его воли варианты поведения и имеющие специфические основания возникновения и прекращения»⁵.

Дискуссионными являются и вопросы содержания личных неимущественных прав. В частности, ряд авторов к нематериальным благам относят результаты творческой деятельности, которые обычно становятся объектами исключительных прав, а также личные неимущественные блага, являющиеся объектами гражданско-правовой защиты⁶. Результаты интеллектуальной деятельности называют нематериальными объектами товарного характера⁷.

Достаточно оригинальная классификация представлена В.А. Беловым, который предлагает осуществлять деление нематериальных благ на два вида. К первому автор относит объекты гражданских правоотношений и в рамках этого вида он называет: 1) результаты творческой деятельности; 2) социальные усло-

3 Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Белова. – М., 2007. – С. 618-628; Белов В.А. Гражданское право : В 2 т. – М., 2012. – Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты. – С. 366.

4 Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. – М., 1991. – С. 9.

5 Палькина Т.Н. Личные неимущественные права и нематериальные блага в гражданском и семейном праве Российской Федерации: Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 7.

6 Гражданское право : В 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. – М., 2008. – Т. 2. – С. 263.

7 Ермолаев С.Н. Институт доли в имущественном праве в гражданском праве российской федерации // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – Т. 1. – № 39. – С. 167; Гражданское право : учебник / под. ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М., 2008. – Ч. 1. – С. 265; Неттишинская Л.Ф. К вопросу об объекте гражданского правоотношения // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 2. – С. 284.

вия индивидуализации (средства индивидуализации частных лиц, результатов их полезной деятельности; юридических лиц, производимых ими товаров). Ко второму виду он относит те нематериальные блага, которые охраняются правом непосредственно (жизнь и здоровье, способности к труду, состояния конфиденциальности сведений). Достаточно сложно согласиться с его позицией об отношении к материальным благам работ, услуг⁸.

В свете основных концептуальных проблем изменения гражданского законодательства происходит активизация исследований, посвященных нематериальным благам физических лиц. Можно отметить, что становление и развитие рыночных отношений вносит в традиционное понимание нематериальных благ определенные коррективы, когда в качестве товара используются имя, облик гражданина, сведения о частной жизни. Так, С.А. Слипченко полагает, что нематериальные объекты обладают потенциальной способностью участвовать в обороте, они отделимы, могут быть оценены в деньгах и обладать такими свойствами как товарность, а права на них - экономическим содержанием⁹.

Мы обозначим лишь основные коррективы, который внес законодатель в регламентацию нематериальных благ.

После принятия и введения в действие части первой ГК РФ важным шагом на пути совершенствования норм гражданского законодательства о нематериальных благах явилось закрепление в ст. 152.1 ГК РФ права на охрану изображения гражданина. Данная норма предусматривает, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (фотографии, видеозаписи, произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с его согласия. Исключение составляют отдельные случаи, когда: 1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных, иных публичных интересах; 2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения или на публичных мероприятиях, если оно не является основным объектом использования; гражданин позировал за плату. Эти положения не являются новеллами отечественного законодательства, поскольку ст. 514 ГК РСФСР (1964 г.) содержала запрет на такие действия, как опубликование, воспроизведение и распространение произведения изобразительного искусства, в котором изображено другое лицо, если не было получено его согласие. В качестве

8 Белов В.А. Гражданское право : В 2 т. – М., 2012. – Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты. – С. 365-427.

9 Слипченко С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. – 2011. – № 2. – С. 43.

исключений, как и в действующем законодательстве, согласия не требовалось, если эти действия осуществлялись в государственных и общественных интересах либо изображенное лицо позировало за плату. Несмотря на то, что в указанной норме упоминались произведения изобразительного искусства, на практике эти правила распространялись на иные произведения с изображением гражданина (фотографии, кино- и телефильмы и т. д.)¹⁰.

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ¹¹ внесены изменения в гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита». Прежде всего следует остановиться на положениях п. 1 ст. 150 ГК РФ.

Во-первых, перечень регламентированных нематериальных благ дополнен «неприкосновенностью жилища».

Во-вторых, корректировке подверглись формулировки отдельных нематериальных благ. Так, «право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства» заменено на «свободу передвижения» и «свободу выбора места пребывания и жительства». В названной норме закреплено «имя гражданина», а не «право на имя», «авторство», а не «право на авторство», что с содержательной стороны и лингвистической точки зрения выглядит логичным.

В-третьих, исключено указание на «иные личные неимущественные права», а употребляется понятие «иные неимущественные блага». Здесь явно проявляется стремление законодателя не только использовать единую терминологию, но и разрешить проблему, связанную с разграничением нематериальных благ и неимущественных прав. Внесенные изменения не означают отказ от признания личных неимущественных прав. В п. 2 ст. 150 ГК РФ речь идет об использовании способов защиты гражданских прав, вытекающих из существа нарушенного нематериального блага и личного неимущественного права. Далее, в ст. 151 ГК РФ, которая практически не претерпела изменений, законодатель также предусматривает возможность компенсации морального вреда гражданину, который причинен действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага. Толкование названных норм позволяет отнести к личным неимущественным правам те, которые связаны с результатами творческой деятельности.

10 Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / Отв. ред. С.Н. Братусь, О.Н. Садилов. М., 1982. С. 614.

11 О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

Заслуживают поддержки, предусмотренные в законопроекте нормы ст. 152.2 ГК РФ, которые предусматривают запрет на разглашение субъектами гражданских правоотношений ставшей им известной при возникновении и (или) исполнении обязательства информации о частной жизни гражданина, участвующего в данном обязательстве. Помимо этого предусматривается запрещение использования полученной с нарушением закона информации о частной жизни лица при создании произведений науки, литературы и искусства, если такое использование нарушает интересы гражданина. В случае смерти гражданина правом требовать защиты частной жизни законодатель наделяет детей, родителей и пережившего супруга умершего.

По мнению И.А. Михайловой, необходимость данной нормы вызывает большие сомнения. Ее положения не соответствуют современным реалиям. Сегодня в стране существует беспрецедентный масштаб массового обсуждения различных сторон семейной, личной жизни в телевизионных ток-шоу. Помимо этого средства массовой информации наполнились многочисленными «саморазоблачениями» и «разоблачениями» других лиц о подробностях частной жизни¹². Полагаем, названные нормы будут, напротив, актуальны как никогда. Желание сделать свою частную жизнь достоянием общественности испытывает далеко не каждый.

В действующей редакции закреплено три новых способа защиты нематериальных благ: во-первых, это признание судом факта нарушения личного неимущественного права; во-вторых, публикация решения суда о допущенном нарушении; в-третьих, пресечение или запрещение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягательства на нематериальное благо (абз. 2 п. 2 ст. 150 ГК РФ). Подобные меры усилят механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ.

Важной новеллой для правоприменительной практики явилось исключение положений о возможности применения правил о компенсации морального вреда к защите деловой репутации юридического лица (п. 11 ст. 152 ГК РФ). В ранее действующей редакции п. 7 ст. 152 ГК РФ делалась лишь оговорка о том, что правила ст. 152 ГК РФ, применяются к защите деловой репутации юридического лица. По этому поводу свою позицию высказал Верхов-

¹² Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2012. – № 4. – С. 5.

ный Суд РФ постановлении Пленума от 24 февраля 2005 г. № 3¹³, который разъяснял, что правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица. Эти разъяснения широко применялись в судебной практике.

В регламентацию защиты чести, достоинства деловой репутации внесены и другие изменения. В частности, если сведения, порочащие деловую репутацию гражданина (юридического лица), стали широко известны и опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, данное лицо вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения ее дальнейшего распространения. Удаление может представлять изъятие, уничтожение изготовленных экземпляров материальных носителей, содержащих порочащие сведения, если иначе удаление соответствующей информации невозможно. При этом делается оговорка, что указанные экземпляры должны быть изготовлены с целью их ввода в гражданский оборот (п. 4 ст. 152 ГК РФ).

Введены новеллы, которые направлены на регламентацию защиты чести, достоинства и деловой репутации, если порочащие их сведения оказались доступными в сети «Интернет». Гражданин (юридическое лицо) вправе требовать опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим его доведение до пользователей сети «Интернет», а также удаления соответствующей информации (п. 5 ст. 152 ГК РФ).

Резюмируя сказанное, можно отметить, что подвергнутые научному анализу новеллы ГК РФ, регулирующие нематериальные блага и их защиту, дают дополнительный импульс для их всестороннего обсуждения, переоценке традиционного понимания нематериальных благ, а также их признаков, выработанных доктриной гражданского права.

13 О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Российская газета. – 2005. – № 3719.

С.В. Потапенко

Доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса и
международного права ФГБОУ
ВПО «Кубанский государственный
университет», Заслуженный юрист
Российской Федерации, Почетный
работник судебной системы
Российской Федерации

КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY LAWFUL ACTIONS OF STATE BODIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Аннотация: В статье рассматриваются особенности последних изменений законодательства, касающихся изменения правового регулирования компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, предлагается авторская трактовка нововведения и его значение.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; гражданско-правовая ответственность; ответственность органов государственной власти и местного самоуправления; возмещение вреда.

Annotation: The article is discussed the features of the latest changes in legislation relating to changes in the legal regulation of compensation for damage caused by lawful actions of state bodies and local authorities are encouraged to innovate and the author's interpretation of its meaning.

Key words: Improvement of civil legislation; civil liability; liability of public authorities and local self-government; compensation of harm.

С 1 марта 2013 г., за исключением отдельных положений, вступил в силу Федеральный закон от 30.12.12 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 302-ФЗ). В соответствии со ст. 16.1 ГК РФ (в ред. Закона № 302-ФЗ), в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, при-

¹ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.12 № 302-ФЗ // Российская газета. – 2013. – № 5979.

чиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации.

В чем новизна приведенной нормы. Если ранее и сейчас действующая ст. 16 ГК РФ предусматривает возмещение убытков, причиненных только незаконными действиями (бездействиями) государственных органов и органов местного самоуправления, то Закон № 302-ФЗ дополняет ГК РФ новой статьей 16.1, предусматривающей компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. При этом в соответствии с данной статьей ответственность несут не только указанные органы, но и должностные лица этих органов, а также иные лица, которым государством делегированы властные полномочия.

Таким образом, ущерб должен быть компенсирован как от неправомερных, так и от правомерных действий публичной власти. Возмещение ущерба, причиненного правомерными действиями публичной власти, явление новое, но не революционное.

Как известно, противоправность – одно из важных условий гражданско-правовой ответственности. Однако, согласно п. 3 ст. 1064 ГК РФ (общие основания ответственности за причинение вреда) вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом.

Один из таких примеров возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, приведен в п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»². Пленум ВС РФ отметил, что с учетом положений п. 3 ст. 1064 ГК РФ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» допускает ответственность за вред, причиненный правомерными действиями (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). Так, например, внесение платы за негативное воздействие на окружающую среду не освобождает субъектов хозяйственной и иной деятельности от выполнения мероприятий по охране окружающей среды и возмещению вреда окружающей среде (ст. 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды»); осуществление заказчиком и (или) субъектом хозяйствен-

2 О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Российская газета. – 2012. – № 5924.

ной и иной деятельности, включая деятельность по изъятию компонентов природной среды, предполагает обязанность этих лиц возместить вред окружающей среде, в том числе, когда на проект такой деятельности имеется положительное заключение государственной экологической экспертизы (ст. 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

С этим примером можно привести определенную аналогию, если вспомнить труды М.М. Агаркова, который, обозначая разграничение правомерного поведения владельца источника повышенной опасности и ответственности этого владельца за вред, причиненный соответствующим источником, обоснованно указывал: «Само собой разумеется, что эксплуатация железной дороги, трамвая... являются правомерными. Но отсюда не следует, что причинение при этом смерти или увечья либо порча или уничтожение чужого имущества является правомерным»³.

Если ст. 16 ГК РФ предусматривает возмещение убытков, причиненных только незаконными действиями (бездействиями) государственных органов и органов местного самоуправления, то ст. 16.1 ГК РФ говорит уже не о возмещении убытков, а о компенсации ущерба.

Согласно ч. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

При возмещении убытков имущественный интерес потерпевшего удовлетворяется за счет денежной компенсации понесенных им имущественных потерь. Исходя из этого, возмещение убытков всегда носит компенсационный характер. Неслучайно поэтому в ст. 16.1 ГК РФ речь идет именно о компенсации ущерба.

Ответственность по ст. 16.1 ГК РФ (компенсация реального ущерба) значительно уже ответственности по ст. 16 ГК РФ (возмещение убытков), поскольку возмещение убытков предполагает не только компенсацию реального ущерба, но и взыскание упущенной выгоды. Такое положение вполне справедливо и обусловлено тем, что по ст. 16.1 ГК РФ компенсируется ущерб, причиненный правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, а по ст. 16 ГК РФ возмещаются убытки,

³ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М., 1940. – С. 151.

причиненные незаконными действиями государственных органов и органов местного самоуправления.

Компенсация ущерба по ст. 16.1 ГК РФ связана с так называемым внедоговорным вредом и носит характер деликтной ответственности, поэтому при ее взыскании следует руководствоваться нормами гражданско-правового института «Обязательства вследствие причинения вреда». В силу ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. На последнее обстоятельство надо обратить особое внимание, поскольку в ст. 16.1 ГК РФ речь идет о безвиновной компенсации ущерба⁴. Для публичной власти немаловажное значение заключается в том, что, как обоснованно отмечает Д.М. Азми, вопрос о безвиновной ответственности в правовом сознании «обычно не связывается с негативной оценкой деятельности причинителя вреда».⁵

По общему правилу, вина в гражданском праве – необходимый элемент состава гражданского правонарушения, обуславливающий применение гражданско-правовой ответственности⁶. В п. 1 ст. 401 ГК РФ говорится о вине в форме умысла или неосторожности. Такой же вывод можно сделать при анализе гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда». То есть гражданское законодательство не отказалось от традиционного для уголовно-правовой сферы понимания вины как субъективного психического отношения лица к своему поведению и его последствиям. При этом гражданские правонарушения, как правило, совершаются с виной в форме неосторожности.

Ответственность, наступающая независимо от вины правонарушителя (объективная ответственность) составляет исключение и применяется только в прямо установленных законом случаях. Так, например, независимо от вины причинителя в соответствии со ст. 1070 ГК РФ подлежит возмещению вред, причиненный гражданину незаконными действиями правоохранительных органов, и вред, причиненный лицу деятельностью, которая соз-

4 Кузнецова О.А. Случай и случайность в гражданском праве // Сибирский юридический вестник . – 2013. – № 1. – С. 39–45.

5 Азми Д.М. Концепция безвиновной ответственности: содержание, трактовка, оценка // Законодательство и экономика. – 2011. – № 7.

6 См. : Ермолаев С.Н. Понятие гражданско-правовой ответственности // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 8. – С. 14; Мнацаканян А.С. Общие положения о соотношении договорной и деликтной ответственности исполнителя медицинских услуг // Общество и право. – 2007. – № 4. – С. 99.

дает повышенную опасность для окружающих (источником повышенной опасности) (ст. 1079 ГК РФ), а во многих случаях также моральный вред (ст. 1100 ГК РФ).

Следовательно, случаи безвиновной ответственности по ст. 16.1 ГК РФ должны быть специально оговорены в законе.

В качестве примеров причинения ущерба правомерными действиями в СМИ часто фигурируют операции по освобождению заложников и ущерб имуществу при задержании преступников. Например, если преступник захватил банк, ювелирный магазин и взял заложников, то правоохранительные органы принимают все меры к освобождению людей. Но в ходе операции разбиваются витрины, ломаются стены, двери и мебель. Таким образом, правомерными действиями правоохранителей наносится ущерб имуществу предпринимателя. Но для взыскания этого ущерба с государства недостаточно вступившей в силу ст. 16.1 ГК РФ. Требуется дополнительное правовое регулирование в виде конкретных случаев (ст. 1070 ГК РФ) и порядка безвиновной ответственности государства за ущерб, причиненный правомерными действиями публичной власти.

З.И. Цыбуленко

Профессор кафедры гражданского
и семейного права ФКБОУ ВПО
«Саратовская государственная
юридическая академия»

НОВОЕ В ГК РФ О ЗАКЛЮЧЕНИИ СДЕЛОК

NEW IN THE CIVIL CODE ON CONCLUSION OF TRANSACTIONS

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные новые моменты, касающиеся заключения гражданско-правовых сделок, появившиеся в связи с внесением изменений Гражданский кодекс Российской Федерации. Автор выделяет недостатки правового регулирования заключения сделок и предлагает пути их преодоления выделяемых недостатков.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; сделки; заключение сделок; недействительность сделок; форма сделки.

Annotation: The article is considered some new points about making civil legal transactions, which appeared in connection with the changes the civil code of the Russian Federation. The author highlights the shortcomings of the legal regulation of transactions and suggests ways to overcome them.

Key words: Improvement of civil legislation; transaction; conclusion of transactions; invalidity of transactions; the transaction form.

1. В апреле 2013 г. законодателем России в соответствии с Концепцией развития законодательства РФ внесены изменения в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой ГК РФ, в частности, в главу, регулируемую сделки. Многие изменения и дополнения уточняют содержание норм ГК РФ о сделках, более четко и понятно изложены, устраняют имевшиеся пробелы в правовом регулировании сделок, делают его более совершенным.

К таким изменениям можно отнести дополнение гл. 9 ГК РФ положениями о согласии на совершение сделки (ст. 157.1 ГК РФ), последствиях уклонения от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки (ст. 165 ГК РФ), юридически значимых сообщениях (ст. 165.1 ГК РФ) и др. Так, согласно ст. 157.1 ГК РФ в случаях, когда на совершение сделки по закону необходимо

согласие третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, о своем согласии или об отказе в нем названные лица должны сообщить лицу, запросившему согласие, в разумный срок после получения такого запроса. При этом в предварительном согласии на совершение сделки должен быть определен предмет сделки, на заключение которой дается согласие, а при последующем одобрении сделки после ее совершения указывается сделка, на заключение которой дано согласие. В силу п. 4 ст. 157.1 ГК РФ молчание не признается согласием на совершение сделки, кроме случаев, предусмотренных законом.

Важным и полезным представляется дополнение ГК РФ ст. 165.1 о юридически значимых сообщениях. Согласно этой статье заявления, уведомления, извещения, требования и иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывают гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для него указанные последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю. При этом сообщение признается доставленным и тогда, если оно поступило адресату, но по обстоятельствам, которые зависят от него, не было вручено ему или адресат не ознакомился с ним. Приведенные правила применяются в тех случаях, если иное не установлено законом, условиями сделки либо не вытекают из обычая или из практики, которая сложилась во взаимоотношениях сторон.

Названные изменения и дополнения в ГК РФ должны способствовать обеспечению единообразного толкования и применения ГК РФ на практике, повышению уровня защиты прав и защиты прав участников сделок.

2. Вместе с тем целесообразность внесения отдельных изменений в гл. 9 ГК РФ о сделках, новая редакция некоторых норм вызывает сомнения. Например, представляется несвоевременным и не вполне обоснованным в период ежегодной утечки капиталов из России в весьма значительных объемах в банки зарубежных государств признание утратившим силу действовавшего до 1 сентября 2013 г. императивного правила п. 3 ст. 162 ГК РФ о том, что несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет ее недействительность. Это может повлечь за собой заключение таких сделок в устной форме, что сильно затруднит контроль за их исполнением и вывозом капиталов из России. В настоящее время, когда в целях контроля со стороны государства за заключением и исполнением внешнеэкономических сделок составляется паспорт сделки, в котором указывается срок оплаты про-

данного российским предпринимателем зарубежному контрагенту товара и поступления иностранной валюты в уполномоченный банк на расчетный счет продавца, ежегодный вывоз капитала из России составляет в среднем 70-80 млрд дол. и более¹. После отмены указанного последствия нарушения письменной формы внешнеэкономической сделки контроль со стороны государства еще больше ослабнет, а вывоз капитала из России может еще больше возрасти вследствие непоступления от зарубежных контрагентов иностранной валюты за проданные им товары российскими предпринимателями, выполненные работы, оказанные услуги.

3. Вызывает сомнение целесообразность и обоснованность внесения изменения в подп. 2 п. 1 ст. 161 ГК РФ, согласно которому письменная форма сделки будет обязательна при ее заключении между гражданами на сумму свыше 10 000 р., а не на сумму, превышающую минимальный размер оплаты труда не менее, чем в 10 раз, как было ранее. Во-первых, в условиях рыночных отношений в стране при существующем высоком уровне инфляции, постоянном и значительном росте цен на промышленные и продовольственные товары, работы и услуги, платы за жилье и коммунальные ресурсы трудно рассматривать 10 000 р. в качестве значительной суммы, требующей обязательной письменной формы сделки в отношениях между гражданами при превышении этой суммы. Во-вторых, согласно названным изменениям при совершении таких сделок не только между посторонними гражданами, но и между родственниками, хорошими знакомыми, коллегами по работе необходимо будет соблюдать письменную форму сделки на сумму свыше 10 000 р. Такое требование вряд ли будет выполняться на практике, чтобы не подрывать взаимного доверия между сторонами сделки, не обижать контрагента недоверием относительно добросовестного и надлежащего исполнения им обязанностей по сделке.

4. При внесении изменений в редакцию ст. 163 ГК РФ обоснованно указано на то, что нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, наличие у каждой из сторон права на ее совершение, что должно способствовать обеспечению юридической частоты заключаемых сделок, лучшей защите прав и охраняемых законом интересов участников сделок.. Представляется целесообразным: а) закрепить хотя бы примерный перечень сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения

1 См. : Шкель Т. Где деньги? // Российская газета. – 2012. – 7 мая; Фомченков Т. Деньги уходят в бега // Российская газета. – 2012. – 24 мая; Кузьмина Н. Деньги бегут из России быстрее, чем в прошлом году // Комсомольская правда. – 2012. – 22 нояб.

(например, удостоверение завещаний, доверенностей в случаях, указанных в ст.ст. 185.1, 187, 188.1 (в ред. от 7 мая 2013 г.) и др.), за исключением сделок с недвижимостью; б) оставить в ст. 163 ГК РФ правило о том, что нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях, указанных в законе, а также предусмотренных соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась. В таком случае стороны имели бы право сами выбирать, исходя из материальных возможностей по уплате госпошлины и других расходов при нотариальном оформлении сделок с недвижимостью, в каких случаях оформлять такую сделку у нотариуса с последующей государственной регистрацией прав, возникших из этой сделки, либо заключать сделку только в регистрационной палате, минуя нотариуса.

5. Думается, что могло бы способствовать совершенствованию содержания ст. 164 ГК РФ закрепление в ней хотя бы примерного перечня случаев или видов сделок, подлежащих обязательной государственной регистрации (например, договоры аренды недвижимого имущества, аренды зданий и сооружений, заключенных на срок не менее одного года и др.).

6. Относительно юридически значимых сообщений, закрепленных в ст. 165.1 ГК РФ, представляется целесообразным назвать хотя бы примерный перечень обстоятельств, зависящих от адресата, вследствие наличия которых сообщение не было ему вручено или он не ознакомился с ним.

Изложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования норм гражданского законодательства РФ.

А.В. Щенникова
Доктор юридических наук, профессор,
Заведующая кафедрой
гражданского права,
ФГОУ ВПО «Кубанский
государственный
университет»

М.О. Быкова
Преподаватель кафедры
гражданского права
ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный
университет»

О ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ПРИНЦИПЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА¹

ABOUT GOOD FAITH AS PRINCIPLES OF CIVIL LAW

Аннотация: В статье рассматривается сущность принципа добросовестности в современном гражданском праве России. На основании соотношения принципа добросовестности и ст. 169 ГК РФ делается вывод о том, что на сегодняшний день принцип добросовестности участников гражданских правоотношений полноценно не реализован.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; принципы гражданского права; принцип добросовестности.

Annotation: The article is considered the essence of the principle of good faith in the modern Russian civil law. Based on the ratio of the principle of good faith and art. 169 Civil Code concludes that today the principle of good faith participants in civil relations have not fully implemented.

Key words: Improvement of civil legislation; principles of civil law, the principle of good faith.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Истоки добрых нравов в традициях Северного Кавказа и современное гражданско-правовое регулирование»; проект № 14-13-23002 а(р).

Принципы – это всегда центральное понятие, как для человека (личности), так и для права, в том числе гражданского права. Принципы важны, поскольку это основные идеи, в которых отражается смысл гражданского права.

Сегодня необходимо выявить связь добросовестности с гражданским правом. Что касается самой доброй совести, то к ней нельзя относиться плохо; вообще ее как-то обсуждать, поскольку это, очевидно, очень и очень хорошее явление. Добрая совесть, пожалуй, самое ценное, что может быть в человеке. Но вот поставить диагноз на совесть человеку не просто. Это, пожалуй, бывает сложнее, чем рак выявить. Если спросить людей: «Поднимите руки, у кого совесть добрая?». Не поднимут. Каждый засомневается, со злой не признается, а с доброй – постесняется выделиться. Все сложности оттого, что это область очень глубокого внутреннего в человеке.

Есть, на мой взгляд, некая формула определения доброй совести в человеке. Если у человека есть стыд к совершению не добрых (не нравственных) поступков, то совесть у него не добрая. С точки зрения гражданского права доброе (нравственное) поведение это:

- верность слову (взятому на себя обязательству);
- взаимность в отношениях контрагентов, т. е. невозможность поступать так, как ты не хотел бы, чтобы поступали в отношении тебя.

Так вот, при наличии доброй совести, т. е. стыда к поведению не честному и не взаимному, никакого гражданско-правового регулирования не надо. Стыд съест, а совесть загрызет.

Проблема добросовестности в гражданском праве занимает умы очень многих цивилистов.

Большинство авторов говорят о понимании добросовестности в двух аспектах, о разделении добросовестности в субъективном и объективном смыслах². Добросовестность в субъективном смысле – это незнание лица об определенных обстоятельствах, незнание добросовестного приобретателя о том, что он покупает чужую вещь от неуправомоченного лица. Однако существует и другое понятие добросовестности, в объективном смысле. В таком понимании добросовестность – синоним честности, добросовестность, как порядочное, честное поведение.

Задумывался о доброй совести в гражданском праве и К.И. Скловский³, отмечая, что добрая совесть употребляется в самых разных значениях. В широком, общем смысле добросовестность понимается в качестве нравственной и юридической цен-

² Егоров А.В. Принцип добросовестного осуществления гражданских прав // Стенограмма второй ежегодной международной научно-практической конференции «Гражданское право России: итоги года» (г. Москва, 24-25 января 2013 г.).

³ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М. : Статут, 2008.

ности, идеала поведения человека. При этом ученый отрицает в данном понимании какую-либо связь этой категории с нормами права или морали. В этом смысле у человека добрая совесть, когда он уважает своих партнеров, контрагентов, ведет себя с ними на равных. Такое поведение и идеи лицо воспроизводит при соблюдении любых норм права.

При таком объемном понимании добросовестности К.И. Скловский видит ее неразрывную связь с правосознанием субъектов права. И, соответственно, суетует ученый, кризис права и правосознания не минуемо приведет к исчезновению доброй совести как свойства субъектов права. Все это приводит к сомнению по поводу существования добросовестности.

Предпринимая попытку наполнить понятие добросовестности, К.И. Скловский соглашается с мнением С.В. Сарбаша о том, что это должно быть поведение «идеального субъекта, отвечающего современному общественному пониманию разумного, обычного человека»⁴.

Добрая совесть как всеобъемлющее понятие означает осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное выполнение своих обязанностей. В этом смысле она может быть отождествлена с каждым из этих качеств или с их комбинацией. И тут же ученый выражает свое опасение по поводу придания слишком большого значения в данном определении судебскому усмотрению. Он боится так называемых «судейских погромов». Поэтому К.И. Скловский делает вывод, что «добрая совесть, формулируемая в виде общей ценности, нормой не становится и применению судами не подлежит»⁵.

Далее ученый говорит о добросовестности в техническом, юридическом смысле, известный нравственный фон, сопровождающий добрую совесть, не составляет ее существа, добросовестность – не добродетель, это – вполне хозяйственный, юридический феномен⁶.

В итоге К.И. Скловский делает вывод о ненужности закрепления норм о добросовестности в ГК РФ. Он считает ее дополнительным критерием, который будет произвольно определяться судом и который неизвестен заранее должнику. В таком положении дел ученый видит огромную угрозу всему правопорядку. Он считает, что если отношения сторон урегулированы законом или договором, то введение дополнительного регулятора в виде добросовестности, в чем бы она ни заключалась, лишено оснований и даже недопустимо.

4 Сарбаш С.В. Некоторые тенденции развития института толкования договора в гражданском праве // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 44.

5 Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М.: Статут, 2008. – С. 780.

6 Там же. – С. 782.

К.И. Скловский считает, что добросовестности как общего понятия, способного повлечь определенные юридические последствия, не существует. И упоминание доброй совести в законе – вещь бессмысленная и чаще всего весьма вредная. Добросовестность не может заменить прямое регулирование, но может вступить в противоречия с регулированием, неся в себе потенциал, способный легко разрушить любую норму права.

К.И. Скловский подчеркивает, что при установлении принципа добросовестности «вообще все законодательство следует упразднить, оставив один принцип доброй совести»⁷. А эти попытки хотят совершить специалисты, которые устали от трудностей применения прав и мечтают заменить его усмотрением и произволом. Итак, такие фундаментальные факторы, как отсутствие доверия внутри российского общества, равно как и отсутствие доверия общества к государству, предельно сужают сферу проявления добросовестности в повседневной хозяйственной жизни, в том числе доброй совести в гражданском обороте. При таких условиях никакими законодательными мерами расширить действие доброй совести, придать ей значение принципа невозможно, и сами эти попытки лишь усилят те кризисные тенденции, о которых идет речь.

Несмотря на столь жесткие и категоричные высказывания К.И. Скловский не отрицает, что все-таки в гражданском законодательстве, когда законодатель говорит о добросовестности либо недобросовестности лица, он осуществляет это потому, что поведение этого лица не регулируется ни законом, ни договором, причем применение к такому лицу критериев добросовестности влечет улучшение положения лица.

Поддерживает К.И. Скловского и В.И. Емельянов, полагая, что если в гражданском праве было бы установлено правило о том, что любое субъективное право должно осуществляться добросовестно, то действующий субъект был бы обязан осознавать и предвидеть любые неблагоприятные для других лиц последствия своих действий. Автор утверждает, что такое требование выполнить невозможно⁸.

Несмотря на заявление К.И. Скловского о «тщетности попыток общего определения доброй совести как принципа права»⁹ в цивилистической доктрине, а тем более в Гражданском кодексе РФ, законодатель в конце прошлого года провозгласил в п. 3 ст. 1, что «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав

7 Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М. : Статут, 2008. – С. 798.

8 Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незалоупотребление гражданскими правами. – М. : Лекс-Книга, 2002. – С. 107.

9 Скловский К.И. Указ. соч. – С. 774.

и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно»¹⁰.

Можно ли добросовестность обозначить принципом гражданского законодательства? Думается, что нет. Ведь принцип – это основная идея, отражающая смысл гражданского законодательства. Но идеи из внутреннего, а значит, субъективного, не могут отражать смысл того, что объективно существует, т. е. гражданско-правовой материи. С этой точки зрения п. 3 ст. 1 ГК РФ – это научная ошибка.

При этом воспитывать граждан страны, безусловно, надо на нравственных образцах. Для этого за рубежом культивируются нравственные обычаи. Они называются добрыми нравами. Вошло в привычку поступать по-доброму, взаимно, честно. Правило стало защищаться законом. Стоит кому-то отклониться от обычая нравственного – суд остановит. С точки зрения гражданско-правового регулирования суд признает действие, хотя и в законе не описанное, но не порождающее гражданско-правовых последствий, иначе говоря, прав и обязанностей.

Например, ст. 6 Французского гражданского кодекса закрепила, что нельзя нарушать частными договорами законы, затрагивающие публичный порядок и добрые нравы¹¹. Если действие противоречит добрым нравам – это не есть сделка. Вот это воспитательный эффект. Нарушение обычая нравственного поведения может увидеть суд, оно внешне проявляется в определенных действиях, а, увидев, дать негативную правовую оценку с помощью гражданско-правовых норм.

У нас такого механизма пока не придумано. Поэтому сама норма п. 3 ст. 1 ГК РФ является мертвой. Почему недобросовестные предприниматели (предпринимательские союзы) не противились принятию этого пункта? Да, потому, что он для них не опасен. Опасность же, исходящую от ст. 169 ГК РФ, они устранили. Ибо недопущение реституции как санкция сейчас возможна лишь в случаях, предусмотренных Федеральными законами, принятие которых, конечно же, предпринимательские структуры вряд ли допустят.

Вот и получается, у кого совесть есть, гражданское законодательство не нужно, а у кого ее нет, в отношении них гражданское законодательство бессильно.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 02.11.2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹¹ Code civil // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 01.12.2013).

В.В. Абрамов

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры предпринимательского
права Уральской государственной
юридической академии, заместитель
директора УГМК-ХОЛДИНГ

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «РИСК» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

TEORETIKO-LEGAL RESEARCH OF CONCEPT “RISK” IN CIVIL LAW

Аннотация: В статье рассматриваются основные методологические подходы исследования использования категорий «риск» в гражданском праве России. Автор анализирует основные цели и значение риска в гражданских правоотношениях, обосновывается принадлежность риска к базовым категориям гражданского права.

Ключевые слова: Гражданское право; правовая категория; риск; безопасность.

Annotation: The article is considered the issues of basic methodological use of a category “risk” in civil law of Russia. The author analyses the role and importance of risk in civil legal relations, proves ownership of the risk to the basic categories of civil law.

Keywords: Civil law; legal category; risk; safety.

Развитие современной высокотехнологичной экономики сопряжено со стохастичностью экономических, политических и социальных процессов в обществе, с ростом влияния случайности, вариативности общественных отношений. Риск становится существенной чертой современного общества, проявляющейся в различных областях общественной жизни. Современная экономическая жизнь настоятельно требует самостоятельности, предприимчивости, права на принятие и реализацию рискованных решений. Иными словами, все имущественные общественные отношения таят в себе определенный риск. В этой связи проблема рисков, бесспорно, является ключевой в обширном спектре вопросов, связанных с осуществлением и защитой гражданских прав. Эта важная черта рыночных отношений получила свое отражение в известной формуле об осуществлении предпринимательской дея-

тельности на свой риск, что означает возложение имущественных потерь от неблагоприятных общественных и природных явлений на самого предпринимателя. В аналогичном положении находятся и другие участники имущественного оборота, не являющиеся предпринимателями: они также должны нести неблагоприятные последствия рисков. Эта проблема является особенно острой в случае вовлечения в гражданский оборот недвижимых объектов повышенного риска.

В то же время эффективность правового регулирования общественных отношений, образующих предмет гражданского права, во многом зависит от правильного понимания и применения различных доктринальных понятий и категорий, обозначаемых соответствующими легальными терминами. Диалектика социального развития и усложнения общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, должна находить свое отражение в диалектике понятийно-терминологического аппарата цивилистической науки. Как верно отмечал А.М. Васильев, все правовые понятия и категории, сформулированные правовой теорией, «выступают ступеньками познания, опорными пунктами, через которые правовая наука движется к новым результатам в познании»¹.

Категориальное понятие «риск» является крайне широким и многогранным, поэтому может быть четко сформулировано только с точки зрения конкретной области знания или для целей конкретного исследования. Риск выступает регулятором общественных отношений и находится в тесной взаимосвязи с такими категориями философского знания, как неопределенность, нестабильность, случайность, необходимость и свобода. Признание факта существования риска позволяет воздействовать на риск путем изучения его природы, свойств и качеств, что, в свою очередь, способствует уменьшению неопределенности, сопутствующей любой человеческой активности. В указанном и получают выражение выделяемые в философии регулятивная способность риска, а также «функция приспособления» человека к сложному миру. Аргументированные далее взгляды на рассматриваемую проблему дополняют друг друга и ориентируют цивилистическую науку на выявление в гражданском праве общих признаков риска как системообразующей категории, лежащей в основе всего частного права.

Круг рисков в современном обществе, к сожалению, широк и разнообразен и, несмотря на технический прогресс, имеет тенденцию к постоянному росту. Вообще группу рисков, связанных с жизнедеятельностью индивидуума в государстве и обществе, с

¹ Васильев А.М. Правовые категории и их место среди категорий обществоведения. – М. : Труды ВЮЗИ, 1973. – Т. XXXII. – С. 76-200.

вероятными опасностями, возникающими по причинам общественного характера, называют социальными. Как верно подметила, А.С. Власова, «до момента признания свободы выбора не существовало научного знания о риске; термин “риск” возник лишь при осознании человеком истинной свободы и принятии субъектом неопределенности будущего и многовариантности выбора»².

В правовой литературе социальные риски в широком смысле слова представлены как возможность возникновения социально неблагоприятных ситуаций, связанных с необходимостью поддержки граждан со стороны государства и общества³; как деятельность в условиях неопределенности, порождаемой нестабильностью существующего правопорядка, легализуя тем самым возможность адекватной оценки прогнозируемых негативных последствий от необоснованных политико-правовых решений⁴. Поэтому можно предположить, что социальный риск и правовой риск соотносятся не как общее и частное, а как обобщенная и конкретизированная категории. Сказанное позволяет сделать вывод, что понятие «риск» в гражданском праве отражает наиболее существенные черты социального риска как сложного многогранного феномена: противоречивость, сочетание субъективных и объективных элементов, связь с неопределенностью, вероятностью, опасностью, возможностью причинения вреда, с выбором альтернатив.

Представляется, что возникновение риска в гражданском праве обусловлено комплексом факторов объективно-субъективного характера. Причем от верного определения соотношения субъективного и объективного зависит возможность применения изучаемого понятия в целях регулирования общественных отношений.

К объективным факторам необходимо отнести: позитивную неопределенность рискованных ситуаций, многообразие конкретных жизненных обстоятельств, многовариантность путей общественного развития отношений, в которые вступают субъекты гражданского права, их вероятностную природу. Риск в хозяйственном обороте всегда связан с выбором определенных альтернатив, расчетом вероятности их исхода, и здесь проступает его субъективная сторона. Субъекты гражданских отношений неодинаково воспринимают

2 Власова А.С. Риск как признак предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 10-11.

3 См. : Федорова М.Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2003. – С. 14; Танага А.Н. Лицензирование деятельности страховых брокеров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 2. – С. 91.

4 Перепелицына Ю.А. Институт риска в системе политико-правовой защиты российских национальных интересов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009. – С. 8.

одну и ту же величину риска, что также говорит в пользу его как субъективной категории. Вместе с тем риск объективен, поскольку он является формой количественно-качественного выражения существующей неопределенности, отражает реально существующие в имущественном обороте явления, процессы, стороны деятельности субъектов права. Кроме того, риск порождается не только процессами субъективного характера, но и такими, существование которых, в конечном счете, не зависит от сознания человека.

Риск всегда связан с «рисковыми ситуациями», которые в свою очередь сопряжены со стохастическими процессами и возникают при наличии объективно существующей неопределенности, необходимости выбора альтернативы, возможности оценить вероятность осуществления избранных альтернатив. Такое понимание «рисковой ситуации» позволяет определить риск как деятельность субъектов гражданского права в условиях неопределенности и ситуации неизбежного выбора, в ходе которой существует возможность оценить вероятности достижения желаемого результата, неудачи и отклонения от поставленной цели. Пытаясь найти определенный компромисс между приведенными подходами, нам представляется справедливым утверждение, что негативные последствия риска в любом случае не могут соответствовать первоначальному намерению субъекта, принимающего рискованное решение, даже если они не являются объективно неблагоприятными.

Иными словами, такие последствия являются побочными или несоответствующими ожидаемому результату хозяйственной деятельности, направленной прежде всего на извлечение прибыли. В гражданско-правовых отношениях воля в большинстве случаев детерминирована экономическими факторами. Поэтому, опираясь на наше утверждение о том, что риск всегда означает не только возможные убытки, но и перспективу получить больше, чем ожидается (т. е. извлечь материальную выгоду), следует, что воля субъекта в рисковой ситуации, опосредованная выбранным им вариантом поведения, направлена именно на возможность извлечения имущественной выгоды. Субъект гражданского права вступает в алеаторное правоотношение с целью получить выгоду, при этом он готов «пойти на риск», понимая, что может и понести убытки. Таким образом, риск – многоаспектная категория. Она включает в себе сложный характер связей, источник которых кроется как во внутренней природе индивида, так и в социальных закономерностях.

В соответствии с представленными рассуждениями можно сформулировать следующие выводы.

Фундаментальность явления «риск», его многоаспектность и многогранность содержательных связей предопределяют обоснованность существования множества теоретических определений, отражающих различные аспекты сущностных проявлений взаимодействия исследуемого феномена с иными явлениями объективной действительности.

Плюрализм эмпирических определений феномена «риск» неизбежно порождает плюрализм образующихся на их основе соответствующих гражданско-правовых понятий, что обусловлено субъектно-объектной, структурно-функциональной и иной характеристикой исследуемой правовой категории.

Наиболее перспективной представляется теоретическая концепция риска, сочетающая объективный и субъективный подходы. Не отрицая ту или иную позицию по определению понятия риска, считаем, что множественность подходов характеризует сложность осмысления исследуемого явления и вариативность проявления риска в различных сферах жизнедеятельности. Попытки обобщить разные позиции и определить риск как общенаучное, философское понятие сводятся к тому, что при определении понятия выделяется основной подход, а остальные дополняют базовую позицию.

Риск в гражданском праве – это системообразующий элемент и неотъемлемое свойство отношений, являющихся предметом гражданско-правового регулирования, представляющий собой объективно существующий набор вероятных вариантов действия субъектов гражданского права, среди которых наряду с достижением положительного регулятивного эффекта существуют возможности наступления негативных социально-правовых последствий, а также неблагоприятных имущественных последствий.

И.П. Кожокарь

Кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой
международного частного
и предпринимательского права
ФГБОУ ВПО «Саратовская
государственная юридическая
академия»

ДЕФЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

DEFECTS IN CIVIL LAW: STATEMENT OF THE PROBLEM

Аннотация: В статье анализируются дефекты гражданско-правового регулирования. Автор раскрывает сущность дефекта правового регулирования, выделяет виды дефектов правового регулирования, а также формирует способы преодоления дефектов правового регулирования.

Ключевые слова: Гражданское право; дефект права; пробел в праве; коллизия в праве.

Annotation: The article is analyzed the defects of civil regulation. The author reveals the nature of the defect of legal regulation, allocates types of defects of legal regulation, as well as ways to overcome defects forms of legal regulation.

Keywords: Civil law; defect law; legal gap; collision in law.

После проведения экономических и политических реформ конца прошлого века, а также благодаря современным социальным преобразованиям в России и реформированию гражданского законодательства все более актуальным становится вопрос о законодательных дефектах и их влиянии правовую реализацию.

Вопросы дефектов получили свое освещение как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. При этом следует отметить, что в науке гражданского права данный феномен не рассматривался.

Научно-практическая разработка единообразных правил и методик выявления и устранения дефектов позволит обеспечить соблюдение принципов законности и справедливости в праве. Важность изучения обозначенной проблемы определяется также тем, что результаты научных изысканий могут способствовать минимизации негативного воздействия дефектов на механизм гражданско-правового регулирования в целом.

В отечественной юридической науке проблема дефектных юридических фактов затрагивалась как в рамках общей теории государства и права, так и на уровне отраслевых наук. Однако до настоящего времени ни в науке, ни в юридической практике не сложилось однозначного понимания сущности дефекта, его признаков, способов выявления и устранения, соотношения с правонарушением, окончательно не установлена специфика мер правового реагирования на указанное негативное явление.

В связи с чем нами предпринята попытка рассмотреть данный феномен путем определения его свойств, характерных для цивилистики, выявить причины появления, формы реализации и трансформации, а также рассмотреть проблемы оптимизации системы мер гражданско-правового реагирования на дефекты в механизме гражданско-правового регулирования.

Анализ работ, посвященных дефектам, показал, что в основной своей массе авторы проецируют данное негативное явление на систему законодательства и рассматривают его только с позиции наличия его признаков в нормативных актах.

Например, М.А. Жильцов определяет дефекты трудового права как «недостатки, противоречия несовершенство трудово-правовых норм и трудово-правовых конструкций, которые приводят к проблемам правоприменения, нарушению трудовых прав и законных интересов субъектов трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений»¹.

Н.А. Власенко также рассматривает дефекты как негативную черту системы права, понимая под ними «нарушения, деформации логико-структурного построения и развития системы права и ее элементов, в том числе нормативных актов»², выделяя при этом следующие виды дефектов права: противоречия права; излишнее дублирование; пробелы; нерациональная расположенность норм; несовершенство юридических конструкций³.

С аналогичной позиции рассматривают данное явление и другие ученые (Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, Ю.П. Орловский, С.Ю. Головин и др.).

При этом, мы полагаем, проблема гораздо шире. Дефекты законодательства трансформируются в дефекты толкования правовых норм, дефекты фактических составов, судебной практики и т. д., затрагивая при этом весь механизм гражданско-правового регулирования.

1 Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – С. 11.

2 Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. – 1991. – № 3. – С. 22.

3 Там же.

Как справедливо отмечает В.М. Баранов, «возникла парадоксальная ситуация: дефекты законодательства выступают одной из главных причин правоприменительных ошибок, однако, сами они системного научного объяснения еще не получили. Налицо теоретическая и практическая рассогласованность в исследовании (да и в самих процессах) правотворчества и правореализации»⁴.

Анализ указанных высказываний позволяет сделать вывод о том, что учение о дефектах права в настоящее время является одним из самых актуальных направлений научных исследований.

При этом, с нашей точки зрения, указанная проблема должна рассматриваться в системе всего механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений, посредством анализа всех его элементы. Исследование только законодательных дефектов является недостаточным.

Правовое регулирование представляет собой сложный процесс, осуществляемый с помощью определенных средств юридического воздействия на общественные отношения.

Механизм гражданско-правового регулирования в свою очередь представляет собой систему гражданско-правовых средств, с помощью которых осуществляется воздействие на соответствующие общественные отношения с целью их упорядочения. Основными элементами, входящими в его состав, являются: гражданско-правовые нормы, устанавливающие правила поведения участников гражданского оборота; гражданские правоотношения в них общие, обезличенные права и обязанности, закрепленные в нормах права, превращаются в конкретные и взаимосвязанные права и обязанности индивидуальных субъектов (лиц или организаций), в соответствии с которыми они должны действовать. При этом четкость и эффективность механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений зависит от правильного толкования норм права и уровня правосознания субъектов правового регулирования. Глубокое понимание действительного смысла правовой нормы, знание официальных разъяснений содержания действующего законодательства значительно повышают качество правового регулирования общественной жизни.

И последним элементом являются правореализационные акты, посредством которых достигаются цели гражданско-правового регулирования, удовлетворяются конкретные законные интересы управомоченных и обязанных лиц. На них, на наш взгляд, следует обратить особое внимание.

4 Баранов В.М. Признаки ошибочности концепции законопроекта // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29-30 мая 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 95-97.

Как справедливо отмечает В.В. Муругина, актуальность вопроса о дефектных (недействительных) фактах продолжает возрастать. За последние два десятилетия появился ряд новых составов сделок, новые субъекты гражданского оборота и, соответственно, практика столкнулась с новыми составами дефектных сделок. Усложнение экономических отношений повлекло за собой и модернизацию гражданского законодательства. Увеличение числа нормативных актов, регулирующих гражданские отношения, без которых невозможно возникновение, изменение и прекращение огромного количества правоотношений, неизбежно приводит к увеличению числа актов с дефектами, а это, соответственно, ставит проблему дефектности юридических фактов в гражданском праве на качественно новый уровень, что также требует своевременного реагирования на нее и со стороны юридической практики, и со стороны научного сообщества⁵.

Как справедливо отмечает В.Б. Исаков, проблема дефектности юридических фактов не нова⁶. Уже в римском праве предусматривались меры реагирования на дефекты воли и волеизъявления при заключении сделок. Малейший дефект мог вызвать недействительность сделки.

Первый этап зарождения и развития института дефектных фактов связан с гражданским правом, с такой его составной частью, как положения о сделках. Ряд ученых вполне обоснованно утверждают, что понятие «сделка» было известно еще римскому частному праву. В частности, С.А. Муромцев отмечает, что «сделка служит в это время настоящим «источником» права, в ней формулируется юридическая норма, – только не сразу, а путем последовательной разработки ряда случаев»⁷. Сходную позицию занимает и Д.В. Дождев⁸. Часть исследователей придерживается иной точки зрения и не связывает возникновение категории «сделка» с римским правом⁹. По мнению Д.Д. Гримма, «римские юристы не выработали общего понятия юридической сделки, (встречающиеся у них термины: *negotium*, *actus*, *actum*, *gestum* не имеют опре-

5 Муругина В.В. Дефектные юридические факты как негативная черта правовой системы : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – С 58-59.

6 Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. – М., 1984. – С. 116.

7 Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. – М.: Статут, 2003. – С. 85.

8 Дождев Д.В. Римское частное право / под ред. В.С. Нерсисянца. – М. : Инфра-М, 1997. – С. 118-119.

9 См., например : Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1946. – № 3-4. – С. 41; Гражданское право : В 3 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 2001. – Т. 1. – С. 244; Зом Р. Институции. Теория и система римского гражданского права. – Ч. 2 Система. – Вып. 1. Общая часть и вещное право. – Сергиев Посад : Типография И.И. Иванова, 1916. – С. 70; Новицкий И.Б. Римское право. – М., 1998. – С. 120 и др.

деленного технического значения)»¹⁰. Если обратиться к анализу Дигестов Юстиниана, то мы не обнаружим упоминания римскими юристами понятия сделки в современном значении¹¹.

В настоящее же время в условиях ускоряющегося социального развития в России, усложнения социальных связей и увеличения их числа юридические факты приобретают адекватную структурную сложность и далеко непростую форму, что в свою очередь приводит к многократному увеличению числа случаев нарушения структуры и формы системы юридически значимых обстоятельств. При этом подобные дефекты варьируются от «безобидных», несущественных с точки зрения закона (например, опечатка в договоре) до весьма серьезных, разрушающих непосредственно основы законности и правопорядка в обществе (например, заключение договора, содержащего положения противные основам правопорядка)¹².

Значение дефектных фактов в механизме гражданско-правового регулирования во многом обусловлено их негативной ролью, выражающейся в дестабилизации действия норм права, сбоях правореализационного процесса, нарушении прав и законных интересов участников гражданских отношений.

В связи с этим особое место следует уделить проблеме оптимизации системы мер гражданско-правового реагирования на дефектность фактических составов.

Рассматривая вопрос о дефектах толкования, особое внимание следует уделить дефектам судебной практики как негативного явления в механизме гражданско-правового регулирования, что в свою очередь предполагает анализ содержательных дефектов судебного толкования, технико-юридических (формальных) дефектов судебных актов, дефектов толкования судами нормативных моделей фактических составов в гражданском праве, а также дефектов в процессе установления и оценки судом фактических обстоятельств по гражданским делам.

Дефекты в рамках структуры механизма гражданско-правового регулирования вызывают целый ряд негативных последствий, которые требуют установления соответствующего набора средств по их предотвращению, профилактике и устранению.

В частности, можно выделить следующие основные последствия негативного влияния дефектов на механизм гражданско-правового регулирования:

10 Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. В.А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – С. 134.

11 Дигесты Юстиниана : В 8 т. / отв. ред. Л.А. Кофанов. – М. : Статут, 2002.

12 См. : Муругина В.В. Дефектные юридические факты как негативная черта правовой системы : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – С. 60.

- дестабилизация правопорядка в целом;
- снижение эффективности гражданско-правового регулирования общественных отношений;
- нарушение правореализационного процесса;
- создание дефектами (законодательными, фактическими и др.) препятствий для дальнейшего осуществления определенного правоотношения;
- нарушение конкретных прав и законных интересов субъектов гражданских отношений;
- необходимость дополнительных материальных и юридических затрат для исправления дефектных фактов и др.

В. Левахин

Кандидат юридических наук

**КОНСТИТУЦИЯ РФ –
БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ
THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN
FEDERATION – A LARGE SEEN FROM
A DISTANCE**

Аннотация: В статье рассматривается социально-экономическая и правовая политика, закрепленная в современной Конституции РФ. Автор доказывает нелогичность некоторых положений Конституции РФ, например, о том, что Центральный банк РФ является отдельной, независимой ветвью власти, построенной по принципу федеральной резервной системы США.

Ключевые слова: совершенствование гражданского законодательства; недостатки Конституции РФ; международные договоры; полномочия Центрального банка РФ.

Annotation: The article is considered the socio-economic and legal policy, enshrined in the modern Constitution of the Russian Federation. The author demonstrates the illogic of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation, for example, that the Central Bank of the Russian Federation is a separate and independent branch of government, built on the principle of the U.S. Federal Reserve.

Key words: Improvement of civil legislation; shortcomings of the Constitution of the Russian Federation; international treaties; the authority of the central bank of the Russian Federation.

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Преамбула к Конституции РФ (12 декабря 1993 г.)

Конституция РФ. Для многих это просто «бумажка» – документ с набором непонятных и сложных терминов, которые все равно не исполняются. Или, может, для кого-то это просто красивая фраза, которой можно козырнуть в суде или перед правоохранительными органами. Как часто мы задаем себе вопрос о сути документа. Понимаем ли мы, какой вес она имеет и как этот для многих формальный нормативно-правовой акт перевернул весь наш быт, наш менталитет, наше сознание, да и весь наш суверенитет, в конце концов.

Ну что же, большое видится на расстоянии. Думаю, что как человек, живущий в данный непростой исторический период, имеющий высшее юридическое образование, ученую степень и большой практический опыт в юриспруденции, я могу высказаться. Тем более, что к теме современной Конституции РФ я вынужден обращаться в последнее время все чаще и чаще.

Фраза из преамбулы «...возрождая суверенную государственность России...». Как много из этой фразы возникает вопросов. Так сколько же нашему государству лет? Неужели всего 20!? Вот и бывший Президент РФ, а ныне Председатель правительства России Д.А. Медведев нередко обращается к этой цифре, когда характеризует нашу страну, называя ее страной с молодой, развивающейся демократией. А вслед за ним и чиновники различного уровня повторяют то же самое, то ли нарочно, то ли попросту позабыв курс истории средней школы.

Ну, об этом чуть позже. Сейчас я хочу наглядно показать читателям на примере конкретных статей, что же произошло с нашим государством и как оно будет развиваться дальше.

В соответствии со ст. 7 Основного закона страны: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Заметьте, не экономика, а именно политика направлена на создание условий. При этом у политики нет цели защиты достойной жизни и свободного развития человека, общества, государства и т. п., а она просто «направлена». Как будто некое инертное тело, брошенное кем-то в сторону. При этом официально в современной Конституции РФ делается ставка на человека не как члена какой-либо общности, а как на индивидуума. Индивидуальность и возможность каждого ставится выше сплоченности и укрепления наций. По сути, это одна из первых статей Основного закона России, бьющая по сознанию ее народов, а, следовательно, и по суверенитету нашей страны.

Другой удар по суверенитету России был нанесен в ст. 13 Конституции РФ, которая, по сути, запрещает государству иметь свою идеологию. Скажите, а патриотизм, любовь к своей Родине, народам, с которыми совместно сосуществуешь, к своим предкам, к своим родителям, а вера в высокие достижения, духовные ценности, в безграничность возможностей созидания, стремление общества к справедливости и многое другое – это идеология? Если да, то это все вне закона. И усилия воспитания патриотизма на государственном уровне, и соответствующие призывы нашего Президента В.В. Путина выходят за правовое поле действующей Конституции РФ.

На одном из телевизионных каналов, недавно смотрел передачу в форме ток-шоу. Участники программы пытались найти и предложить идеологию для современной России, поскольку, по их мнению, после распада СССР образовался соответствующий вакуум и его надо заполнить. Неужели участники этого шоу не понимали, что идеология не создается кем-то под заказ извне. Эта идеология создается веками, тысячелетиями и передается нам из поколения в поколение. Ведь все что я говорил выше, в понимании у всех и у каждого. Это в наших сердцах, в наших генах и это невозможно отменить никакими законами и соглашениями¹. Неужели они не понимают, что Россия изначально создавалась как многонациональное государство и что понятие «русский» – это не национальность, а ощущение и восприятие себя таковым. Именно так воспринимали и воспринимают нас до сих пор на Западе, независимо от того, откуда ты: из России, Казахстана, Украины, Армении, Белоруссии, Узбекистана и т. д. Это понятие общности наций на основе общей истории, культуры, системы ценностей. Общности, возникшей на основе совместно пережитых бед, войн и страданий, радости побед, процветания и созиданий. Мы едины по духу и, если хотите, по крови. Убежден, что именно эта идеология, глубоко засевшая в наших генах, в конечном счете, заставит все наши народы снова жить вместе, искренне прощая друг друга за все то, что совершили во время «развода».

Однако одним из последствий принятия данной статьи Конституции стало появление ряда нормативных актов, в том числе о флаге и символике Российской Федерации, которые до недавнего времени прямо запрещали использовать их в государ-

1 См. : Камышанский В.П. Некоторые проблемы интеграции юридической науки и законотворческого процесса // Власть Закона. – 2012. – № 2. – С. 11; Камышанский В.П. О востребованности российской юридической науки // Власть Закона. – 2012. – № 3. – С. 10–12; Камышанский В.П. Некоторые проблемы интеграции юридической науки и законотворческого процесса // Власть Закона. – 2012. – № 2. – С. 10–12.

ственных учреждениях и предприятиях. Законы прямо запрещали государственным организациям гордиться своей страной и символикой. Я уже не говорю о применении этих символов частными лицами. При этом прокуратура активно составляла протоколы по данному поводу и выносила соответствующие предписания. И все это было относительно недавно. Я четко помню эти события, поскольку приходилось доказывать абсурдность такой ситуации. При этом гражданам до сих пор разрешено вывешивать флаги Российской Федерации только во время официальных государственных праздников.

В этой связи становится примечательно, что 7 ноября 2013 г. Президент РФ В.В. Путин заявил о внесении в Государственную Думу РФ законопроекта, касающегося более широкого использования флага и гимна России.

Раскрывая суть ст. 13 Основного закона, нельзя не обратить внимание на п. 5, который регламентирует, что в России «... запрещается создание и деятельность *общественных объединений*, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Позвольте, но понятие общественных организаций (объединений) дано в ст. 117 Гражданского Кодекса РФ, который, как и любой иной свод законов, был принят в развитие положений действующей Конституции РФ, а также в ст. 5 Федерального закона РФ «Об общественных объединениях». В перечисленных законах общественное объединение упоминается как один из видов организационно-правовых форм. Тогда возникает законный вопрос: «А другим видам организационно-правовым форм и частным лица действующая Конституция не запрещает осуществлять действия, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации и т. д.? С какой целью законодатель применил именно такую формулировку запрета.

Ведь достаточно просто было бы четко определить аналогичный запрет деятельности в отношении абсолютно всех юридических и физических лиц, иных образований, в том числе и государственных, а также государственных органов².

2 См. : Цыбуленко З.И. Качество норм гражданского права России и некоторые проблемы их применения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2008. – № 2. – С. 57.

Еще одним ударом по суверенитету России стало принятие множества статей, касающихся применения международных договоров Российской Федерации (ст.ст. 15, 17, 46, 62, 63 и др.). Причем суть их изложения позволяет судить о том, что данные договора имеют большую юридическую силу не только над обычными федеральными законами РФ, но и над самой Конституцией РФ. Подобные трактовки превосходства международных договоров над Конституцией суверенной страны можно встретить только лишь в каких-нибудь «банановых республиках», которые по своей сути не являются суверенными.

Более того, ст. 16 Конституции РФ определила данные положения как основы конституционного строя России, фактически не подлежащие изменению.

Некоторые подумают, что международные договора – это договора между различными государствами, одной из сторон которых является Российская Федерация.

Как бы не так. Точнее, не совсем так. В развитие данной статьи Конституции РФ, 15 июля 1995 г. был принят Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», п. «а» ст. 2 которого регламентирует, что: *«международный договор Российской Федерации означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с **международной организацией либо с иным образованием**, обладающим правом заключать международные договоры (далее – иное образование)».*

То есть даже договор с иностранной организацией или иным образованием наделяется статусом «международный» и становится выше, чем наш Основной закон³. Скажете, что это просто уму непостижимо. Но это так. И такие обязательства мы взяли на себя добровольно, еще в «лихие 90-е», стремясь слепо приобщиться к западным ценностям.

Не случайно, 7 ноября этого года Президент РФ В.В. Путин, отвечая на вопросы преподавателей кафедр конституционного права различных вузов, заявил в телеэфире о необходимости осторожного подхода при подписании международных договоров и о недопущении их противоречию Конституции РФ. Также он выразил надежду на то, что Верховные суды субъектов РФ всё-таки будут толковать такие договора с позиции верховенства нашего Основного закона, а не международных соглашений. Но это задел на будущее. А пока все по-иному. Возможно, кто-то здесь скажет,

³ См. : Диденко А.А. Современная система источников российского гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2007. – № 30. – С. 209–216.

что проблема надумана и можно просто не заключать международные договоры, противоречащие нашей Конституции. Кстати, и сам Президент в данном телеэфире заявил, что не будет подписывать подобные договора. Но не все так просто. Во-первых, процедура рассмотрения и подписания международных договоров достаточно сложна и подчас требует принятия компромисса. Во-вторых, Президент РФ как гарант Конституции РФ скован определенными обязательными действиями. В-третьих (и это не менее важное), Президент РФ в соответствии с законом «О международных договорах...» имеет полномочия на подписание далеко не всех подобных документов. Добрую их часть подписывают иные уполномоченные лица (Раздел II закона). Следовательно, на некоторые из них Президент просто физически не может успеть отреагировать.

Вместе с тем самой серьезной угрозой нашему суверенитету являются положения Конституции РФ, касающиеся функционирования Центрального банка РФ. Об этом уже много говорилось, но обойти эту проблему стороной невозможно.

Сейчас существует много разговоров о том, что современная Конституция писалась с западных образцов таких стран, как Германия, Австрия, Франция и т. п., и что писали ее не те авторы, о которых мы знаем, а некие «американские советники». Лично я не хочу в это углубляться и развивать «теорию заговора». Пусть подобные заявления останутся на совести их авторов. Полагаю необходимым говорить об очевидных фактах.

Так, в соответствии со ст. 10 Конституции РФ: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на: *законодательную, исполнительную и судебную*».

В соответствии со ст. 11 Основного закона страны: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации».

Вместе с тем в соответствии со ст. 75 Основного закона: «Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, *которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти*».

Однако, судя по последней фразе, ЦБ РФ представлен как некий властный орган, но действующий независимо от других органов власти. При этом осуществление денежной эмиссии – это исключительная компетенция Банка России.

Для большего понимания необходимо обратиться к положениям Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банка России)».

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1 данного закона: «Функции и полномочия, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом, Банк России осуществляет независимо от других федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления». То есть и в этом законе ЦБ РФ выступает как некий властный орган, хотя и в статусе юридического лица.

Более того, в соответствии со ст. 2 исследуемого закона: «Уставный капитал и иное имущество Банка России являются федеральной собственностью. В соответствии с целями и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, Банк России осуществляет полномочия *по владению, пользованию и распоряжению имуществом Банка России, включая золотовалютные резервы Банка России. Изъятие и обременение обязательствами указанного имущества без согласия Банка России не допускаются*, если иное не предусмотрено федеральным законом». Позвольте, а разве владение, пользование и распоряжение – это не прерогатива собственника имущества? И разве можно предположить, что собственник, коим представляется Российская Федерация, не имеет права изымать или даже обременять свое имущество, включая золотовалютные резервы, без согласия Банка России, который является самостоятельным юридическим лицом. Но это так.

Наше государство не имеет своих денег. На современных Российских рублях вы не найдете государственной атрибутики, не увидите надпись «казначейский билет», поскольку всю денежную эмиссию осуществляет юридическое лицо – Банк России – по принципу федеральной резервной системы США.

Именно ЦБ РФ контролирует и определяет политику важнейших финансовых институтов страны. Именно этот орган, посредством регулирования различных ставок (в том числе ставки рефинансирования) определяет степень и качество режима банковского сектора и развития предпринимательства в России. И это далеко не все его полномочия.

Кроме того, в соответствии со ст. 7 закона Банк России имеет право издавать нормативно-правовые акты. В соответствии со ст. 21 закона ЦБ РФ участвует в разработке экономической политики Российской Федерации и, в соответствии с этим же законом, все принимаемые нормативно-правовые акты РФ, так или иначе затрагивающие интересы Банка России, принимаются в случае их одобрения ЦБ еще на стадии проекта.

Ну и, казалось бы, совсем из ряда вон выходящее: Банк России в соответствии со ст. 6 Закона о ЦБ РФ может подать иск в международные суды против нашего государства и Правительства, если посчитает, что его права и законные интересы были ущемлены.

Так что же такое ЦБ? Фактически Центральный Банк Российской Федерации является надгосударственной надстройкой – выше Президента РФ и Правительства РФ по всем важнейшим финансовым вопросам страны. ЦБ РФ, безусловно, имеет все признаки органа власти, правда со статусом юридического лица. Это атавизм, который появился в нашей Конституции неслучайно и, к сожалению, похоже на то, что он далеко не всегда работает в интересах нашего государства.

К сожалению, приходится констатировать, что в этой части суверенитет Российской Федерации был утрачен практически полностью. И эта потеря, наряду с другими факторами, в большей степени предопределяет сегодняшнюю стагнацию в экономике страны.

Предполагая возможные вопросы простого читателя, хочу пояснить, что процедура принятия и освобождение от должности руководителя ЦБ РФ в силу тонкости норм права и принципов мировой глобализации – весьма непростая, и при неосторожном решении может привести к весьма плачевным последствиям.

И это далеко не все изъяны нашего Основного закона. О многих его противоречивых положениях я готов говорить и дальше. И, если представится такая возможность, то я смогу подготовить новую публикацию на эту тему к следующему номеру.

Итак, чтобы подытожить свою статью, хочу вернуться к фразе из преамбулы к Конституции РФ: «...возрождая суверенную государственность России...».

С уверенностью хочу заявить, что Россия – как многонациональное государство существует тысячи, а то и десятки тысяч лет (ученые и исследователи до сих пор спорят и находят новые доказательства этого факта). При этом еще тогда в нашем государстве были элементы демократического правления, в том числе различные коллегиальные и совещательные органы. Следовательно, демократии нам надо учиться не у Запада, а вспоминать ее из своей многовековой истории.

Говорить о том, что Россия с принятием современной Конституции возродилась и стала суверенной, это все равно, что (извините за жестокость примера) отрубить человеку руки и ноги (в нашем случае, еще и голову) и объявить о рождении нового человека, который к тому же стал еще вполне суверенным или самостоятельным.

Конституция любой страны, а особенно такой великой, как Россия, – это фундамент всех основополагающих принципов и залог благополучия или краха той системы, которая ее породила. Это фундамент, который может укрепить, возвысить или просто разрушить целое государство и народы. И этот документ в России точно работает и гарантирует населению ровно столько прав и свобод, сколько в нее заложили авторы, независимо от того, как ее воспринимают некоторые недалекие простодумцы.

Не хочу никого обидеть, но все, что мы сейчас имеет в стране (или, по крайней мере, большая их часть), – это последствия «безумных 90-х». Данной статьей я хотел напомнить людям о том, в какой «яме» наша страна была чуть больше 10 лет назад и сколько еще предстоит сделать, чтобы вернуть ей должный уровень суверенитета.

Это, возможно, будет долгий и кропотливый путь, зачастую преодолеваемый посредством жестких компромиссов и поражений. А, может, эта дорога будет заметно короче и с наименьшими потерями? Все зависит от нас. Настойчиво созидать и дать своим детям надежду на будущее или сгоряча броситься в обиды и снова все разрушить. Ведь, в конце концов, Конституция России была принята всенародным голосованием, а, следовательно, содержание положений всех ее норм лежит на совести каждого россиянина.

Е.А. Симатова
Кандидат юридических
наук, доцент, зав. кафедрой
предпринимательского и
международного права НЧОУ ВПО
«Южный институт менеджмента»,
г. Краснодар

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

LIMITS OF THE CIVIL RIGHTS IN THE LIGHT OF THE EVOLUTION OF THE PRINCIPLE OF AUTONOMY OF THE PARTIES CONTRACTUAL RELATIONSHIP

Аннотация: В статье рассматривается реализация принципа автономии воли сторон при построении договоров отношений. Автор исследует концептуальные основы гражданско-правового принципа автономии воли сторон, правовое закрепление принцип автономии воли сторон, направление развития этого принципа.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; принципы гражданского права; свобода договора; автономия воли сторон.

Annotation: The article is considered the implementation of the principle of party autonomy in the construction contract relations. The author explores the conceptual foundations of civil law principle of autonomy of the parties, the legal consolidation of the principle of party autonomy, the direction of development of this principle.

Key words: Improvement of civil legislation; principles of civil rights; freedom of contract; autonomy of the parties.

Автомомия воли (*lex voluntatis*) всегда рассматривалась как краеугольный камень правового регулирования договорных правоотношений как во внутреннем законодательстве большинства цивилизованных стран, так и на международной арене в аспекте внешнеэкономических сделок. Широкая распространенность применения этого принципа объясняется тем, что ни в одном

договоре невозможно предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть в ходе его исполнения. Особенно актуален этот вопрос для договоров с иностранным элементом, поскольку помимо всех существенных условий, необходимых с точки зрения внутреннего законодательства для заключения договора, возникает еще и вопрос о собственно выборе самого права, применимого к отношениям, вытекающим из данной сделки. Таким образом, в свете заключения и исполнения внешнеэкономических сделок принцип автономии воли приобретает особое значение, поскольку стороны договора должны иметь возможность осуществить выбор права¹.

Тем не менее, повсеместное применение автономии воли всегда вызывало многочисленные дискуссии как в отношении правовой природы этого понятия, так и в отношении сферы его применения.

Находясь на пороге принятия целой серии поправок в раздел VI Гражданского кодекса РФ, мы наблюдаем и планомерное реформирование автономии воли, что, на наш взгляд, является не только естественным, но и необходимым ходом развития событий в целях модернизации и гармонизации российского частного права.

Отвечая на вопрос, а что же собственно такое «автономия воли»: международный обычай, особый институт или составная часть более широкого понятия свободы договора, необходимо остановиться на основных концепциях, сложившихся по этому поводу в юридической науке.

1. Автономия воли опосредуется через категории международного права: некоторые исследователи полагали, что допустимость заключения сторонами сделки, принадлежащими к разным государствам, соглашения о выборе применимого к их отношениям права является проявлением международно-правового обычая, касающегося разрешения общих вопросов международного частного права².

2. Автономия воли взаимосвязана с национальным правом. В частности, М.М. Богуславский наделяет автономию воли материально-правовой природой, ставя ее в один ряд с такими условиями договора, как условия о количестве, качестве и цене, в силу чего на нее распространяется основной принцип гражданского права – принцип свободы договора³. Однако Л.А. Лунц, выступая приверженцем национально-правовой природы автономии воли, тем

1 См. : Диденко А.А. Понятие и система принципов гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 84. – С. 878.

2 Розенберг М.Г. Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. – М. : Статут, 2000. – С. 53-55.

3 Богуславский М.М. Международное частное право. – М., 2012. – С. 265.

не менее, считает ее одной из разновидностей коллизионных норм генерального характера⁴.

3. Автономия воли – это особый институт, который отличается от коллизионных норм по своей цели (предотвращение, а не разрешение коллизий) и по результату применения, которым не всегда является указание на компетентный правопорядок⁵. Ряд зарубежных специалистов (Манчини, Лоран) вообще рассматривали автономию воли в качестве самостоятельного источника коллизионного права наряду с национальным законом или международным договором⁶.

Таким образом, очевидно, что единства взглядов на правовую природу автономии воли не только в контексте принадлежности ее к международному или национальному праву, но и в равной степени наделение ее коллизионным или материально-правовым характером, на настоящий момент. Безусловно, нельзя отрицать наличие в автономии воли как договорных, так и коллизионных начал, что подкрепляется и нормами современного российского законодательства, в котором наряду с положениями, свидетельствующими о коллизионной природе автономии воли, имеются и элементы материально-правовой концепции автономии воли⁷. Следовательно, необходимо признать, что автономия воли скорее представляет собой самостоятельный, особый правовой институт, сочетая в себе многие специфические элементы, присущие как самому международному частному праву, так и объекту его регулирования⁸.

Если рассматривать ретроспективу этого вопроса в отечественном законодательстве, то следует отметить, что в советском праве автономия воли рассматривалась именно больше как обычай, нежели чем законодательное положение. Возможность сторон избирать применимое право стала признаваться судом лишь в 30-х годах XX века, но и это правило носило скорее дополнительный характер, судя по самой формулировке «если не будет предусмотрено иначе условиями отдельных контрактов».

4 Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. – 3-е изд., доп. – М. : Юридическая литература, 1973. – С. 212.

5 Малкин О.А. Автономия воли во внешнеэкономических сделках : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 26.

6 Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. – М. : Волтерс Клувер, 2007.

7 Малкин О.А. Указ. соч.

8 См.: Нетишинская Л.Ф. К вопросу о соотношении субъективного права и интереса // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 1. – С. 332 – 339; Цыбуленко З.И. Качество норм гражданского права России и некоторые проблемы их применения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2008. – № 2. – С. 56–62; Молчанов А.А., Смирнов А.С. К вопросу о становлении и развитии законодательства, регулирующего право собственности производственных кооперативов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 3. – С. 170–177.

Пределы осуществления гражданских прав с свете эволюции принципа автономии воли сторон...

Такой подход господствовал в советском законодательстве вплоть до принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (1961 г.)⁹. Лишь тогда автономия воли получила свое официальное закрепление во внутреннем законодательстве в качестве самостоятельной нормы ст. 126, которая предусматривала, что права и обязанности сторон по внешнеэкономической сделке определяются по закону места ее совершения, если иное не установлено соглашением сторон.

Более широкая трактовка автономии воли была закреплена в отечественном законодательстве в более поздний период, к которому относится принятие Основ гражданского законодательства (1991 г.)¹⁰, Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»¹¹ и Кодекса торгового мореплавания РФ¹². Основы гражданского законодательства (1991 г.) распространили действие принципа автономии воли не только на внешнеэкономические, но и любые другие сделки, осложненные иностранным элементом, и урегулировали вопрос о моменте выражения такой воли.

Однако сама формулировка этих правовых норм выглядела противоречиво, возможность выбора сторонами права носила, скорее, факультативный характер, поскольку в качестве генеральной привязки выступал все-таки закон места совершения сделки¹³.

Качественно иное понимание автономии воли в отечественном законодательстве сложилось с принятием части третьей ныне действующего Гражданского Кодекса РФ, в разделе VI «Международное частное право» которого содержится отдельная ст. 1210 «Выбор права сторонами договора»¹⁴. Впервые законодатель не только признал автономию воли в качестве основного способа разрешения коллизионного вопроса в договорных отношениях, но и установил правила ее реализации.

9 Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 08.12.1961 // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.

10 Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.

11 О международном коммерческом арбитраже : Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 // Российская газета. – 1993. – 14 авг.

12 Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 28.07.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.

13 См. : Ануфриева Л.П. Международное частное право : В 3 т. – Т. 2. Особенная часть. – М. : БЕК, 2000.

14 Гражданский Кодекс РФ часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 23.07.2013 с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

Исходным посылом при применении рассматриваемого принципа является то, что стороны, определяя применимое право, могут в качестве такового избрать как российское, так и любое другое право. Пункт 1 ст. 1210 ГК РФ, таким образом, не ограничивает выбор сторон так называемой «локализацией» договора, используемой в ряде других государств. Вместе с тем п. 5 рассматриваемой статьи устанавливает, что если из совокупности обстоятельств дела, существовавших на момент выбора, следует, что договор реально связан только с одной страной, выбор права другой страны не может затрагивать действие императивных норм страны, с которой договор реально связан.

Стороны могут также исключить применение каких-либо элементов права, за исключением императивных норм страны, с которой договор реально связан.

Нормы непосредственно ст. 1210 ГК РФ допускают выбор применимого права в отношении любых видов договоров. Однако анализ ст.ст. 1213 и 1214 ГК РФ показывает, что содержащиеся в них императивные правила исключают выбор сторонами применимого права по отношению к договорам в отношении находящихся на территории России земельных участков, участков недр, обособленных водных объектов и иного недвижимого имущества, а также договорам о создании юридического лица с иностранным участием.

С содержанием обязательственного статута и связаны основные ограничения автономии воли сторон. Сфера действия права, подлежащего применению к договору, определена в ст. 1215 ГК РФ, однако, перечень исчерпывающего характера не носит. Исходя из анализа п. 1 ст. 1210 и ст. 1215 ГК РФ, можно определить, что избранное сторонами право может распространяться на вопросы толкования договора, прав и обязанностей сторон, исполнения договора, последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, прекращения договора, последствий недействительности договора, а также возникновения и прекращения права собственности и иных вещных прав на движимое имущество (без ущерба для прав третьих лиц).

Завершая рассмотрение ограничений принципа автономии воли, следует упомянуть общепринятый институт – оговорки о публичном порядке. Статья 1193 ГК РФ предусматривает, что норма иностранного права (в том числе и избранная сторонами правоотношений) не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации, что является проявлением общего ограничения применения иностранного права.

Подвести итог следует оценкой перспектив дальнейшего развития автономии воли, исходя из реформирования гражданского законодательства, происходящего в настоящий момент.

Концепция развития гражданского законодательства РФ подчеркивает целесообразность корректировки положений раздела VI ГК РФ, подразумевая и определенные изменения в части принципа автономии воли¹⁵. Предлагаемые поправки объясняются достижением таких целей, как расширение круга отношений, прямо регулируемых новыми коллизионными нормами, с исключением необходимости определения применимого права на базе критерия «тесной связи», коррекция некоторых норм для достижения большей адекватности регулирования и совершенствования ряда положений с точки зрения юридической техники.

Строить же конкретные предположения следует на основе проекта изменений Гражданского кодекса РФ, который предусматривает внесение изменений в разделы I, II, III, VI, VII¹⁶. Несмотря на то, что этот проект в последующем был разделен на несколько проектов, часть из которых уже получили статус самостоятельных законов, в отношении раздела VI воцарилось относительно затишье, поэтому на настоящий момент строить предположения о реформировании этой части ГК РФ следует по-прежнему на основе положений законопроекта №47538-6.

В общем виде эти предположения сводятся к следующему:

1) появится возможность выбора сторонами сделки применимого права и в случаях, когда стороны выбирают применимое право для отношений, не основанных на договоре;

2) стороны договора о создании юридического лица с иностранным участием также смогут выбрать право, подлежащее применению к их отношениям, вытекающим из данной сделки;

3) согласно редакции ст. 1209 ГК РФ форма сделки будет подчиняться именно праву страны, применимому к самой сделке. Следовательно, определяя право, применяемое к договору в целом, стороны могут опосредованно закрепить его форму;

4) появится возможность выбора потребителем права, применимого к форме договора с его участием;

15 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

16 Проект федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

5) изменится решение коллизионной проблемы и в отношении права, применимого к обязательствам вследствие причинения вреда. Так, если между потерпевшим и причинителем вреда существуют договорные отношения, связанные с предпринимательской деятельностью, и если обязательство вследствие причинения вреда тесно связано с таким договором, то к такому обязательству применяется то же право, что и к данному договору (п. 2 ст. 1219 ГК РФ в редакции Проекта). Также потерпевший и причинитель вреда могут самостоятельно выбрать применимое право, в том числе и после самого момента причинения вреда. Подобная норма предполагается и в отношении неосновательного обогащения.

И все же, вне зависимости от того, какой окончательный вариант будет избран законодателем в части внесения изменений в раздел VI ГК РФ, очевидно одно, что значение института автономии воли в вопросе разрешения коллизионной проблемы в договорных правоотношениях не подлежит оспариванию. Многообразие заключаемых внешнеэкономических сделок, огромное количество нюансов, возникающих при их исполнении, необходимость получения твердых гарантий надлежащего выполнения сторонами своих обязанностей по договору и одновременно гибкий подход к выбору подлежащего применению права, включая и морально-этический аспект этого вопроса – и это далеко не все факторы, объясняющие «живучесть» и распространение действия института автономии воли.

В свете изложенного видится, что рассматриваемый институт будет и дальше развиваться, расширяя границы его возможного применения. Однако не следует забывать и о тех базовых ограничениях автономии воли, которые по-прежнему не утратили своей актуальности в силу своего фундаментального характера.

А.Н. Танага

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
права ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный аграрный
университет»

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ

INVALIDITY OF TRANSACTIONS: CONCEPTUAL APPROACH CONTEMPORARY LEGISLATOR

Аннотация: В статье изложен авторский взгляд на концептуальные основы правового регулирования недействительности сделок после реформы соответствующих норм. Приводится лишь материал, который можно назвать общими положениями о недействительности сделок. Автором предложено ввести в оборот категорию «сделки с пороками» как родовое наименование оспоримых и ничтожных сделок.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; недействительные сделки; признание сделок недействительными; реституция; презумпция ничтожности.

Annotation: The article is described the author's view of the conceptual foundations of the legal regulation of the invalidity of transactions after the reform of the relevant rules. Given only material that can be called general provisions on the invalidity of transactions. Author proposes to put into circulation category "deal with the evils" as a generic name and no-rebuttable chtozhnyh transactions.

Key words: Improvement of civil legislation; invalid transaction; invalidation of transactions; restitution; presumption of nullity.

В группе законов по изменению отечественного гражданского законодательства выделяется один из самых крупных – Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской

Федерации»¹, который внёс массу изменений в нормы о сделках, а все нормы о недействительности сделок изложил в новой редакции. Практически все данные изменения вступили в силу с 1 сентября 2013 года. Соответственно, применимы они лишь к сделкам, совершённым не ранее указанной даты.

Недействительной сделкой и сейчас признаётся сделка, имеющая порок хотя бы одного условия действительности сделок. Сами пороки имеют закрытый перечень источников закрепления: это законы и иные правовые акты, т. е. федеральные законы, указы Президента РФ и постановления Правительства РФ (ст. 3 ГК РФ). Соответственно, нарушение иных норм не влечёт возникновения порока сделки.

Традиционно для целей, связанных с недействительностью, все сделки с пороками условий действительности делятся на оспоримые и ничтожные. При этом оспоримые сделки являются действительными, – они лишь потенциально могут быть признаны судом недействительными. Поэтому некорректно (особенно с учётом рассматриваемых изменений, всё большее значение придающих диспозитивности участников оборота) сохранять дихотомию оспоримых и ничтожных сделок в качестве деления недействительных сделок. В курсах учебных дисциплин тема «Недействительность сделок» должна включать вопросы об оспоримых и ничтожных сделках. Но делить на данные виды во избежание формально-логических ошибок объёма можно не недействительные сделки, а сделки с пороками. Поэтому предлагаю ввести в категориальный аппарат гражданского права термин «сделки с пороками», которые и следует классифицировать на традиционные виды².

Отнесение тех или иных сделок с пороками к оспоримым и ничтожным является временным, так как отражает актуальное отношение законодателя к тем или иным порокам сделки, точнее, – к их противоправности и неприемлемости с точки зрения действующего законодательства. Со временем оно может меняться, о чём свидетельствует, в частности, изложенное далее изменение общей презумпции ничтожности сделок с пороками на две антагонистические презумпции.

Ничтожная сделка недействительна в силу факта своего существования независимо от признания её недействительной

1 О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.

2 См. : Мнацаканян А.С. Общие положения о соотношении договорной и деликтной ответственности исполнителя медицинских услуг // Общество и право. – 2007. – № 4. – С. 99–103.

судом. Данное утверждение неизбежно приводит к вопросу о применимых способах защиты гражданских прав, которые могут быть предусмотрены лишь федеральным законом. Нелишне напомнить, что абз. 4 ст. 12 ГК РФ предусматривает в отношении оспоримых сделок два способа защиты гражданских прав: признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий недействительности; а для ничтожных сделок – лишь применение последствий их недействительности.

Предполагалось внесение в ст. 12 ГК РФ такого способа защиты гражданских прав, как признание недействительной ничтожной сделки, так как в практике применить последствия недействительности без соответствующего признания крайне сложно: препятствует наличие спора о действительности сделки. Напомню, что такая возможность разъяснялась п. 32 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³.

Законодатель отказался от такого пути, во-первых, признав, что доказательственная база по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки и должна состоять в обосновании её недействительности; во-вторых, прямо предусмотрев в нормах о недействительности сделок возможность заявления такого иска.

При этом уделено внимание возможности предъявления самостоятельного иска о признании ничтожной сделки недействительной, без требования о применении последствий такой недействительности. Такое самостоятельное требование может быть удовлетворено, если истец имеет охраняемый законом интерес именно в признании сделки недействительной. Очевидно, речь идёт об интересе, отличном от применения последствий недействительности сделки. Такие ситуации нередки, в частности, в случаях, когда стороны ещё не приступили к исполнению обязательств, возникших на основании такой сделки.

Новые законодательные презумпции в сфере недействительных сделок

В прежней редакции ст. 168 ГК РФ закреплялась презумпция ничтожности недействительных сделок, исключить действие которой могли нормы, прямо устанавливающие оспоримость сделок, не соответствующих закону или иным правовым актам.

³ О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 // Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 9.

В настоящее время законодателем предусмотрены две противоположные презумпции для двух групп сделок.

Первую группу составляют сделки с пороками, затрагивающие права и законные интересы лишь их участников.

Для таких сделок закреплена *презумпция оспоримости*. Исключения в виде иных последствий могут быть предусмотрены лишь федеральным законом и только в виде последствий, не связанных с недействительностью. Например, несомненным пороком является несогласование одного из существенных условий конкретного договора. Из содержания ст. 432 ГК РФ «от обратного» можно сделать вывод, что такая сделка будет считаться несовершенной (договор незаключённым) – это и есть иное последствие, не связанное с недействительностью. Соответственно, такие сделки не могут быть ничтожными.

Вторую группу составляют сделки с пороками, посягающие на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

Для этой группы закрепляется *презумпция ничтожности*. Иные последствия могут быть закреплены лишь в федеральном законе в одном из двух вариантов: в виде закрепления оспоримости сделки; в виде закрепления иных последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделок.

Субъекты требований, связанных с недействительностью сделок

Как и раньше, обратиться с требованиями, вытекающими из порочности сделок, вправе лишь ограниченный круг лиц. Но теперь такое право, безусловно, предоставлено любой стороне сделки. Иные лица вправе заявить требования о применении последствий недействительности ничтожной сделки лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом. Требование о признании недействительной оспоримой сделки может быть заявлено иным лицом, если такое лицо указано в федеральном законе.

Соответственно, по ничтожной сделке лицо должно обосновать наличие права на заявление соответствующего требования, а также наличие порока сделки.

Для заявления требования о признании недействительной оспоримой сделки, помимо обоснования права на иск в материальном смысле, истцу необходимо доказать наличие сложного юридического состава оспоримой сделки. Последний включает в себя: во-первых, порок сделки, заключающийся в нарушении ею норм закона или иного правового акта; во-вторых, нарушение сделкой

его прав или охраняемых законом интересов (в частности, возникновение неблагоприятных для него последствий).

Последнее требование ограждает интересы гражданского оборота в части обеспечения его стабильности и неприкосновенности со стороны лиц, права и интересы которых сделка не затрагивает.

В то же время существуют сделки, право оспорить которые предоставлено законом субъектам, действующим в чужих интересах. Например, в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ субъектом оспаривания подозрительных сделок должника назван арбитражный управляющий. Для подобных случаев новой нормой Кодекса предусмотрено, что в интересах третьих лиц сделка может быть оспорена исключительно в случаях, указанных в законе. При этом второй элемент состава оспоримой сделки принимает соответствующий вид: необходимо доказать, что сделка нарушает права или охраняемые законом интересы третьих лиц, в интересах которых оспаривается сделка.

В новых нормах законодатель говорит о таком правовом явлении, как «явное выражение воли стороны сделки на сохранение её силы». Полагаем, что таковым следует признать как прямое утверждение стороны о действительности сделки в возражениях относительно требований, связанных с недействительностью, так и действия стороны по исполнению возникших на основании сделки обязательств. Для действующей таким образом стороны закреплён запрет оспаривать сделку по основанию, о котором она знала или должна была знать при указанном проявлении воли.

Более того, лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания её недействительной, не считается действовавшим добросовестно со всеми вытекающими последствиями. Первым из них является предусмотренное п. 4 ст. 1 ГК РФ: никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Недобросовестным и потому не имеющим правового значения является заявление о недействительности сделки, если заявитель действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения договора давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. Следует заметить, что законодатель предусмотрел в данном случае новую для отечественного гражданского права санкцию: необретение заявлением правового значения.

⁴ См. : Гражданское право : В 2 ч. / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М. : Юнити-Дана, 2011. – Ч. 2. – С. 345; Параскевова С.А. К вопросу о классификации гражданских правонарушений // Российский судья. – 2007. – № 2. – С. 29; Параскевова С.А. Что нарушает гражданское правонарушение? // Юрист. – 2007. – № 5. – С. 47.

Последствия недействительности сделок

Главным последствием недействительности является вывод о том, что недействительная сделка не влечёт юридических последствий, кроме связанных с недействительностью.

Любые сделки, по общему правилу, действительны с момента их совершения. Для ничтожных сделок данное правило императивно. Оспоримые сделки могут быть признаны недействительными лишь на будущее время, если такая возможность вытекает из существа сделки.

Общим имущественным последствием недействительности сделок является двусторонняя реституция. При невозможности двусторонней реституции стороны обязаны возместить стоимость полученного, если иные последствия не предусмотрены законом.

Учитывая процессуальную диспозитивность и автономию воли сторон в гражданском праве как основ методов правового регулирования соответствующих отраслей права, существенно сокращены возможности суда применить по собственной инициативе последствия недействительности ничтожных сделок. В настоящее время это допустимо лишь в целях: защиты публичных интересов; в иных, но прямо предусмотренных федеральным законом случаях.

Кроме того, суду предоставлено право не применять последствия недействительности сделки, если их применение противоречит основам правопорядка и нравственности.

Таким образом, в текущем году состоялись подлинно революционные преобразования норм о недействительности сделок, о чём свидетельствует представленный краткий обзор новел общих положений о недействительности. Все изменения можно оценить лишь как направленные на совершенствование гражданского законодательства, обеспечение стабильности гражданского оборота и диспозитивности гражданско-правового регулирования.

О.В. Шаповал

Кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой теории
и истории государства и права
НЧОУ «Южный институт
менеджмента»

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЪЕКТАХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

SOME PROBLEMS OF THE LEGISLATION ON CIVIL RIGHTS SITES

Аннотация: В статье рассматриваются правовые свойства объекта гражданского права в процессе изменений в гражданском кодексе Российской Федерации. Автор изучает вопросы правового закрепления информации как объекта гражданских прав, изменения, касающиеся совершенствования правового регулирования недвижимости.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; объект гражданского права; информация; недвижимость; предприятия; единый объект.

Annotation: The article is considered the legal property of the object of civil rights in the process of changes in the Civil Code of the Russian Federation. The author studies the legal consolidation of information as an object of civil rights, the changes related to the improvement of legal regulation of the real estate.

Key words: Improvement of civil legislation; to civil rights; information; real estate; enterprises; a single object.

С момента принятия Гражданского кодекса РФ (1994 г.) положения законодательства об объектах гражданско-правовых отношений не претерпели существенных изменений. Одним из таких изменений стало исключение из перечня объектов гражданских прав информации. Это связано, в первую очередь, с введением в действие четвертой части ГК РФ, содержащей положения об объектах интеллектуальной собственности, что, по мнению законодателя, и исключило необходимость упоминания информации в качестве отдельного объекта гражданских прав. Информация как особый объект гражданских прав характеризуется следующими признаками. Прежде всего, информация является идеальным ком-

понентом бытия, т. е. благом нематериальным, не сводимым к тем физическим объектам, которые выступают ее носителями (запись на бумаге, цифровая форма и т. п.). Далее, информация есть благо непотребляемое, которое подвергается лишь моральному, но не физическому старению. Важной особенностью информации является возможность ее практически неограниченного тиражирования, распространения и преобразования форм ее фиксации. Наконец, закон не закрепляет за кем-либо монополии на обладание и использование информации, за исключением той, которая является одновременно объектом интеллектуальной собственности¹.

С мнением законодателя можно не согласиться, поскольку по своей сути такие объекты, как, например, коммерческая тайна и секрет производства (ноу-хау) представляют собой как раз информацию, с учетом определенных содержательных особенностей. Самостоятельным объектом защиты на сегодняшний день выступают также персональные данные, которые, безусловно, тоже представляют собой информацию личного характера. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что упоминание информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав позволяло аккумулировать в этом термине самые различные виды информации, которые на сегодняшний день разрознены в различных нормативных актах и положениях ГК РФ.

Нельзя обойти вниманием и выведение законодателем в самостоятельный вид объектов гражданских прав такие категории объектов, как безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги.

В предыдущей редакции ст. 128 ГК РФ звучала следующим образом: к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Действующая редакция определяет, что к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

1 Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая : учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. – М. : Проспект, 2010. Информационно-справочная система Консультант Плюс.

Анализируя представленные тексты, можно сделать вывод о том, что законодатель выделяет безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги как самостоятельные виды имущества. В цивилистике имеет место спор относительно отнесения, в целом, категории бездокументарных ценных бумаг к вещам. Если прошлая редакция включала всего семь статей, посвященных всем видам ценных бумаг, то в новой редакции вводятся три параграфа в гл. 7: общие положения, документарные и бездокументарные ценные бумаги, при этом содержание статей расширяется за счет дополнительной нумерации. В новых положениях законодательства дается определение самим ценным бумагам в зависимости от их вида (документарные и бездокументарные). Характеризуются отдельные виды документарных ценных бумаг в связи с порядком перехода прав на них. Существенно изменен перечень документарных ценных бумаг, в частности, исключены такие виды, как государственная облигация, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, приватизационные ценные бумаги. Вводятся новые: закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда. Однако законодатель не оставляет перечень закрытым, предполагая возможное дальнейшее его расширение.

Бездокументарным ценным бумагам посвящен отдельный параграф, регламентирующий порядок фиксации прав на них и защиты интересов их обладателей. Это обусловлено тем, что вследствие развития компьютерных технологий на сегодняшний день рынок ценных бумаг активно расширяется. Безусловно, новые положения ГК РФ будут в дальнейшем расширены в отраслевом законодательстве.

Также необходимо отметить, что всегда актуальным для цивилистики остается вопрос недвижимого имущества. Проблемным, по мнению ученых, является не только перечень объектов недвижимости, который подвержен изменениям, но и само определение недвижимого имущества.

Статья 130 ГК РФ определяет, что к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Из этого определения можно сделать вывод о том, что основным отличием недвижимого имущества от движимого выступает прочная связь с землей и невозможность перемещения без несоразмерного ущерба назначению. Однако п. 2 этой же статьи относит к недвижимым вещам подле-

жащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты, способность к перемещению которых составляет их основное назначение. Да и несоразмерность ущерба также является размытым понятием и вызывает вопросы в научном сообществе.

К проблемным можно отнести момент, подчеркнутый в П.А. Зелюкой: ст. 130 ГК РФ, рассматривая понятие недвижимости, одновременно в качестве синонимов использует три правовых понятия: 1) недвижимая вещь; 2) недвижимое имущество; 3) недвижимость. Но все эти понятия в теории гражданского права несут различную смысловую нагрузку и, думается, было бы не совсем правильно их отождествлять.

Как было указано ранее, сам термин «недвижимое имущество» в русском законодательстве появился довольно поздно и заменил прежние разнообразные выражения, например, «вотчина», «имение» и др. После этого в русской цивилистике возникло смешение терминов «имущество» и «вещь». Г.Ф. Шершеневич отмечал: «Наше законодательство не выдерживает терминологии и употребляет слово “имущество” вместо “вещь”, а вместо имущества говорит о собственности или об имении»².

Проблема, отмеченная видным русским правоведом в 1907 г., существует до сих пор. В юридической литературе недвижимость называют и вещью, и имуществом. Но эти понятия несут различную смысловую нагрузку, и было бы не совсем правильно их отождествлять³.

Эволюция перечня объектов недвижимого имущества отражает изменения состояния гражданско-правовых отношений и современное состояние гражданского оборота. В частности, появление в перечне такого вида, как объект незавершенного строительства (внесен в редакцию ГК РФ в 2004 г.), можно связать с серьезными проблемами в сфере строительства, возникшими в результате глобальных социально-политических преобразований периода 1990-х – 2000-х годов. Нельзя не упомянуть о практических проблемах, вызванных исключением многолетних насаждений как самостоятельного вида недвижимости.

Сегодняшние существенные изменения гражданского законодательства также продиктованы насущной необходимостью соответствия законодательной базы современным реалиям. В частности, расширение перечня ограниченных вещных прав, вве-

2 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – Т. 2. – М. : Статут, 2005.

3 Зелюка П.А. Понятие и особенности недвижимости как системного элемента объектов гражданских прав // Общество и право. – 2011. – № 4.

дение понятия «единый недвижимый комплекс» являются последовательным внедрением принципа единства судьбы земельного участка и объектов, расположенных на нем, с учетом приоритета земельного участка.

Новым для гражданского законодательства является понятие единого недвижимого комплекса. Недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Ведение такого нового объекта недвижимости, как единого недвижимого комплекса, обусловлено целым рядом причин. В первую очередь, необходимостью закрепления прав собственников линейных объектов на них в совокупности с земельным участком и несовершенством конструкции сервитута, которым они обладали.

Все сказанное свидетельствует о том, что развитие института объектов гражданских прав будет продолжаться и в дальнейшем, поскольку данная сфера в первую очередь отражает все происходящие изменения гражданского оборота.

М.А. Арсналиев

Преподаватель кафедры
гражданского права филиала
ФГБОУ ВПО «Московский Институт
предпринимательства и права»
(г. Махачкала)

СЕРВИТУТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

EASEMENTS IN MODERN CIVIL LAW SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация: В статье анализируется состояние и развитие сервитутов в странах с развитой рыночной экономикой. Особое внимание уделено правовому регулированию сервитутов в законодательстве Франции. Подчеркивается системность законодательных норм, регулирующих сервитутные отношения.

Ключевые слова: Сервитут; владение; публичные сервитуты; частные сервитуты; соседское право; право собственности на землю.

Annotation: The article is analyzed the status and development of servitudes in countries with developed market economies. Particular attention is paid to the legal regulation of easements in French law. Emphasizes systematic legislation governing relations servitude.

Keywords: Easement; possess; public easements; private easements; neighboring law; the right to land ownership.

Анализируя содержание законодательства о сервитутах в Российской Федерации, целесообразно проанализировать опыт, накопленный в современных зарубежных гражданско-правовых системах.

Заметим, что во многих государствах Западной Европы, Южной и Северной Америки, некоторых странах Азии существуют устойчивые модели регулирования права частной собственности на землю и связанные с данным видом права институты.

В отличие от России, гражданское законодательство этих государств на протяжении нескольких десятилетий не подвергалось коренному пересмотру, особенно в области вещного права. Такие институты, как право собственности, в том числе на землю, владе-

ние, сервитуты, закреплены в гражданских кодексах, которые были разработаны еще в XIX – середине XX вв. и действуют до сих пор¹.

В зарубежных гражданско-правовых системах регулирование сервитутов закреплено в гражданских кодексах на протяжении многих лет. Причем регулирование сервитутов, в отличие от отечественной нормативно-правовой базы, достаточно полно и комплексно реализовано в законодательстве этих стран. Данное обстоятельство прежде всего обусловлено тем, что в этих государствах предусмотрен свободный оборот земельных участков, в том числе и участков сельскохозяйственного назначения. В таких условиях немаловажную роль играют сервитуты, призванные восполнить недостатки одних участков за счет права ограниченного пользования другими.

Зарубежное гражданское право предусматривает и другие ограниченные вещные права – узуфрукт, узус, право проживания, которые часть цивилистов считает личными сервитутами. Наличие данных институтов в гражданском законодательстве показывает высокий уровень регулирования вещных прав в целом.

Как замечает большинство исследователей истории права, зарубежное гражданское законодательство, особенно гражданское законодательство континентальной Европы, построено в лучших традициях римского частного права. Гражданские кодексы сконструированы на высоком с точки зрения юридической науки уровне. Доминирующее положение в них занимают интересы граждан и юридических лиц, основанные на соответствующих конституционных правах и свободах.

За рубежом основные нормы о сервитутах содержатся в гражданских кодексах, в отличие от российского законодательства, где сервитуты регулируются не только гражданским законодательством, но также и нормами иных отраслей права².

При изучении сервитутов в гражданско-правовых системах зарубежных стран особое внимание следует уделить гражданским кодексам континентальной Европы, Южной и Северной Америки, Азии. К ним относятся некоторые кодексы Соединенных Штатов Америки, гражданские кодексы Англии, Франции, Польши, Филиппин и ряда иных государств.

При этом, как справедливо замечает И.А. Тедорадзе, законодательство «...таких стран, как США, Канада, Швеция, Дания, показывает, что сервитут является одним из основных прав на землю,

1 См. : Камышанский В.П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Спб., 2000. – С. 49.

2 См. : Камышанский В.П. Суперфиций и эмфитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 106.

обеспечивающих нахождение на ней инженерных и транспортных коммуникаций; газопроводов, водопроводов и иных трубопроводов, линий связи, линий электропередачи и т. п., что обеспечивает их быстрое развитие, легкий доступ к земельным ресурсам»³.

Некоторые гражданские кодексы действуют достаточно долго (в частности, гражданские кодексы Англии, Франции, штата Калифорния), другие лишь недавно вступили в силу (например, гражданский кодекс Аргентины).

Заметим, что в зарубежных гражданско-правовых системах нормы, регулирующие сервитуты, представлены в виде определенной системы. Сервитуты здесь чаще всего регулируются в рамках отдельной главы кодекса. В начало главы, как правило, включены статьи, содержащие понятие сервитутов, их виды, а также основания возникновения. Следующие статьи раскрывают особенности реализации сервитутных правоотношений. Завершается глава, как правило, статьями, посвященными прекращению сервитутов, а также способами их защиты.

Продолжая исследование, остановимся более подробно на анализе соответствующих кодексов некоторых стран.

Французский гражданский кодекс (Code Civil; далее – ФГК)⁴, по мнению многих ученых, представляет собой документ, выполненный на достаточно высоком уровне, несмотря на то, что его основные положения были разработаны еще в начале XIX века. Кодекс имел широкое распространение в странах Европы. При этом нередко его использовали в качестве образца при составлении ряда гражданских кодексов, а в некоторых государствах он являлся действующим.

В соответствии с нормами французского законодательства вещными правами на землю являются предусмотренные ФГК земельные сервитуты, узуфрукт, право пользования.

При этом основанием сервитута является наличие соседнего используемого участка, интересы надлежащей эксплуатации которого требуют вмешательства в процесс пользования таковым.

Заметим, что согласно положениям ФГК сервитут представляет собой обременение, возложенное на имение в целях пользования имением, принадлежащим другому собственнику, а также для определенных выгод данного имения (“Une servitude ut une charge impose sur un heritage pour é usage et é utilite d’un heritage appartenant á un autre propriétaire”. Ст. 637 ФГК).

3 Тедорадзе И.А. Анализ законодательства по ограниченному пользованию (сервитут) земельным участком // Налоги (газета). – 2010. – № 6. – С. 19–21.

4 Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 года / пер. с фр. И.С. Перетерского. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

В ФГК установлены три вида сервитутов: происходящие из расположения участков; установленные законодательством; установленные действием человека (ст. 639 ФГК).

Отметим также, что Титул 4 ФГК устанавливает общее правило для сервитутов, в рамках которого подчеркивается их принадлежность к земельным участкам.

Сервитуты, происходящие из расположения участков, призваны регулировать в основном водно-земельные отношения. В гл. 1 Титула 4 оговаривается ключевой принцип этого вида сервитутов.

Непосредственно течение вод, на которые распространяется действие сервитута, должно быть естественным, без участия каких-либо специальных приспособлений и механизмов, сделанных человеком (ст. 640 ФГК). В частности, к таковым относятся сточные воды (дождевые, скважинные), ручьи, берущие свое начало на участке, источники.

При этом собственнику зависимого участка запрещается совершать действия, препятствующие пользованию сервитутом. Так, на нижележащем зависимом участке запрещается возводить плотины, которые будут препятствовать стоку воды (ст. 640 ФГК). Собственник лишь в определенных законодательством случаях может лишь требовать соответствующую компенсацию (возмещение).

К сервитутам, установленным законодательством рассматриваемого государства, относятся также сервитуты, связанные с общей стеной, разграничением и огораживанием земельных участков и др. (ст.ст. 649–685 ФГК).

Заметим, что большинство статей ФГК, посвященных регулированию сервитутов, установленных на основании соответствующих норм законодательства, сконструированы таким образом, что в них закрепляется право требовать от собственников не совершать каких-либо действий. Например, не строить сооружения выше определенной меры, не выводить окон на чужой двор и т. п. По такому же принципу было построено и «право участия» в Своде законов гражданских дореволюционной России.

Право прохода закрепленное в ст.ст. 682–685 ФГК, предусмотрено для тех собственников, чьи участки окружены со всех сторон.

По нашему мнению, особый интерес также представляет ст. 684 ФГК, регулирующая право прохода с замкнутого участка, окруженного другими участками, в результате сделки. В данном случае собственник участка может требовать права прохода только через те участки, которые были предметом сделки.

Сервитуты, установленные по соглашению между собственниками сопредельных участков, разрешается устанавливать на свои имения и для своих имений по своему усмотрению, но с тем условием, что они не должны быть наложены ни на лицо, ни в

пользу лица⁵. При этом данная возможность ограничена следующими условиями:

– устанавливаемый сервитут не должен противоречить общественному порядку;

– необходимо, чтобы повинность налагалась не на конкретное лицо и не в пользу лица, но только на имение и для пользы принадлежащего другому собственнику имения.

По нашему мнению, безусловным положительным аспектом ФГК является наличие закрепленной классификации сервитутов. Так, в рамках ст. 687 ФГК приводится разграничение сервитутов на городские (для пользования строениями) и сельские (для пользования земельными участками).

При этом городские сервитуты устанавливаются вне зависимости от места нахождения строения в городе или за чертой. Французскому праву известно также понятие непрерывных сервитутов, которые осуществляются или могут осуществляться без действий со стороны человека (например, водопровод, сток с крыш, вид (ст. 688 ФГК)).

К сервитутам, реализуемым с перерывами, относятся и такие, для которых необходимы периодические действия человека: право черпать воду, прохода, выпаса скота и др. (ст. 688 ФГК).

При этом сервитуты могут быть явными (проявляющие себя через внешние устройства (дверь, окно, водопровод и др.)) и неявными (не имеющие внешних признаков существования (например, запрещение возводить на участке строения сверх определенной высоты и т. п.)).

Непосредственно непрерывные сервитуты могут быть как явными, так и неявными. Например, сервитут воды является явным и непрерывным, а сервитут проведения воды под поверхностью земли – неявным, но также непрерывным.

Рассматриваемый Кодекс определяет также способы установления и прекращения сервитутов. Так, сервитуты могут устанавливаться сделкой, в силу давности, а также распоряжением отца семейства. Для сервитутов, устанавливаемых в силу закона, требуется специальный акт или решение суда после проведения обязательной экспертизы.

При этом ФГК закрепляет принцип, заключающийся в том, что непрерывные и неявные сервитуты приобретаются в силу сделки или в силу тридцатилетнего срока давности. Сервитуты непрерывные и неявные, а также сервитуты, осуществляемые с перерывами, могут устанавливаться только в силу сделки.

5 См. : Камышанский В.П. Право собственности на жилые помещения. Вопросы ограничений. – Краснодар, 2003. – С. 97; Камышанский В.П. Право собственности. Пределы и ограничения. – М., 2006. – С. 85.

Прекращение сервитута осуществляется при невозможности пользования вещью, ее гибели, при тридцатилетним неиспользованием таковой и при совпадении собственника господствующего и зависимого участка в одном лице.

Заметим, что публичные сервитуты в соответствии со ст. 649 ФГК устанавливаются законодательством. При этом публичным интересам служат бечевники вдоль судоходных и сплавленных рек, строительство и ремонт дорог, другие общественные работы (ст. 650 ФГК), а также сервитуты, обременяющие земельные участки, расположенные по соседству с крепостями, сервитуты выравнивания строений, выходящих на городские улицы, и т. д.

Как справедливо замечает А.Н. Лузина, «во Франции чаще всего публичные сервитуты используются при проведении градостроительных работ»⁶. При этом в рамках ст. 160.5 Градостроительного кодекса Франции предусматриваются публичные сервитуты, реализуемые в интересах социума и государства. В частности, среди публичных ограничений выделяют максимальную высоту сооружений и зданий; пропорции соответствующих конструктивных элементов строения; запрет на производство строительства на определенных зонах (территориях); снос недвижимости, находящейся между определенными целевыми зонами; сервитуты для прокладки коммуникаций, линий высоких передач и т.д. (*“N’ouvert droit a aucune indemnite les servitudes instituees par application du present code en matiere de voirie; d’hygiene et d’esthetique ou pour d’autres objets et concernant; notamment; l’utilisation du sol; la hauteur des constructions; la proportion des surfaces baties dans chaque propriete; l’interdiction de construire dans certaines zones et en bordure de certaines voies; la reparation des immeubles entre diverses zones”*).

Что касается частных сервитутов, то в соответствии с современным французским законодательством таковые не находятся в зависимости ни от пожеланий соответствующих участников этих правоотношений, ни от соглашений. При этом ими гарантируются права одних с одновременным ущемлением прав других прямо пропорционально друг другу⁷.

Как справедливо замечает А.Н. Лузина, частные сервитуты во Франции направлены прежде всего «на установление добрососедских отношений между соседями по владению, пользованию и распоряжению недвижимым имуществом и предупреждение возможного злоупотребления правом»⁸.

6 Лузина А.Н. Ограничения прав по законодательству Франции. – М. : Статут, 2008. – С. 28–29.

7 См. : article 649 Code civil.

8 Лузина А.Н. Указ. раб. – С. 29.

Помимо отмеченного, ФГК содержит нормы об узуфрукте, узусе и праве проживания, признавая их самостоятельными институтами.

В целом, говоря о специфике законодательного регулирования сервитутов во Франции, А.Н. Лужина выделяет и формулирует достаточно полный перечень ключевых правил общего характера, подчеркивая, что: «во-первых, все виды ограничений предусмотрены действующим законодательством; во-вторых, ограничения устанавливаются только в интересах третьих лиц, в том числе общества и государства; в-третьих, ограничения, устанавливаемые в интересах общества и государства, могут быть предусмотрены только законами или ордонансами, имеющими силу закона, проекты которых проходят предварительную экспертизу в Государственном совете; в-четвертых, ограничения, устанавливаемые на основании договора, предусматривают взаимные ущемления прав конкретных субъектов – владельцев недвижимого имущества»⁹.

Далее А.Н. Лужина приходит к выводу о том, что «...подобная система законодательного регулирования ограничений прав на недвижимое имущество позволит использовать эти ущемления в качестве действенного инструмента установления компромисса не только между интересами и правами субъектов гражданских правоотношений, но и между свободами и правами личности и общественной и государственной пользой»¹⁰.

Продолжая исследование, заметим, что английское право содержит ряд положений о сервитутах, которые в целом не противостоят представлению о сервитутах в континентальной доктрине. Согласно п. 43 Свода английского гражданского права Э. Дженкса, «термин “land” охватывает также и сервитуты, которые при отчуждении прав собственника или владельца или при наследовании этих прав переходят к новому собственнику или владельцу без особого о том упоминания»¹¹.

Приведенная норма общего права воспроизводится в ст. 62 Закона о праве собственности (1925 г.). Следуя этой норме, если собственнику земли Blackacre было предоставлено право прохода через соседний участок Whiteacre, это право не было персональным, но являлось частью титула fee simple на Blackacre, которым обладал собственник Blackacre, т. е. право прохода представлялось частью титула fee simple.

Судебной практикой сформулированы признаки, отличающие сервитут от иного права, составляющего «интерес», т. е. иного

9 Лужина А.Н. Ограничения прав по законодательству Франции. – М. : Статут, 2008. – С. 41–42.

10 Там же.

11 Свод английского гражданского права / под ред. Э. Дженкса ; пер. с англ., предисл. и примеч. Л.А. Лунца. – М. : Изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 73.

вещного права. Так, сервитут отличает присутствие «доминирующего» (dominant) и «соподчиненного» (servient) зависимого держания (tenement). Участок земли, в отношении которого установлен сервитут, относится к «соподчиненному держанию». При этом «доминирующее держание» подразумевает держание участка, в пользу которого установлен сервитут. Сервитут не может существовать независимо от участка, собственник которого притязает на соответствующее право. Другой обязательный признак сервитута – то, что доминирующий и соподчиненный собственник должны быть разными лицами. Собственник одного участка не может быть обладателем сервитута, установленного в отношении находящегося в его держании другого участка. Наконец, отличительным признаком сервитута как предоставляемого права является само основание его возникновения – предоставление по воле собственника или grant, прямо выраженное или подразумеваемое. К последнему относятся сервитуты, признаваемые «за давностью пользования» (prescription).

Закон о праве собственности (1925 г.) предусматривает, что «право прохода, проведения освещения и т. п. по чужой земле является правом или “интересом”, эквивалентным праву собственности на землю в форме “an estate in simple”, или в форме права, предоставляемого на срок – “term of years absolute”»¹².

Данное определение подчеркивает различие между сервитутом общего права и сервитутом, основанным на праве справедливости. Согласно нормам общего права сервитутом является право, принадлежащее одному лицу, и одновременно доход, извлекаемый из предоставления этого права, что в совокупности создает вещное право или «интерес», удостоверяемые актом за печатью. В этом случае сервитут приравнивается к праву собственности в форме “an estate in fee simple”.

Сервитутом, основанным на праве справедливости, признается не только предоставление права по воле собственника на основе акта за печатью, но и передача по договору без соблюдения особых формальных процедур. Как и право срочного владения (term of years absolute), появление сервитута, основанного на договоре, взаимосвязано с так называемым правом справедливости. Согласно соответствующим нормам, предоставление права прохода, несмотря на отсутствие формальностей, было отнесено к основанию для возникновения вещного права, а само право признавалось как «интерес» или как «вещное право по праву справедливости», или как «справедливое право» (equitable interest).

12 Halsbury’s Laws of England. – V. 15. § 178.

Перечень сервитутов в английском праве включает, помимо права прохода, право на освещение, право на «защиту от неудобств» (support) и право на получение разных видов земельной ренты (advowsons, tithes, rentcharges).

Особенностью английской доктрины и судебной практики является классификация сервитутов на обременения (easements) и выгоды (profits).

При этом под обременениями подразумевается право, связанное с самим участком, позволяющее собственнику соседнего участка пользоваться чужой собственностью определенным способом (проходить по чужому участку или складывать на нем пустую породу), а также ограничивать права пользования без предоставления собственнику участка каких-либо выгод¹³.

Различают обременения с позитивным (positive easements) и негативным (negative easements) эффектом. К первым относятся обременения, подтверждающие право другого лица совершать действия на чужом участке (проходить, устанавливать рекламные щиты и т. д.). Под вторыми понимают обременения, запрещающие совершение каких-либо действий (например, сервитут на освещение означает запрещение собственнику возводить сооружения на своем участке, препятствующие естественному освещению соседнего участка; сервитут на защиту от неудобств (support) означает запрет для собственника совершать какие-либо действия, вызывающие неудобство (disturb) для соседа).

Сервитут в форме «выгоды» означает право на получение выгоды от чужого участка, в том числе от пользования его почвенным покровом либо продукцией, получаемой благодаря почвенному покрову или другим естественным свойствам участка.

К таким сервитутам относят:

- право выпаса скота на чужом участке;
- право пользования пляжем и рыбой в реке;
- право пользования водой источника, находящегося на чужом участке и т. д.

В английском праве признаются сервитуты, существование которых обосновано давностью лет (Закон о давности 1832 г.).

Основанием возникновения сервитута является договор (covenant). Договор, по которому одно лицо предоставляет другому право пользования землей, может иметь разные правовые последствия: предоставление земли в аренду (lease of land), установление сервитута (grant of easements) или простое разрешение на владе-

¹³ См. : Тужилова-Орданская Е.М. Гражданско-правовая защита фактического владения: проблема определения способов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2013. – № 2 (35). – С. 79.

ние (license). В последнем случае специфика заключается в том, что разрешение может быть отменено по воле стороны, его давшей.

Заметим, что в английском праве понятие «публичный сервитут» предполагает, что этот сервитут устанавливается в общественных интересах (например, в случае предоставления права свободного передвижения по улице, шоссе; на строительство зданий и сооружений, на содержание дорог и проездов, включая их освещение и обеспечение чистоты воздуха). Это понятие является синонимом понятию «предоставление в общественное пользование» (dedication), под которым подразумевается передача (conveyance) земли частным собственником, как правило, на основе добровольного акта (grant) или в качестве дара (gift) и принятие этой земли общественностью или от имени таковой¹⁴.

Сервитут устанавливается при передаче собственности либо права собственности или “conveyance”. Установление сервитута происходит по воле собственника, оформленной в письменной форме с соблюдением особых формальностей. Договор как основание возникновения сервитута или “covenant” определяется как основание или обещание совершить конкретные действия или не таковых. Covenant может носить форму договора с печатью.

Основанием возникновения публичного сервитута может быть и закон. Однако, предусматривая то или иное право в законе и даже называя его обременением для собственников земельного участка, Парламент не всегда имеет в виду создание именно публичного сервитута. Для возникновения сервитута необходимо прямо выраженное предоставление (grant) одним собственником права другому.

14 Halsbury’s Laws of England. – V. 27. § 44.

А.М. Ростовцева

Преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ФГКОУ ВПО «Волгоградская
академия МВД РФ»

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

CIVIL LIABILITY OF PARTICIPANTS IN CORPORATE RELATIONS AND THE LEGAL ENTITY: THE ISSUES OF CORRELATION

Аннотация: В статье содержится анализ особенностей правового регулирования отношений, возникающих в связи с гражданско-правовой ответственностью участников корпоративных отношений. Содержится анализ условий наступления гражданско-правовой ответственности. Рассматриваются случаи и основания возникновения юридической ответственности участников хозяйственных обществ по обязательствам юридического лица перед внешними кредиторами.

Ключевые слова: Гражданско-правовая ответственность; коммерческие организации; ответственность участников хозяйственных обществ; корпоративные отношения; субсидиарная ответственность.

Annotation: The article is provided an analysis of legal regulation of relations arising in connection with the civil liability of participants of corporate relations. Contains an analysis of the conditions of occurrence of civil liability. Examined the issues and grounds of legal liability members of business entities for the obligations of a legal entity to external creditors.

Keywords: Civil liability; commercial organizations; responsible of participants of business entities; corporate relations; vicarious liability.

Согласно ст. 2 ГК РФ к отношениям, регулируемым гражданским законодательством, относятся «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими». Соответственно, для науки гражданского права представляет определенный интерес решение проблем гражданско-

правовой ответственности участников этих отношений в случае нарушения прав и охраняемых законом интересов хозяйственных обществ, товариществ и их контрагентов.

Конструкция юридического лица как самостоятельного субъекта гражданского права, по общему правилу, предполагает привлечение к гражданско-правовой ответственности хозяйственные общества и товарищества по своим обязательствам. Учредители или участники юридического лица несут ограниченную юридическую ответственность в пределах своих вкладов в уставный капитал. Согласно ст. 56 ГК РФ учредитель или участник юридического лица или собственник имущества этого юридического лица не отвечают по его обязательствам, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника. Исключения могут составлять случаи, прямо предусмотренные ГК РФ либо учредительными документами юридического лица. Таковы общие правила.

Правда, закон оговаривает случай, когда банкротство юридического лица вызвано указаниями самих его участников, – на них в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена обязанность выплатить недостающее из своего имущества.

Такое положение позволило участникам юридических лиц «уходить» от ответственности перед кредиторами и иными лицами. В результате подобный пробел привел к возникновению множества предложений, касающихся изменений законодательства о юридических лицах. Так, Д.А. Шевчук отмечает: «Наконец, ответственность участников общества ограничена внесенным ими вкладом. При этом различие между обществами с ограниченной ответственностью и акционерными обществами строится в зависимости от того, принадлежат ли их участникам вклады (доли, паи) или акции как ценные бумаги»¹.

А.В. Серебрякова подчеркивает: «Нормы о компаниях одного лица необходимо дополнить правилами о субсидиарной ответственности учредителей и (или) участников компаний одного лица по долгам (сделкам) таких юридических лиц при недостаточности у последних имущества, если хозяйственное общество совершало сделки (сделку) во исполнение воли (указаний) своего единственного учредителя (участника). В данных ситуациях это будет означать «снятие корпоративной маски» и распространение на отношения норм об ответственности основных (материнских) компаний по долгам дочерних (ст. 105 ГК РФ).

1 Шевчук Д.А. Гражданское право. – М., 2008. – С. 123.

Наряду с этим в ГК РФ следует закрепить более четкую структуру органов АО с ясным разделением функций управления и контроля, что будет способствовать отслеживанию исполнения обязанностей органами управления и контроля. В таких целях необходимо отказаться от терминологической путаницы в названии контрольного органа: он должен именоваться наблюдательным советом, а не советом директоров (наблюдательным советом). Для разделения данных функций нужно также установить в ГК РФ и в законе о хозяйственных обществах запрет на совмещение должностей в наблюдательном совете и правлении, исполнительном органе АО, ООО.

На внутренние (корпоративные) отношения, складывающиеся между хозяйственными обществами, лицами, входящими в состав исполнительных органов, и участниками, также целесообразно распространить действия правил об ответственности основных (материнских) компаний по долгам дочерних, закрепив необходимые дополнительные правила в ст. 105 ГК РФ. В роли материнских компаний в таких ситуациях будут выступать лица, определившие волю общества на совершение соответствующей сделки (лица, входящие в состав исполнительных органов, акционер или иной участник с заведомо контрольным пакетом акций (долей) и т. п.)².

С точки зрения Д.А. Токарева, «...Выводы о допустимости наличия в корпоративном законодательстве абстрактных норм должны быть неизбежно скорректированы. Поскольку нормы законодательства о злоупотреблении правом различны по характеру и значению, пределы детализации таких его норм определяются законодателем с учетом необходимости их эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций.

Необходимо назвать и такую причину многочисленных нарушений и злоупотреблений в коммерческих организациях, как отсутствие материальной ответственности за вред, причиненный действиями лиц, злоупотребляющих своими правами. Единственные последствия, которые могут наступить для лица, злоупотребляющего правами, предусмотрены п. 2 ст. 10 ГК РФ – отказ лицу в защите принадлежащего ему права.

Между тем, действительно, взыскание хотя бы с одного недобросовестного участника коммерческой организации, злоупотребляющего своими правами, убытков, причиненных компании или ее участникам злоупотреблением правом, позволило бы коренным образом изменить ситуацию с соблюдением прав в корпоративных

² См. : Серебрякова А.В. Законодательство о юридических лицах: перспективы развития // Налоговая проверка. – 2009. – № 5. – С. 12; Седова Н.А. Некоторые особенности определения правового положения акционерных обществ, осуществляющих свою деятельность в сельском хозяйстве // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 3. – С. 285.

отношениях. Как говорится, *unum castigabis, centum emendabis* (одного накажешь – сотню исправишь)³.

По мнению П.В. Степанова, «согласно этой доктрине на участника может быть возложена ответственность при следующих условиях: контроль со стороны участника, причем не просто обладание контрольным пакетом акций, а прямое подчинение себе корпорации, так что эта корпорация не имеет своей воли или существования, отдельного от участника; такой контроль со стороны участника был использован для совершения противоправных, обманных, нечестных или несправедливых действий по отношению к истцу; наличие причинной связи между действиями участника и причинением убытков истцу»⁴.

Необходимой предпосылкой ответственности самого юридического лица является наличие у юридического лица обособленного имущества, которое при необходимости может служить объектом притязаний кредиторов. Существующие исключения из правила о самостоятельной ответственности юридического лица ни в коей мере не колеблют общего принципа, поскольку ответственность иных субъектов права по долгам юридического лица является лишь субсидиарной (т. е. дополнительной к ответственности самого юридического лица)⁵.

Но если юридическое лицо обладает самостоятельной ответственностью, оно как обособленное лицо должно полностью отвечать по своим долгам, не обращаясь к участникам. По этому вопросу Д.А. Шевчук рассуждает: «Ответственность участников по обязательствам полного товарищества отнюдь не подрывает принципа самостоятельной гражданско-правовой ответственности юридического лица, т. к. является субсидиарной. В первую очередь требования кредиторов должны предъявляться к самому товариществу, и лишь при недостаточности его имущества – к полным товарищам. Общие правила, регулирующие солидарную ответственность, закреплены в ст. 322-325 ГК»⁶.

Ответственность юридического лица может быть дополнена ответственностью учредителей или иных участников юридического лица только при наличии их вины, которую не так просто

3 Токарев Д.А. Причины возникновения злоупотреблений правом в коммерческих организациях // Адвокат. – 2010. – № 5. – С. 38.

4 Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.

5 См. : Васильев Е.А. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник / под ред. Е.А. Васильева. – М., 1993. – С. 78; Дудченко А.Ю. Проблемы защиты прав акционеров от недружественного поглощения // Общество и право. – 2008. – № 2. – С. 69.

6 Шевчук Д.А. Гражданское право. – М., 2008.

доказать. Пунктом 3 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁷, п. 3 ст. 3 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁸ предусмотрено, что в случае банкротства должника по вине учредителей (участников) должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия или иных лиц, в том числе по вине руководителя должника, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия, на учредителей (участников) должника или иных лиц в случае недостаточности имущества должника может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Таким образом, закон призывает нести учредителей и представителей субсидиарную ответственность за действия юридического лица. Данные замечания, на первый взгляд, верны, но необходимо определить, перед кем и у кого возникает ответственность. Возможны варианты – ответственность директора перед участниками, участников перед внешними кредиторами, участников перед другими участниками.

Часто при развитии бизнеса и продвижении корпорации на рынок необходимы решения, связанные с высокой долей риска. В результате неудачи организация может потерять не только все имущество, но и приобрести довольно существенные долги, которые даже при субсидиарной ответственности представитель организации и ее участники не смогут компенсировать. Что касается участников, то они организуют деятельность добровольно, соглашаясь на риски, принимая условия всех членских отношений компании. Также своим волеизъявлением они выбирают представителя организации (руководителя). Следовательно, по нашему предположению, ответственность участников друг перед другом и руководителя перед участниками должна оставаться сугубо внутренним делом организации.

Участники хозяйствующего субъекта изначально соглашались не только на участие в корпорации, но и на возможные предпринимательские риски, связанные как с участием в корпорации, так и с предпринимательской деятельностью хозяйствующего субъекта. Относительно отношений кредиторов и субсидиарной ответственности участников, то законодатель постоянно старается расширить границы ответственности последних. Главное условие

⁷ Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

⁸ Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

привлечения к субсидиарной ответственности — это наличие предварительного обращения к первоначальному должнику.

По мнению А.В. Шичанина, О.Д. Гривкова, «согласно ст. 69 ГК РФ это позволит ввести неограниченную личную ответственность участников по долгам фирмы, что в некоторой степени обеспечивает страховку от возможных недобросовестных действий по отношению к кредиторам и создает для кредиторов дополнительные реальные гарантии исполнения обязательств фирмы. Возможно, со временем начнут действовать другие (преимущественно экономические, морально-психологические) факторы, влияющие на надлежащее исполнение должниками своих обязательств, такие как деловая репутация, конкуренция и т. п.»⁹.

Субсидиарная ответственность является дополнительной по отношению к ответственности, которую несет перед потерпевшим основной правонарушитель (п. 1 ст. 399 ГК РФ). Она призвана дополнить его ответственность, усиливая защиту интересов потерпевшего. При этом лицо, несущее такую дополнительную ответственность, совсем не обязательно является причинителем имущественного вреда, нанесенного потерпевшему, а во многих случаях вообще не совершает каких-либо правонарушений. Здесь проявляется компенсаторная направленность гражданско-правовой ответственности, определяющая ее специфику.

Но, если личное имущество не покрывает требований кредиторов или исполнение своих обязательств участниками будет перекладываться на неопределенный срок, в этом случае возврат кредитором своих средств практически невозможен. Для этих целей, на наш взгляд, необходимо иное страхование предпринимательских рисков и ответственности, нежели предложенная А.В. Шичаниным и О.Д. Гривковым неограниченная личная ответственность.

По нашему мнению, введение законодательной нормы, обязывающей страховать ответственность участников корпоративных отношений, будет способствовать как удовлетворению требований кредиторов, так и покрытию убытков, причиненных корпорации, что будет являться превентивной мерой несостоятельности (банкротства).

Личную ответственность следует применять только в случаях преднамеренного вреда юридическому лицу физическим лицом. В результате юридическое лицо самостоятельно несет имущественную ответственность по своим обязательствам всем своим имуществом (ст. 48 ГК РФ). Но из указанной нормы есть исключения, они предусмотрены ст. 56 ГК РФ.

⁹ Шичанин А.В., Гривков О.Д. Проблемы поиска баланса интересов юридического лица, его участников и кредиторов // Адвокат. — 2011. — № 2.

К числу лиц, несущих субсидиарную ответственность, по обязательствам признанного несостоятельным лица, в соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 8 (далее – Постановление № 6/8)¹⁰ относятся: лицо, имеющее в собственности или доверительном управлении контрольный пакет акций акционерного общества; собственник имущества предприятия, давший обязательные для него указания.

Требования, предъявляемые к указанным лицам, которые несут субсидиарную ответственность, могут быть также предъявлены конкурсным управляющим. В случае исполнения требований судом, взысканные суммы зачисляются в состав имущества должника, за счет которого удовлетворяются требования кредиторов. Гражданско-правовая ответственность наступает при следующих условиях: 1) противоправность поведения нарушителя; 2) причинение вреда потерпевшему; 3) наличие причинной связи между противоправным поведением нарушителя и причинением вреда потерпевшему; 4) вина нарушителя. Учредительными документами могут быть установлены исключения: 1) для членов производственного кооператива, которые могут нести по обязательствам кооператива субсидиарную ответственность в размере и порядке, предусмотренных уставом (п. 2 ст. 107 ГК РФ); 2) для членов ассоциации (союза), которые могут нести субсидиарную ответственность по ее обязательствам в размере и порядке, предусмотренных учредительными документами ассоциации (п. 4 ст. 121 ГК РФ).

Совокупность этих условий в гражданском праве называется составом гражданского правонарушения. По общему правилу, отсутствие хотя бы одного из указанных условий ответственности исключает ее применение.

Противоправность поведения нарушителя означает, что оно противоречит нормам права и субъективным правам других лиц и может выражаться как в действии, так и бездействии лица. При противоправном поведении наступает гражданско-правовая ответственность любого лица, осуществившего правонарушение.

Гражданско-правовая ответственность наступает при условии причинения вреда потерпевшему. Наличие указанного условия необходимо для привлечения нарушителя к ответственности. Но при нарушении договорных обязательств гражданско-правовая ответственность может наступать и независимо от причинения

¹⁰ О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 // Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 9..

вреда. Например, в случае исполнения сторонами сделки, совершенной под влиянием обмана, сторона, прибегнувшая к обману, лишается права на переданное ею по сделке имущество, которое обращается в доход Российской Федерации (ст. 179 ГК РФ). Подобного рода санкции, связанные с дополнительными обременениями для правонарушителя, оказывают стимулирующее воздействие на участников гражданского оборота и способствуют предотвращению правонарушений, что является целью института юридической ответственности.

С.Н. Братусь под ответственностью понимает «меры государственного или общественного принуждения, включая понуждение должника к исполнению принятой на себя обязанности в натуре»¹¹. Такой подход приводит к отождествлению понятий «санкция» и «ответственность», так как на принудительную силу государства опирается любая санкция, предусмотренная в нормативном акте.

Как отмечает Ю.В. Прекладова, «под вредом в гражданском праве принято понимать неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе. Обязательства, возникающие из причинения вреда, могут быть определены как внедоговорные обязательства, возникающие вследствие нарушения имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, носящих абсолютный характер, призванные обеспечить наиболее полное восстановление этих прав за счет причинителя вреда либо за счет иных лиц, на которых законом возложена обязанность возмещения вреда. Необходимым условием возникновения обязательств из причинения вреда является наличие самого вреда. Если нет вреда, т. е. нарушения или умаления какого-либо имущественного права или нематериального блага, то о возникновении указанных обязательств нельзя говорить уже потому, что вред не причинен, а следовательно, и возмещать нечего»¹².

Для возложения деликтной ответственности в судебном порядке надлежит установить причинную связь между противоправным поведением и наступившим вредом. Необходимо в ряде причин выявить действие, являющееся необходимой причиной.

Нормы гражданского права, как известно, разграничивают понятия имущественного и неимущественного, или морального, вреда.

«Причинение морального вреда личности, — пишет К. М. Варшавский, — тоже представляет собой форму вреда, причиняемого, однако, не имуществу потерпевшего, а его личности – физической

11 Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. – М., 1976. – С. 83.

12 Прекладова Ю.В. Понятие вреда в гражданском праве, соотношение материального и нематериального вреда в гражданско-правовой теории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.muh.ru> (дата обращения: 14.08.2012).

или моральной – и косвенно отражается на его имущественном положении»¹³. Моральный вред представляет собой физические или нравственные страдания гражданина, вызванные нарушением его личных неимущественных прав или умалением иных его личных (нематериальных) благ – посягательствами на его честь и достоинство, неприкосновенность личности, здоровье и т. д.

Вопрос о компенсации морального вреда юридическим лицам вызывает много споров среди цивилистов. Основу сомнений составляет точка зрения, что юридическое лицо не может претерпевать физических и нравственных страданий.

Очевидно, что вряд ли было уместно применять понятие «достоинство» к юридическому лицу – искусственному образованию, собственным сознанием не обладающему. Так как юридическому лицу свойственно участие именно в деловых отношениях, понятие чести в отношении юридического лица полностью совпадало с понятием деловой репутации как сопровождающегося положительной оценкой общества отражения деловых качеств лиц в общественном сознании и являлось, таким образом, абсолютно избыточным.

С принятием части первой Гражданского кодекса РФ это несоответствие было устранено. Статья 152 ГК РФ (п. 11) предусматривает гражданско-правовую защиту только деловой репутации юридического лица и правила этой статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются и к защите деловой репутации юридического лица».

Третьим условием применения гражданско-правовой ответственности является наличие причинно-следственной связи между действиями правонарушителя и причинением вреда. «Причинно-следственная связь – это объективно существующая взаимосвязь явлений, которая характеризуется тем, что в конкретной ситуации из двух взаимосвязанных явлений одно (причина) всегда предшествует другому и порождает его, а другое (следствие) всегда является результатом действия первого. Вместе с тем при анализе оснований возникновения гражданско-правовой ответственности организации особый интерес вызывает вопрос наличия в действиях юридического лица вины.

Именно здесь сознательно-волевая концепция понятия вины как психического отношения нарушителя к своему поведению и его результату вызывает наибольшие сомнения. В работах советских юристов высказывались самые различные концепции: от объяснений понятия вины юридического лица через «психическое

13 Варшавский К. М. Обязательства, вытекающие вследствие причинения вреда другому. – М., 1929. – С. 187.

отношение» к допущенным нарушениям со стороны его работников или его органов до категорического неприятия концепции «психического отношения» к ответственности юридического лица. В результате вина как своеобразное психическое отношение к противоправному поведению подменялась самим воплощающим ее неправомерным действием или бездействием – неприятием мер, необходимых для исполнения юридическим лицом своих обязательств¹⁴, ненадлежащей организацией осуществляемой им деятельности. Например, по мнению М.И. Картужанского, в случае нарушения сроков исполнения обязательства организацией или производством продукции ненадлежащего качества¹⁵.

По мнению сторонников теории коллектива, вина юридического лица представляет собой допущенную в связи с осуществляемыми трудовыми функциями вину его работников. Так, С.Н. Братусь писал: «Необходимым условием ответственности юридического лица является вина конкретного исполнителя, состоявшего либо членом юридического лица, либо его работником... Работник при выполнении своих обязанностей не противопоставляет юридическому лицу в качестве отличного от него субъекта права: из суммированных служебных действий рабочих и служащих или действий членов, связанных с осуществлением их членских обязанностей, и возникает деятельность юридического лица как целого... Ответственность юридического лица в этом случае является ответственностью не за чужие, а за свои действия»¹⁶.

Г.К. Матвеев утверждал, что «возлагая ответственность на юридическое лицо, суды и арбитражи имеют в виду его вину. Психологическим ее содержанием является порочная воля (и сознание) работников юридического лица в виде умысла или неосторожности. Однако, будучи выраженной в противоправных действиях (например, в поставке недоброкачественного товара или в причинении увечья), эта воля приобретает затем относительно самостоятельный и независимый характер и рассматривается как новое качество в виде субъективного (психологического) отношения коллектива к своим противоправным действиям и их вредным последствиям»¹⁷.

14 Грибанов В.П. Ответственность сторон за недопоставку по договору поставки // Вопросы советского гражданского права в практике суда и арбитража. – М., 1959. – С. 373-374.

15 См. : Картужанский А.И. Ответственность за неисполнение договора в социалистическом хозяйстве // Вестник Ленинградского университета. – 1950. – № 4. – С. 105.

16 Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М., 1950. – С. 211-212.

17 Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М., 1970. – С. 241.

О.С. Иоффе занимал противоположную позицию, означавшую, что «так как юридическое лицо – это организованный коллектив, обладающий коллективным сознанием и коллективной волей, то оно способно и к такому сознательно-волевому отношению, которое образует содержание вины. Вина юридического лица может выразиться в виновных действиях его работника, совершенных в связи с трудовыми функциями, она может быть также рассредоточена между различными подразделениями юридического лица, когда вина конкретного работника исключается. Но при всех условиях вина юридического лица – это вина не индивидуальная, а коллективная, причем последующее полное или частичное переложение убытков, возмещенных юридическим лицом, на их конкретного виновника ничего в существе дела не меняет»¹⁸.

Противники теории коллектива не согласны с уравниванием служебных действий работников с действиями юридического лица. Ими была разработана теория, известная под наименованием *culpa in eligendo et custodiendo*, согласно которой существуют различия между действиями органов юридического лица и действиями других его работников. Первые персонифицируют деятельность самого юридического лица, признаваемого виновным в той мере, в какой виновен его орган. Вторые являются для юридического лица «чужими действиями», и только при условии, что орган виновен в неправильном выборе совершившего правонарушение работника или в неосуществлении за ним должного надзора, ответственность может быть возложена на юридическое лицо.

Так, по мнению М.М. Агаркова (одного из авторов данной концепции), «действия отдельных представителей работников и служащих юридических лиц не могут рассматриваться в качестве вины юридического лица»¹⁹.

В середине 50-х гг. XX в. тем же критерием воспользовался Д.М. Генкин, который выступил с концепцией юридического лица как определенной социальной реальности. По его мнению, «возложение на юридическое лицо гражданско-правовой ответственности вытекает из второй части ст. 119 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., в силу которой должник отвечает за действия тех лиц, на которых он возложил выполнение обязательства»²⁰.

В гражданском праве установлена презумпция вины правонарушителя, именно он должен доказать отсутствие своей вины в

18 Иоффе О.С. Обязательственное право. – М., 1975. – С. 137.

19 Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. – М., 1945. – С. 131.

20 Генкин Д.М. Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР // Сборник научных работ Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. – М., 1955. – Вып. 9. – С. 14.

правонарушении (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ). То есть нарушитель предполагается виновным, потерпевший от правонарушения не обязан доказывать вину нарушителя, а последний для освобождения от ответственности должен сам доказать ее отсутствие.

Отсутствие вины правонарушителя освобождает его от гражданско-правовой ответственности по общему правилу, из которого предусмотрены исключения. В случаях, установленных законом или прямо предусмотренных договором, ответственность может применяться и независимо от вины нарушителя, в том числе и при ее отсутствии.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ «юридическое лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств»²¹.

21 См. : Сумской Д.А. Статус юридических лиц : учеб. пособие для вузов. – М., 2006. – С. 42.

Н.Н. Уюткин

Заслуженный юрист Кубани,
председатель Тбилисского районного
суда Краснодарского края

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

PROBLEMATIC ISSUES OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN MODERN CIVIL LAW

Аннотация: В статье рассматриваются правовые основы защиты нематериальных благ в свете совершенствования гражданского законодательства. Автор исследует исторические, концептуальные, правовые, правоприменительные особенности компенсации морального вреда и рассматривает направления дальнейшего совершенствования данного института.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; нематериальные блага; гражданско-правовая ответственность; возмещение ущерба; компенсация морального вреда.

Annotation: The article is considered the legal framework for the protection of intangible goods in the light of improvement of civil legislation. The author explores the historical, conceptual, legal, law enforcement especially compensation for moral damage and consider areas for further improvement of the institution.

Key words: Improvement of civil legislation; intangible benefits; civil liability; damages; compensation for non-pecuniary damage.

В конце 80-х – начале 90-х годов прошедшего столетия Россия оказалась на рубеже масштабного по своей значимости исторического излома. Произошла полная перестройка общественно-политической системы, результатом которой стало проведение правовой, экономической, административной реформ, создание, по сути дела, совершенно новой, современной, отвечающей требованиям международно-правовых стандартов, а зачастую значительно превосходящей их нормативно-правовой базы, основной целью которой является обеспечение приоритета защиты интересов личности.

В связи с этим следует с уверенностью констатировать, что в стране за последние двадцать лет произошла переоценка ценностей. За эти годы нами было сделано то, что в других странах создавалось веками. При этом следует учитывать, что в стране для этого не имелось практически никакого исторического задела. Судебная реформа 1864 года впоследствии была практически выхолощена последующими контрреформами, а после октябрьских событий 1917 года её результаты были ликвидированы вовсе. Это неоспоримый факт, и если на какое-то время отвлечься повседневной суеты сегодняшних дней и оглянуться назад, то мы увидим, что у нас практически создана и реально действует новая законодательная база и как следствие её – новая правовая система.

Каркасом этой системы является Конституция Российской Федерации, являющаяся выражением верховенства права и правового государства. При этом она не только не закрепляет приоритет государства перед гражданином, а напротив, устанавливает высшей ценностью человека, его права и свободы (ст. 2)¹. Здесь интересы личности есть интересы государства.

Тот жизненный результат, который мы достигли в условиях действия новой законодательной базы, следует развивать, пополнять, поддерживать и, если необходимо, отстаивать в условиях непростого глобального мироокружения¹.

Сегодня уже никого не удивляет, что арест человека возможен только по судебному решению, равно как и осмотр жилища, если собственник против этого возражает. Создана по существу новая судебная система, включающая в себя мировых судей и суды присяжных, мы полностью перешли от инквизиционной системы права к состязательной. В этом главный итог.

Ежегодно растёт количество граждан, обратившихся в суд, что, в свою очередь, является показателем постепенного формирования правовой культуры населения страны. При этом следует признать, что мы весьма далеки от преодоления правового барьера и вряд ли это произойдёт в ближайшие десятилетия. Наряду с этим следует отметить, что в стране заложен лишь прочный фундамент будущего здания, название которого «правовое государство», и нашей целью является его строительство.

Абсолютно новым в современном праве России является институт компенсации морального вреда. Советское гражданское

1 См. : Рассказов А.П., Рассказов О.Л., Мантул Г.А. Классическое понимание судебного прецедента и отношение к прецедентному праву в российском государстве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 77. – С. 1190; Нетишинская Л.Ф. К вопросу об объекте гражданского правоотношения // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 2. – С. 282;.

законодательство до начала 90-х годов прошлого столетия не знало такого способа защиты нарушения гражданских прав, как компенсация морального вреда. И хотя общепризнано, что компенсация морального вреда является составной частью гражданского права, единственной нормой права, где упоминалось о моральном вреде, была ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик².

В абз. 1 данной статьи, давая определение потерпевшему от преступного посягательства, законодатель установил: «Потерпевшим признаётся лицо, которому преступлением причинён *моральный*, физический или имущественный вред. Данный абзац законодателем был полностью в неизменном виде включён первыми предложениями в ст. 33 УПК РСФСР³ и просуществовал в неизменном виде вплоть до принятия новой редакции УПК РФ.

Первое упоминание о возмещении морального вреда в современном гражданском праве появилось в Законе СССР от 12 июня 1990 года «О печати и других средствах массовой информации»⁴. Законодатель возмещению морального вреда в тексте закона отвел отдельную ст. 39, изложив её в следующей редакции: «Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда средством массовой информации, а так же виновными должностными лицами и гражданами. Размер возмещения морального (неимущественного) вреда в денежном выражении определяется судом».

Именно этот закон и дату его вступления в силу следует считать началом становления в новейшем праве Российской Федерации института компенсации морального вреда, поскольку он явился отправной точкой его дальнейшего развития.

В соответствии с указанным законом 21 марта 1991 г. Законом РСФСР № 945-1⁵ было внесено изменение в ст. 7 ГК РСФСР, регулиующую отношения по защите чести и достоинства в результате

2 Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (вместе с Основами законодательства) : Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 28.11.1989) // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15 (утратил силу).

3 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592 (утратил силу).

4 О печати и других средствах массовой информации : Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 26. – Ст. 492

5 О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Гражданский, Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный кодексы РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : Закон РСФСР от 21.03.1991 № 945-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 15. – Ст. 494 (утратил силу).

распространения порочащих гражданина или организацию сведений. Пунктом 7 статьи Кодекса стала предусматриваться возможность возмещения гражданину морального вреда, причиненного в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство либо причинивших ему иной неимущественный вред.

31 мая 1991 г. Верховный Совет СССР Постановлением № 2211-1 утвердил и Постановлением № 2212-1 от этого же числа ввёл в действие на территории РСФСР с 1 января 1992 года Основы гражданского законодательства Союза ССР и Республик⁶.

Статья 7 Основ о защите чести, достоинства и деловой репутации была изложена в новой редакции (в отличие от Основ 1962 г.). В ч. 6 говорилось: «Гражданин или юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением».

Наряду с этим в Основы была включена ст. 131, предусматривающая ответственность за причинение морального вреда: «Моральный вред (физические или нравственные страдания), причинённый гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемом судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда».

В этой статье законодатель сформулировал понятие морального вреда как страдания физического или нравственного. Данная статья действовала до принятия и введения в действие части первой ГК РФ, т. е. до 1 января 1995 г.

Возмещение вреда (в том числе морального), причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей природной среды, было предусмотрено ст. 89 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1, введённого в действие с 3 марта 1992 года и действовавшего до 12 января 2002 г., ч. 1 которой предусматривалось: «Вред, причинённый здоровью граждан в результате неблагоприятного воздействия окружающей природной среды, вызванного деятельностью предприятий, учреждений, организаций или отдельных граждан, подлежит возмещению в полном объёме»⁷.

6 Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733 (утратил силу).

7 Об охране окружающей природной среды : Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 (ред. от 10.01.2002) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 10. – Ст. 457 (утратил силу).

При определении величины вреда здоровью граждан по закону учитывались, в частности, «...потери, связанные с моральными травмами, невозможностью иметь детей или риском рождения детей с врождённой патологией».

10 января 2002 г. был принят Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁸, действующий по настоящее время. За неполные двенадцать лет Федеральными законами в него внесено двадцать одно изменение и дополнение, одно изменение внесено Постановлением Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 г. № 5-П⁹, что в свою очередь говорит о его качественных характеристиках.

Что касается возмещения вреда, причинённого здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей природной среды, то этому посвящена ст. 79 закона, которая гласит: «Вред, причинённый здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объёме».

Определение же самого объёма причиненного вреда «...определяется в соответствии с законодательством».

Беглого взгляда достаточно, чтобы определить, насколько эта норма нового закона проигрывает своей незавершённой и поверхностным подходом к регулированию охраны одного из важнейших конституционных прав граждан – права на жизнь и здоровье по сравнению с нормой предыдущего закона (1991 г.), хотя и её трудно было назвать совершенной.

Верховный Суд РФ Постановлением Пленума от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹⁰ в п. 44 разъяснил судам, как следует понимать содержание ст. 79 действующего закона: «Вред, причинённый здоровью граждан негативным воздействием окружающей среды, является основанием для компенсации морального вреда».

8 Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

9 По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 11. – Ст. 1164.

10 О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 12.

Проблемные вопросы компенсации морального вреда в современном гражданском законодательстве

27 декабря 1991 г. был принят и введен в действие с 8 февраля 1992 г. Закон РФ «О средствах массовой информации»¹¹, ст. 62 которого действует по настоящее время и предусматривает возмещение морального вреда: «Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный вред, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами в размере, определяемом судом».

22 мая 1991 г. Верховным Советом ССР был принят и с 1 января 1992 г. введен в действие Закон Союза ССР № 2184-1 «О защите прав потребителей»¹², ст. 12 которого так же предусматривала возмещение морального вреда: «Моральный вред, причиненный гражданину вследствие нарушения его прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, подлежит возмещению причинителем вреда при наличии его вины. Размер возмещения вреда определяется судом».

Данная норма действовала до 7 апреля 1992 г., когда вступила в силу ст. 13 одноименного Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1¹³, которая по существу трансформировала в себя данную норму закона, несколько уточнив ее путем замены слова «гражданину» на «потребителю» и введения понятия нарушения прав изготовителем (исполнителем, продавцом). В данной редакции ст. 13 Закона действовала до 16 января 1996 г. Действующая ныне ст. 15 указанного Закона (в ред. Федерального закона от 09.01.1996 г. № 2-ФЗ) предусматривает компенсацию (вместо ранее существовавшего возмещения) морального вреда, расширяя круг лиц, которыми может быть причинен моральный вред, включив организацию, выполняющую функции изготовителя (продавца) на основании договора с ним.

24 декабря 1992 г. Верховный Совет РФ принял Постановление № 4214-1 «Об утверждении Правил возмещения работодателем вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей»¹⁴, которые были вве-

11 О средствах массовой информации : Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 7. – Ст. 300.

12 О защите прав потребителей : Закон СССР от 22.05.1991 № 2184-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 24. – Ст. 689.

13 О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 02.07.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

14 Об утверждении правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреж-

дены с 1 декабря этого же года и действовали до 6 января 2000 г. Статьями 25 и 30 Правил предусматривалась обязанность работодателя возместить пострадавшему моральный вред в случае получения трудового увечья, и его семье в случае потери кормильца в результате трудового увечья. Моральный вред возмещался в денежной или иной материальной форме.

24 июля 1998 г. был принят Федеральный Закон РФ № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»¹⁵, введен в действие с 6 января 2000 г. и действует до настоящего времени. Абзацем 2 п. 3 ст. 8 названного закона предусмотрено возмещение застрахованному морального вреда, причиненного в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием, причинителем вреда.

Возмещение морального вреда военнослужащим предусматривалось ч. 5 ст. 18 Закона РФ от 22 января 1993 г. «О статусе военнослужащих»¹⁶, введенного в действие с 1 января того же года и действовавшего до 1 января 1998 г., предусматривается и в настоящее время ч. 5 ст. 18 одноименного закона, принятого 27 мая 1998 г. и вступившего в законную силу 1 января того же года¹⁷.

Федеральным законом РФ от 17 марта 1997 г., вступившим в силу с 20 марта того же года и действовавшим до 1 февраля 2002 г, ст. 213 КЗоТ РФ была дополнена ч. 5, в соответствии с которой предусматривалась возможность компенсации морального вреда за незаконное увольнение работника и другие нарушения трудового законодательства. Статья 237 ныне действующего Трудового кодекса РФ, введенного в действие с 1 февраля 2002 г., также предусматривает возмещение морального вреда за такие нарушения¹⁸.

Компенсация морального вреда предусматривается также п. 1 ст. 31 Федерального закона от 18 июля 1995 г. «О рекламе» № 108-ФЗ¹⁹, введенного в действие с 25 июля и действовавшего до 1 июля 2006 г., за нарушение прав и интересов лиц в результате ненадлежащей рекламы. 13 марта 2006 г. был принят одноимен-

дением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей : Постановление ВС РФ от 24.12.1992 № 4214-1 (ред. от 24.07.1998) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 71 (утратил силу).

15 Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3803.

16 О статусе военнослужащих : Закон РФ от 22.01.1993 № 4338-1 (ред. от 24.11.1995) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 6. – Ст. 188 (утратил силу).

17 О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.

18 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

19 О рекламе : Федеральный закон от 18.07.1995 № 108-ФЗ (ред. от 21.07.2005) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 30. – Ст. 2864 (утратил силу).

Проблемные вопросы компенсации морального вреда в современном гражданском законодательстве

ный Федеральный закон № 38-ФЗ, п. 2 ст. 38 которого также предусматривает возможность компенсации морального вреда, если нарушены права и интересы лиц «...в результате распространения ненадлежащей рекламы»²⁰.

Вопросы компенсации морального вреда, кроме перечисленных законов, регулируются ст.ст. 12, 150-152, 1099-1101 ГК РФ.

Указанные статьи ГК РФ явились своего рода итогом становления и развития института компенсации морального вреда. Вместе с тем при более внимательном их рассмотрении несложно заметить, что они имеют те же недостатки, что и статьи законов, регулирующих данный вид правоотношений: конструктивную незавершенность правовых норм, отсутствие конкретности их содержания и ряда правовых установлений, затрудняющих правоприменение либо допускающих ничем неограниченный субъективизм в определении таких основополагающих моментов, как, например, размер причиненного вреда, степень и характер причиненного вреда, степень и характер перенесенных потерпевшим страданий с учетом индивидуальных особенностей его личности. Все это отнесено законом на усмотрение суда.

Судебное усмотрение в практике работы судов, безусловно, необходимо, но оно, на наш взгляд, на нынешнем переходном этапе становления подлинно демократического права, должно быть ограничено определенными рамками добросовестности конкретных лиц, наделенных особыми полномочиями принимать и выносить решения именем государства.

Рассмотрим текстуально ст. 151 ГК РФ и попробуем выявить её, по-нашему мнению, слабые места. По смыслу и содержанию данной статьи закона моральный вред может быть причинен только гражданину, т. е. физическому лицу. С одной стороны, это логично, поскольку только физическая сущность может переносить страдания. А как же быть с юридическими лицами? Мои оппоненты скажут, что предприятия, учреждения и организации нельзя отнести к одушевленным сущностям и им не присущи страдания. Но в этих организациях и учреждениях есть коллективы работников. Получается, что они лишены возможности в рамках трудового коллектива защитить посредством компенсации морального вреда свои гражданские права в случае посягательства на неимущественные права предприятия, учреждения и организации, где трудятся? Это очень важный момент сегодняшнего времени, периода становления и развития новых форм собственности, особенно на предпри-

²⁰ О рекламе : Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

ятях и в организациях, где сильны традиции преемственности, трудовых династий и т. д.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию с нарушением исключительного права на использование товарного знака, т. е. с нарушением неимущественного права правообладателя. Кто является правообладателем? Предприятие, учреждение организация, которые и могут заявить соответствующие требования в порядке арбитражного судопроизводства, в частности, о взыскании, помимо возмещения убытков, соответствующей компенсации (ст. 1515 ГК РФ). Правовую природу данной компенсации законодатель не определил, равно, как и не установил её размеры, оставив это на усмотрение суда. А если правообладателем является индивидуальный предприниматель? По закону он как гражданин может заявить к правонарушителю требование о компенсации морального вреда за то же самое нарушение его права в порядке ст. 151 ГК РФ. На наш взгляд, было бы разумным придать данной статье более расширенное содержание, включив в состав лиц, могущих заявить требования о компенсации морального вреда, наряду с гражданами и трудовые коллективы предприятий, учреждений и организаций при посягательствах на их нематериальные блага или интеллектуальные ценности.

В ст. 151 ГК РФ (как и в ряде других законов, принятых до 1995 г.) законодатель установил, что моральный вред представляет собой страдания физические *или* нравственные. Если смотреть буквально, то страдания могут быть или физические, или нравственные, поскольку по правилам правописания в русском языке союз *или* является разделительным. На практике же чаще всего, особенно при противоправных посягательствах на жизнь или здоровье гражданина, нравственные страдания являются производными от физических страданий, и мы такой моральный вред называем полным. Поэтому логично изложить перечисление страданий следующим образом: «...(физические и (или) нравственные)...».

Моральный вред гражданину может быть причинен действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом. Чтобы разобратся в сути изложенного, необходимо определиться с понятиями «неимущественные права» и «нематериальные блага».

Статья 150 ГК РФ, корреспондирующая со ст. 151, устанавливает перечень нематериальных благ: жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, непри-

косновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, а также иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона. Исходя из смысла и содержания статьи закона, можно предположить, что личные неимущественные права гражданина входят составной частью в принадлежащие ему нематериальные блага. Думается, что это неверно априори.

Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах²¹. Есть определенный перечень прав, которые от рождения неотъемлемо принадлежат каждому человеку: право на жизнь, здоровье, имя собственное, право иметь родителей и воспитываться в семье и ряд других. Вот эти права как естественно присущие каждому гражданину и принадлежащие ему от рождения и составляют, по нашему мнению, перечень тех личных неимущественных прав, нарушение которых влечёт за собой возможность требования компенсации морального вреда.

По мере своего становления и развития каждый человек как составная часть социума приобретает в силу закона определенный перечень нематериальных благ: право на доброе имя, честь, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, образование, трудовую деятельность, социальную защищённость и многие другие, вплоть до последнего права – быть погребённым.

Нельзя согласиться с тем, что достоинство личности отнесено законодателем к нематериальным благам. Достоинство – это не благо. Достоинство – это составная часть внутреннего духовного содержания каждого человека, заложенная в него от рождения, а не приданная ему как право. Достоинство – это то, что отличает человека от всего остального окружающего мира, это как внутренний стержень, каркас, на котором и крепится всё остальное, присущее человеку, в том числе его личные неимущественные права и другие нематериальные блага. Достоинство человека свято, оно охраняется законом в приоритетном порядке и подлежит безусловному уважению независимо от положения и социального статуса его носителя в обществе.

Отсутствие чёткого разграничения этих понятий в законе, их смешение в общую массу, на практике приводит к такому же не совсем добросовестному правоприменению.

21 Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 дек.

Хотелось бы изложить своё мнение относительно справедливости как одного из критериев определения размера компенсации причинённого морального вреда, указанного в ч. 2 ст. 1101 ГК РФ. Понятие «несправедливость» – не правовое. Оно наполнено философско-социальным содержанием и в праве, на наш взгляд, не применимо.

По мнению Н. Злобина, справедливость не имеет никакого отношения к работе правовой системы. Её задача – не в установлении всеобщей справедливости в стране, а максимально эффективная реализация принципа главенства закона²². С этим нельзя не согласиться. Абсолютной справедливости не может быть вообще, а в судебной практике – в принципе. Что справедливо для одного, будет казаться вопиющей несправедливостью для другого. Справедливого закона не бывает, он всегда несёт в себе необходимость принуждения к исполнению. Также не может быть и справедливого судебного решения.

Статья 151 ГК РФ помещена законодателем в Общую часть кодекса; абз. 1 регулирует общие начала компенсации морального вреда: даёт его определение, устанавливает кто может обратиться в суд с таким требованием, определяет повод и основания для обращения.

Статьи 1099, 1100, 1101 ГК РФ находятся в Особой части кодекса – в гл. 59, регулирующей отношения по обязательствам, вытекающим из причинения вреда. При анализе содержания текста ст. 1099 ГК РФ ничего особенного, что позволяло бы поместить ее в эту главу кодекса, нет: ч. 1 устанавливает, что основания и размер компенсации морального вреда определяется настоящей главой и ст. 151 ГК РФ, т. е., по сути, имеет бланкетный характер; ч. 2 указывает на то, что в случае, если моральный вред причинён действиями, нарушающими имущественные права гражданина, он подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом. Но ведь и в абз. 1 ст. 151 ГК РФ говорится о том, что суд может наложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда и в иных случаях, предусмотренных законом, а не только в случае нарушения личных неимущественных прав гражданина либо принадлежащих ему нематериальных благ. Установление в ч. 3 данной статьи того, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда, также относится к Общей части кодекса.

Часть 1 ст. 1101 ГК РФ закрепляет, что компенсация морального вреда осуществляется только в денежной форме. Думается, что было бы правильнее вернуться к формулировке «в денежной

²² Злобин Н. Как распределить несправедливость // Российская газета. – 2013. – № 172 (6148). – С. 3.

или иной материальной форме». Это позволяло бы судьям более гибко подходить к вопросу определения размеров компенсации, а судебным приставам-исполнителям – исполнять судебные решения. Часть 2 данной статьи содержит два критерия определения размера компенсации морального вреда и, по сути, дополняет собой абз. 2 ст. 151, где установлены три критерия определения этого размера.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что за истекший период времени была сформирована основа законодательства, регулирующего отношения в сфере компенсации морального вреда, создан соответствующий институт в современном праве России. Это безусловный прогресс. Вместе с тем складывается впечатление, что законодательство формировалось несколько ускоренно, в расчёте на последующую доработку, шлифовку этих норм. Однако этого не произошло. Мы все, вместе со временем, выросли из этого законодательства, и оно сегодня, к сожалению, уже не отражает потребностей этого времени.

О.Ю. Юрченко

Ассистент кафедры гражданского
права и уголовного права
Алексеевского филиала НИУ «БелГУ»

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

ABOUT THE CLASSIFICATION OF ACTS OF CIVIL STATUS

Аннотация: В данной статье исследуются различные классификации актов гражданского состояния в Российской Федерации как юридических фактов, в том числе исходя из предложенного автором основания систематизации актов гражданского состояния с учетом их специфики и индивидуальных особенностей.

Ключевые слова: акты гражданского состояния, классификация, юридические факты.

Annotation: In this article different classifications of acts of civil status are investigated in the Russian Federation as legal facts, including those proposed by the author based on the grounds of systematization of civil status taking into account their specific and individual characteristics.

Key words: acts of civil status, classification, legal facts.

Под актами гражданского состояния согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹ (далее – Закон об актах гражданского состояния) понимаются действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан.

В п. 1 ст. 47 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) закреплены семь актов гражданского состояния, требующих государственной регистрации: рождение, заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени, смерть гражданина.

1 Об актах гражданского состояния : Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5340; 2013. – № 19. – Ст. 2331.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2013. – № 7. – Ст. 609.

Акты гражданского состояния в силу их влияния на правовой статус гражданина имеют значение для многих отраслей права, ведь с ними закон связывает возникновение, изменение или прекращение самых различных правоотношений и, прежде всего, гражданско-правовых. Например, с рождением гражданин становится обладателем определенного объема имущественных и личных неимущественных прав. И если личными неимущественными правами (правом на жизнь, личную неприкосновенность, личную и семейную тайну и т. д. (п. 1 ст. 150 ГК РФ) он наделен с момента своего рождения и для их признания не требуется регистрации, то для обладания имущественными правами необходима регистрация. Заключение брака является тем действием граждан, которое влечет возникновение законного режима имущества супругов. С момента регистрации брака все нажитое супругами становится их общей совместной собственностью (п. 1 ст. 256 ГК РФ). Это означает, что, например, по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено на его долю в общем имуществе супругов, которая причиталась бы ему при разделе этого имущества (п. 3 ст. 256 ГК РФ). Конечно, если иной законный режим имущества супругов не установлен брачным договором. Соответственно, при расторжении брака режим общей совместной собственности прекращается.

Для более детального осмысления содержания того или иного правового явления, изучения специфики правового регулирования необходимо проработать вопрос о классификации рассматриваемого обстоятельства. Общепринятой классификации актов гражданского состояния, отражающей их сущность, индивидуальные особенности, в науке не разработано, в силу чего считаем необходимым систематизировать акты гражданского состояния в зависимости от основных признаков, их характеризующих.

Следует присоединиться к справедливому замечанию В.П. Камышанского о том, что классификация должна быть выстроена таким образом, чтобы в отдельные группы попали такие правовые явления, которые обладают совокупностью одноименных, характерных либо тождественных признаков³.

Поскольку акты гражданского состояния относятся к юридическим фактам, соответственно, классификация юридических фактов может быть обращена и к актам гражданского состояния.

3 Камышанский В.П. Пределы и ограничения права собственности: монография. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2000. – С. 98; Камышанский В.П., Мантул Н.М., Степанов Д.В. Некоторые вопросы регистрации права собственности при завершении строительства многоквартирного жилого дома // Закон. – 2007. – № 6. – С. 48.

Основная функция юридических фактов состоит в возникновении, изменении и прекращении правовых отношений⁴, поэтому многие авторы подразделяют юридические факты на порождающие, правоизменяющие и правопрекращающие.

Применительно к актам гражданского состояния можно утверждать, что порождающие акты гражданского состояния определяют возникновение прав и обязанностей. С изменяющими связывается изменение конкретного права. Правопрекращающие факты влекут прекращение конкретного права и обязанности лица. В частности, Л.И. Глушкова в качестве примера порождающего акта называет регистрацию рождения, изменяющего – изменение имени, отчества, фамилии ребенка при усыновлении, прекращающего – смерть гражданина⁵.

Подобной классификации придерживаются далеко не все. Так, Е.М. Белогорская считает, что «в одних записях актов гражданского состояния только удостоверяется наличие уже совершившихся фактов, которым закон придал юридическое значение (рождение, усыновление, смерть), а в других – регистрируются факты, которые приобретают значение юридических лишь в силу данной регистрации (регистрация брака, регистрация развода, изменение имени и фамилии)»⁶. Такого же мнения придерживается и М.В. Кротов, полагающий, что регистрация рождения, усыновления (удочерения), установления отцовства носит удостоверительный характер, поскольку права и обязанности из этих фактов возникают независимо от самого акта государственной регистрации⁷. Похожую точку зрения разделяет и О.В. Фетисова, предлагая выделять не только акты гражданского состояния, имеющие удостоверительный характер, но и смешанный⁸. По ее мнению, к удостоверительным можно относить рождение, расторжение брака по решению суда, усыновление; к смешанным – расторжение брака, смерть гражданина, перемена имени лица⁹.

4 Марданов Д.А. Юридические факты в механизме правового регулирования гражданских исполнительных правоотношений // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 34.

5 Глушкова Л.И. Регистрация актов гражданского состояния // Закон. – 2006. – № 2. – С. 46.

6 Белогорская Е.М. Понятие записи акта гражданского состояния // Правоведение. – 1966. – № 3. – С. 128.

7 Кротов М.В. Граждане как субъекты гражданского права // Гражданское право : В 3 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М. : ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2003. – С. 135.

8 Фетисова О.В. Государственная регистрация актов гражданского состояния в Российской Федерации // Гражданин и право. – 2008. – № 9. – С. 23.

9 Там же. – С. 23.

С приведенными точками зрения согласиться трудно, так как в соответствии со ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации¹⁰ (далее – СК РФ) права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке, а без получения в органах ЗАГСа свидетельства о расторжении брака невозможно вступление в новый брак, даже несмотря на наличие судебного решения о расторжении брака. В случае с актами гражданского состояния удостоверить значит придать юридическое значение фактам, подлежащим регистрации. Без подобной легитимации дальнейшее осуществление прав и обязанностей, связанных с юридическими фактами, подлежащими регистрации в органах ЗАГСа, не представляется возможным.

Рассмотрев классификации актов гражданского состояния, предлагаемые в научной литературе, предпримем попытку самостоятельно классифицировать это правовое явление.

Поскольку акты гражданского состояния являются основанием для возникновения, изменения или прекращения гражданского состояния лица, соответственно, в основу деления актов гражданского состояния должен быть положен критерий, определяющий возникновение, изменение или прекращение гражданского состояния. С этой точки зрения, предлагаем классифицировать рассматриваемые нами юридические факты следующим образом:

- акты гражданского состояния, влекущие возникновение гражданского состояния (рождение);

- акты гражданского состояния, влекущие изменение гражданского состояния (заключение брака, расторжение брака, перемена имени, установление отцовства, усыновление (удочерение), рождение – для родителей ребенка, смерть гражданина – для его наследников);

- акты гражданского состояния, влекущие прекращение гражданского состояния (смерть гражданина).

Гражданское состояние – это совокупность юридических свойств физического лица, отражающих его гражданско-правовое и семейно-правовое положение и позволяющих индивидуализировать правовое состояние гражданина вследствие наступления юридически значимых фактов, а также при реализации нормативно закрепленных прав и обязанностей.

¹⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 12 ноября 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16; 2012. – № 47. – Ст. 6394.

Соответственно, с рождением лицо становится носителем гражданского состояния (имеем в виду новорожденного), чего не происходит ни при усыновлении, ни при установлении отцовства. Например, в случае смерти родителя ребенок будет иметь право на получение возмещения вреда по случаю потери кормильца. Усыновленный ребенок наделяется обязанностью по достижении совершеннолетия содержать своих родителей в случае необходимости. То же самое можно сказать и о ребенке, в отношении которого было установлено отцовство. То есть объем прав и обязанностей этих детей меняется, а значит, факты установления отцовства и усыновления повлекли изменение их гражданского состояния.

Аналогичная ситуация складывается и при заключении брака, расторжении брака, перемене имени. Заключение брака влечет возникновение законного режима имущества супругов: с момента регистрации брака все нажитое супругами имущество становится их общей совместной собственностью (п. 1 ст. 256 ГК РФ); отныне трудоспособный супруг обязан материально поддерживать нетрудоспособного супруга. В случае расторжения брака происходят изменения в порядке владения, пользования, распоряжения собственностью супругов, законный режим имущества супругов прекращается, кроме того, бывшие супруги по отношению друг к другу несут алиментные обязательства в случаях, названных в законе. Все права и обязанности за гражданином, переменившим имя, сохраняются, но закон возлагает на него обязанность сообщить о перемене имени всем своим кредиторам и должникам (п. 2 ст. 19 ГК РФ).

Если рассматривать влияние фактов рождения и смерти на гражданское состояние родителей ребенка и наследников умершего, то можно сделать вывод о приобретении ими новых прав и обязанностей и прекращении некоторых существовавших ранее (например, обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей (п. 1 ст. 80 СК РФ), обязанность трудоспособных совершеннолетних детей содержать своих нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей (п. 1 ст. 87 СК РФ)). В приведенных ситуациях происходит изменение объема прав и обязанностей граждан, а значит, изменяется их гражданское состояние.

К актам гражданского состояния, влекущим прекращение гражданского состояния, мы причисляем только смерть гражданина, поскольку со смертью человека прекращаются все его гражданские права и обязанности, а значит, прекращается и его гражданское состояние.

Как уже было отмечено, в связи с тем, что акты гражданского состояния по своей правовой природе представляют собой юридические факты, возможна градация актов гражданского состояния с точки зрения общей классификации юридических фактов.

По мнению В.Б. Исакова, в основу такой классификации юридических фактов положены три взаимосвязанных признака: волевой критерий; правомерность (неправомерность) действий; независимость (зависимость) наступления правовых последствий от волевых, сознательных действий, совершаемых субъектом. Согласно первому критерию, все юридические факты подразделяются на действия и события. По второму признаку все действия подразделяются на правомерные и неправомерные. Согласно третьему признаку, правомерные действия делятся на юридические поступки и юридические акты¹¹.

Действие – это юридический факт, который происходит по воле людей.

Событие – это юридический факт, характеризующийся независимостью от воли человека. Примером могут служить стихийные бедствия, рождение, достижение определенного возраста, смерть человека и так далее.

Следует учитывать, что юридические события могут возникнуть и в результате действий человека. В данном случае очень важно утверждение В.И. Данилина, С.И. Реутова о том, что события следует отличать от действий не по характеру их происхождения, а по характеру процесса этих явлений. Действия всегда выступают в качестве волевых явлений как в своей причине, так и по характеру процесса. События же в своей причине могут иметь волевой характер¹². Об этом говорил и О.С. Иоффе: «Различие между событиями и действиями следует поэтому усматривать не в источнике их происхождения, а в характере их процесса: события носят неволевой характер в своем процессе, независимо от причин их возникновения, тогда как действия являются волевыми не только в своей причине, но и в своем процессе»¹³. В связи с этим событие – это обстоятельство, развивающееся без воли человека вне зависимости от того, возникло оно по воле человека или нет.

Итак, все акты гражданского состояния, как и любые другие юридические факты, подразделяются на события и действия.

11 Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. – М. : Юридическая литература, 1984. – С. 26-27.

12 Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – С. 15.

13 Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1949. – С. 120.

С правовой точки зрения рождение и смерть гражданина являются событиями. Как правило, события порождают правовые последствия не самостоятельно, а в совокупности с другими юридическими фактами. Так, смерть может повлечь алиментное, пенсионное, наследственное отношение в совокупности с фактами родства, гражданства, трудового стажа и другое.

Все остальные акты гражданского состояния: заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени – относятся к действиям.

Дальнейшая классификация юридических фактов связана с разграничением юридических действий по признаку дозволенности законом на правомерные и противоправные. Правомерные действия – это поведение, которое соответствует требованиям законодательства и согласуется с его правосубъектностью. Соответственно, противоправные действия – это волевое поведение лица, не отвечающее требованиям закона. С точки зрения этой классификации, все акты гражданского состояния, относящиеся к действиям (заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени), являются правомерными действиями.

Общепринято разделять правомерные действия в зависимости от направленности на правовые последствия на юридические акты и юридические поступки.

Юридические акты – это действия, порождающие юридические последствия в силу волевой нацеленности действий на эти последствия. То есть намерение лица, совершающего действие, направлено на достижение определенных правовых последствий. Е.Ю. Бакирова обращает внимание, что юридический акт тем и отличается от юридического поступка, что еще до его совершения субъект ставит перед собой определенную цель, к достижению которой он стремится, и такой целью как раз и является наступление юридических последствий¹⁴.

Юридические поступки – это правомерные действия, порождающие определенные юридические последствия независимо от того, были ли направлены действия лица на достижение этих последствий или нет. По мнению Е.З. Бекбаева, юридические поступки можно классифицировать как те юридические факты, которые остаются в рамках правомерных юридических действий, за вычетом юридических актов¹⁵.

14 Бакирова Е.Ю. Юридические факты в современном жилищном праве. – М. : Изд-во «Прометей» МПГУ, 2006. – С. 80.

15 Бекбаев Е.З. Проблема начала в теоретическом познании правовой системы (попытка обоснования) [Электронный ресурс]. – Астана, 2009 // URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum7129/item7143.html> (дата обращения: 1 октября 2012 г.).

Акты гражданского состояния следует относить к юридическим поступкам, поскольку они влекут возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей вне связи с направленностью действий лица на достижение этих последствий (например, установление отцовства может влечь наступление, в том числе, и алиментных правоотношений, даже если отец и не желает этого).

В зависимости от документального закрепления юридические факты делятся на существующие в зафиксированном (оформленном) виде и существующие в незафиксированном виде.

Акты гражданского состояния относятся к оформленным юридическим фактам, т. е. существующим в зафиксированном виде (согласно п. 2 ст. 6 Закона об актах гражданского состояния государственная регистрация актов гражданского состояния производится органом записи актов гражданского состояния посредством составления соответствующей записи акта гражданского состояния, на основании которой выдается свидетельство о государственной регистрации акта гражданского состояния).

Конечно, бывают случаи, когда по тем или иным причинам юридические факты, которые должны существовать в зафиксированном виде, не оформляются. Например, рождение ребенка не регистрируется в органах ЗАГС. Такой юридический факт будет отнесен к неоформленным и, соответственно, между родителями и ребенком не возникнет юридическая связь в виде взаимных прав и обязанностей. Правда, возможен переход из оформленных актов в неоформленные и наоборот. Так, во время Великой Отечественной Войны многие архивы с документами были уничтожены, в том числе и акты гражданского состояния. Таким образом, произошла трансформация оформленных актов в неоформленные.

В.Б. Исаков предложил разделять юридические факты в зависимости от оценки социального содержания на позитивные, негативные и нейтральные. Позитивные факты свидетельствуют, что отношение идет по социально полезному пути развития, негативные – наоборот. К нейтральным относятся факты, не несущие ярко выраженного позитивного либо негативного содержания¹⁶.

В соответствии с этой классификацией к позитивным фактам относятся такие акты гражданского состояния, как рождение, заключение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства. К негативным – расторжение брака, смерть гражданина. К нейтральным – перемена имени.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что в цивилистической науке единой классификации актов гражданского

¹⁶ Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. – М. : Юридическая литература, 1984. – С. 64-65.

состояния не выработано. Исходя из того, что значимость актов гражданского состояния заключается, прежде всего, во влиянии на гражданское состояние лица, по критерию правовых последствий они могут быть разграничены на: акты гражданского состояния, влекущие возникновение гражданского состояния (рождение); влекущие изменение гражданского состояния (заключение брака, расторжение брака, перемена имени, установление отцовства, усыновление (удочерение), рождение – для родителей ребенка, смерть гражданина – для его наследников); влекущие прекращение гражданского состояния (смерть гражданина).

Представляется, что предложенная классификация актов гражданского состояния наиболее полно отражает сущность и назначение актов гражданского состояния как юридических фактов, подчеркивает их влияние на гражданское состояние лица.

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Юридическая наука и практика стран СНГ

Р.Б. Шишка

Доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
хозяйственного права и процесса
Национального авиационного
университета (г. Киев)

ДЕЛИКТНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

DELICT OBLIGATION AND CIVIL LIABILITY

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения деликтного обязательства и гражданско-правовой ответственности. Автор предлагает ограничить деликтные обязательства рамками гражданского права, а гражданско-правовую ответственность рамками гражданско-процессуального права и исполнительного производства.

Ключевые слова: Гражданско-правовая ответственность; юридическая ответственность; деликтные обязательства; исполнительное производство.

Annotation: The article is considered the relation of tort liability and civil liability. The author proposes to limit tort obligations under civil law and civil liability under the civil procedure law and enforcement proceedings.

Key words: Civil liability; legal liability; delictual obligations; enforcement proceedings.

Одним из проблемных в гражданском праве является различие между деликтным обязательством и гражданско-правовой ответственностью. Проблема состоит в отсутствии системного доктринально обоснованного подхода: 1) в гражданском законодательстве различия между ними не проведены; 2) деликтное обязательство по своему составу приближено к основаниям гражданско-правовой ответственности; 3) в большинстве случаев тонкая процессуальная грань между ними упускается (привлечь к ответственности деликвента или subsidiarily ответственное за него лицо может только суд в порядке и на основаниях, которые предусмотрены действующим законодательством; 4) исполнить решение о привлечении к гражданско-правовой ответственности может только исполнительная служба. В то же время деликвент или ответственное за него лицо могут добровольно выполнить решение суда.

Закон предполагает возложение гражданской ответственности только при наличии достаточных условий по модели полного или в некоторых случаях усеченного состава (возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности которое наступает без вины и даже без неправомерности причинителя).

Речь идет об интегративных материально-процессуальных основания деликатного обязательства, а рамках неюрисдикционной формы и гражданско-правовой ответственности в рамках юрисдикционной формы. Различие лишь в том, что первое реализуется вне юрисдикционной формы и на основании примирительных (медиативных) процедур, которые, к сожалению, прописаны и разработаны недостаточно, второе – только судом в порядке гражданского судопроизводства.

Наиболее проблемным в смысле есть момент перерастания деликтного обязательства в гражданско-правовую ответственность. До сих пор убедительного ответа на сей вопрос не дано. Представляется, что виной тому определенная разобщенность материалистов и процессуалистов. Как ни странно, практикующие юристы-ученые, особенно судьи, этими вопросами не занимаются или они их мало волнуют.

Преимущественно данный вопрос решался путем преобразования условий возникновения деликтного обязательства в основания гражданско-правовой ответственности. Соответственно, возникло терминологическое расхождение, в которое мало кто вникал: достаточно посмотреть учебники по гражданскому праву, где условия деликтного обязательства и гражданско-правовой ответственности преимущественно сводятся к её основаниям. Это не соответствует сущности деликтного обязательства как обязанности деликвента возместить причиненный ущерб и гражданско-правовой ответственности как разновидности государственного принуждения не только возместить принудительно такой ущерб, но и понести дополнительные расходы, которые предусмотрены процессуальным и исполнительным производствами¹.

Учитывая сказанное, предлагаем свое видение решения этой сложной проблемы за счет включения дополнительного обязательного элемента для возникновения гражданско-правовой ответственности и перерастания деликтного обязательства в такую, по существу.

1 См. : Танага А.Н. Регресс и суброгация в страховом праве // Власть Закона. – 2011. – № 2. – С. 74–87; Ермолаев С.Н. Множественность лиц в обязательствах в гражданском праве российской федерации // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 41. – С. 203–205.

Для перерастания деликтного обязательства в гражданско-правовую ответственность необходимо еще одно обязательное условие, которое по юридической природе является накопительным юридическим составом, а именно – судебное решение о привлечении к гражданско-правовой ответственности.

В него входят следующие факты:

1) отказ деликтанта от добровольного исполнения основного и (или) деликтного обязательства или прострочка их выполнения. При этом этот элемент может отсутствовать, поскольку потерпевший вправе напрямую без заявления требований (претензии, заявления) к деликтанту или ответственным за него лицам обратиться с иском в суд. На этой стадии требуется заявление потерпевших или их представителей об исполнении таких требований. Это может быть в форме претензии особенно к деликтантам – юридическим лицам, которые отягощены требованиями платежной дисциплины: могут её удовлетворить лишь по формальным требованиям (заявления, претензии) и обоснованно списать со своего счета на счет пострадавшего заявленные обоснованные требования. При возмещении убытков деликтанта – юридического лица должна быть формальное основание: а) обоснованно подтвержден товароведческой экспертизой или иными документами размер возмещения; б) письменное обращение, которое может быть удовлетворено в установленном порядке. Это позволяет сторонам избежать судебных расходов, волокиты и других неудобств судебного рассмотрения спора;

2) обращение потерпевшего или других уполномоченных на это лиц в суд с иском о привлечении к гражданско-правовой ответственности. Эта стадия имеет принципиально важное значение и свидетельствует о намерении истца перевести свое требование в публично-правовую плоскость, а чисто частный конфликт – в ранг судебного спора и применить возможности государственного аппарата принуждения;

3) принятие решения о принятии дела к производству и (или) применения мер по обеспечению иска, в частности, запрет на отчуждение имущества, наложение ареста на счет ответчика. Собственно с этого момента начинается государственное принуждение в отношении нарушителя, который может быть нами назван как превентивное принуждение. Его последствия могут побудить к выполнению акцессорного обязательства но уже как следствие действия двух взаимосвязанных факторов: требования истца в виде иска и решения суда о частичном удовлетворении требований об обеспечении иска;

4) вынесение судом решения о привлечении к гражданско-правовой ответственности по установлению им её размера, формы и ответственного лица (лиц). Таким решением истец ставится под государственную защиту и его требование к ответчику усиливается за счет: обязанности ответчика случае вступления решения в силу его выполнить, суд выдает копию судебного решения ответчику; ответчик может заявить еще раз требование ответчику или ответчик самостоятельно его выполнит; передать его государственной исполнительной службе;

5) вступление решения о привлечении к гражданско-правовой ответственности в силу. Пока решение опротестовано и находится на рассмотрении в апелляционной или кассационной инстанциях, оно не вступило в силу;

6) отказ осужденного ответчика от добровольного исполнения назначенных судом санкций. Обычно этим злоупотребляют ООО, заранее рассчитывая что их уставного фонда для погашения требований кредиторов недостаточно, или лица, которые формально не имеют зарегистрированного на себя имущества или средств;

7) передача судебного решения в исполнение органа Государственной исполнительной службы и открытия искового производства;

8) принудительное исполнение решения о привлечении к гражданско-правовой ответственности органом Государственной исполнительной службы.

Следует иметь в виду, что до момента вынесения судебного решения по существу о привлечении к гражданско-правовой ответственности стороны могут заключить мировое соглашение или истец отказаться от иска, изменить цену иска. Однако процессуальные последствия по уплате судебной пошлины и информационного обеспечения остаются.

Напротив, при переводе деликтного обязательства в гражданско-правовую ответственность обычно для ответчиков наступают дополнительные последствия по возмещению истцу расходов на защиту своих субъективных прав: пошлины за подачу иска, информационных затрат, расходов на правовую помощь и т. д. Кроме того, при затягивании с исполнением решения суда на него дополнительно приходится расходы на принудительное исполнение решения суда Государственной исполнительной службой.

На наш взгляд, такое решение является материально и процессуально обоснованным и позволяет четко различать, где деликтное обязательство, а где гражданско-правовая ответственность.

С.П. Мороз

Доктор юридических наук,
профессор, заведующая кафедрой
частно-правовых дисциплин
Каспийского общественного
университета, ГНС Института
законодательства Министерства
юстиции Республики Казахстан

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
(гражданско-правовые аспекты)**

**PROBLEMS OF IMPROVING THE INVESTMENT
LEGISLATION OF THE REPUBLIC
OF KAZAKHSTAN (the civil law aspects)**

Аннотация: В статье рассматривается совершенствование инвестиционного законодательства Республики Казахстан. Автор анализирует правовые основания возникновения инвестиционных отношений, формы поддержки инвестиционной деятельности, конкурентные условия осуществления инвестиционной деятельности, проблему кодификации инвестиционного законодательства.

Ключевые слова: Совершенствование гражданского законодательства; инвестиционное законодательство Республики Казахстан; инвестиционный договор.

Annotation: The article is considered the improvement of the investment legislation of the Republic of Kazakhstan. The author analyzes the legal basis of investment relations, forms of support investment activities, competitive conditions for investment activities, the problem of codification investment legislation.

Key words: Improvement of civil legislation; investment legislation of the Republic of Kazakhstan; investment agreement.

В настоящее время основным специальным актом, регулирующим инвестиционные отношения, является Закон Республики Казахстан от 8 января 2003 г. № 373-III «Об инвестициях»¹, который объединил нормы, регулирующие отношения, связанные с инвестициями, и установил общий правовой

¹ Об инвестициях : Закон Республики Казахстан от 08.01.2003 г. № 373-III // Казахстанская правда. – 2003. – № 9-11 (23948-23950).

режим для иностранных и национальных инвестиций, предоставив гарантии инвесторам, осуществляющим свою деятельность в РК. В частности, гарантии правовой защиты деятельности инвесторов на территории РК (полная и безусловная защита прав и интересов инвесторов законами и иными нормативными актами РК, а также международными договорами, ратифицированными РК; право на возмещение убытков, причиненных инвестору в результате издания не соответствующего законодательству акта государственного органа, а также в результате действия (бездействия) должностных лиц этих органов, в соответствии с гражданским законодательством); гарантии использования доходов; гарантии прав инвесторов при национализации и реквизиции.

Вместе с тем возникают определенные вопросы при рассмотрении отдельных положений данного закона.

Во-первых, сфера регулирования закона, из которой исключены отношения, связанные с осуществлением инвестиций из средств государственного бюджета, и отношения, связанные с вложением капитала в некоммерческие организации, в том числе для образовательных, благотворительных, научных или религиозных целей. С одной стороны, вполне оправданно, что отношения, связанные с осуществлением инвестиций из средств государственного бюджета, не входят в сферу регулирования данного закона, так как государственное инвестирование не следует смешивать с частным. Но сама формулировка носит неконкретный характер, так как наряду с государственными инвестициями, есть и инвестиции, софинансируемые из средств государственного бюджета, как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Из смысла анализируемого положения следует, что отношения, связанные с государственным софинансированием, также не включены в сферу регулирования, так как они осуществляются за счет государственных средств. Далее, отношения, возникающие по поводу организации и деятельности коммерческих организаций, в настоящее время регулируются гражданским законодательством и специальными нормативными актами, но отношения, связанные с вложением капитала в некоммерческие организации, должного законодательного закрепления еще не получили. То же самое относится и к социальным инвестициям, направленным на создание нематериальных благ, поэтому в действующем законодательстве необходимо закрепить основные начала их осуществления, хотя, возможно, и не следует смешивать все виды инвестиций в одном законодательном акте.

Во-вторых, содержащееся в законе определение инвестиций, нуждается в серьезной доработке. Если исходить из общей клас-

сификации инвестиций на коммерческие (капиталообразующие) и некоммерческие (социальные, интеллектуальные), то в данном случае имеются в виду только коммерческие инвестиции (а, если точнее, то их разновидность – прямые инвестиции). В принципе, подход законодателя понятен в виду того, что из сферы регулирования Закона об инвестициях исключены отношения, возникающие при осуществлении социальных (некоммерческих) инвестиций, но в Законе прямого указания на это нет, и поэтому складывается впечатление, что инвестиции, как таковые – это все виды имущества (кроме товаров, предназначенных для личного потребления), включая предметы финансового лизинга с момента заключения договора лизинга, а также права на них, вкладываемые инвестором в уставный капитал юридического лица или увеличение фиксированных активов, используемых для предпринимательской деятельности, а также произведенные и полученные фиксированные активы в рамках договора концессии концессионером (правопреемником (п. 3 ст. 1)). В общем, это определение представляет некий синтез определений инвестиций, содержащихся в различных законодательных актах (и, в первую очередь, в утративших силу Законах РК об иностранных инвестициях и о государственной поддержке прямых инвестиций). С одной стороны, вполне оправданно стремление законодателя распространить инвестиционные преференции только на прямые инвестиции, но, с другой стороны, непонятно зачем нужно сужать общее понятие «инвестиции», которое охватывает не только прямые, но и портфельные инвестиции, и т. п. Чтобы избежать терминологической путаницы, нужно ввести термин «прямые инвестиции» и тогда все станет на свои места – есть различные виды инвестиций, но есть и «прямые инвестиции», при осуществлении которых предоставляются льготы и преференции.

В-третьих, необходимо изменить законодательную трактовку понятия «инвестиционная деятельность». Прежде всего, это касается такого признака предпринимательской деятельности как извлечение прибыли. Бесспорно, что инвестиционная деятельность направлена на получение прибыли (как и предпринимательская), но в процессе ее осуществления возможно и желательное достижение социального эффекта (улучшение материального благосостояния населения страны, сокращение безработицы и т. д.); экономического эффекта (внедрение новых технологий, развитие отстающих отраслей экономики и т. д.); экологического эффекта (разрешение существующих и предотвращение будущих экологических проблем, создание благоприятной для проживания окружающей среды и т. п.) и научно-технического эффекта (развитие отече-

ственных науки и техники, инновационной деятельности и т. п.). Для этих целей и используются инвестиции во всем мире, и в первую очередь иностранные. Так, немногим более чем пятьдесят лет назад чуть ли не самым рискованными считалась капиталовложения в экономику Германии и Японии. Однако грамотное и умелое привлечение и размещение иностранных инвестиций позволило этим странам не только выйти из экономического кризиса, но и занять ведущие позиции в мировом сообществе. Пример, достойный внимания, тем более, что по всем показателям послевоенные Германия и Япония находились в гораздо худшем состоянии, чем наша республика в начале 90-х гг. XX в.

В юридической литературе неоднозначно подходят к определению сущности инвестиционной деятельности: наоборот, вопрос о том, является ли инвестиционная деятельность предпринимательской, представляется спорным. В частности, приводится такой аргумент: если мы, безусловно, признаем инвестиционную деятельность предпринимательской, то у любого лица, которое приобретает ценную бумагу, возникает обязанность регистрироваться в качестве предпринимателя; поэтому инвестиционная деятельность в разных своих проявлениях может носить статус предпринимательской, может таковой не являться². Следовательно, инвестиционная и предпринимательская деятельности тесно взаимосвязаны, но по своему содержанию они не всегда совпадают. И тот факт, что товары, импортируемые и предназначенные для реализации без переработки, в законодательном порядке были исключены из состава инвестиций, – лишнее тому подтверждение. Ведь именно эта предпринимательская деятельность, широко и повсеместно развивающаяся в Казахстане, инвестиционной деятельностью и не является.

Проблема соотношения предпринимательской и инвестиционной деятельности усугубляется нечеткостью законодательного определения инвестиционной деятельности. На подобные разночтения уже указывалось М.К. Сулейменовым в связи с введением в Закон об иностранных инвестициях термина «инвестирование», под которым понималась деятельность, связанная с осуществлением вложений иностранных инвестиций в объекты предпринимательской деятельности в целях предпринимательской деятельности, в целях получения прибыли (дохода): это внесло только смешение понятий «осуществление вложений инвестиций» и «осуществление инвестиций», а также привело к неравноценной замене категорией «инвестирование» понятия «инвестиционная деятельность» (включающее в себя инвестирование и совокупность прак-

² Ершова И.В., Иванова Т.М. Предпринимательское право : учебное пособие. – М. : Юриспруденция, 2000. – С. 282.

тических действий по реализации инвестиций)³. В Законе об инвестициях термин «инвестирование» заменен на термин «осуществление инвестиций» (что в принципе одно и то же) и введено понятие «инвестиционная деятельность». Вроде бы наконец-то найдено оптимальное решение проблемы надлежащего законодательного урегулирования, но не все так просто. С учетом того, что понятие «инвестиции» сужено до «инвестиций в создание новых, расширение и обновление действующих производств», инвестиционная деятельность, в свою очередь, ограничена участием в уставном капитале коммерческих организаций либо по созданию или увеличению фиксированных активов, используемых для предпринимательской деятельности, а также по произведенным и полученным фиксированным активам в рамках договора концессии концессионером (правопреемником) (п. 8 ст. 1). Следовательно, в очередной раз произошла подмена понятия «инвестирование» понятием «инвестиционная деятельность», и вторая составляющая инвестиционной деятельности (совокупность практических действий по реализации инвестиций) опять-таки осталась не урегулированной.

В-четвертых, в самом Законе объединены нормы, в основном, двух утративших силу законодательных актов – об иностранных инвестициях и о государственной поддержке прямых инвестиций. Но не следует забывать о том, что отношения, возникающие по поводу иностранных и прямых инвестиций, это не есть все инвестиционные отношения. Более того, и название закона, и определенная сфера его регулирования предполагают, что им будут урегулированы отношения, связанные с инвестициями в РК, определены правовые и экономические основы стимулирования инвестиций, гарантирована защита прав инвесторов при осуществлении ими деятельности и порядок разрешения споров с участием инвесторов. К сожалению, так и непонятно, какие еще виды инвестиционных отношений, помимо перечисленных, будут регулироваться данным законодательным актом.

В-пятых, установленный Законом об инвестициях порядок разрешения инвестиционных споров (ст. 9), по сути дела, процедуру их разрешения не определяет. Выделены две группы споров: инвестиционные споры (споры, вытекающие из договорных обязательств между инвесторами и государственными органами в связи с инвестиционной деятельностью инвестора) и споры, не относящиеся к категории инвестиционного спора (в законе не содержится прямого указания на то, что под ними понимается). Если исходить из смысла анализируемой статьи, то получается, что только

³ Право и иностранные инвестиции в Республике Казахстан / отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы : Жеті Жарғы, 1997. – С. 235.

споры между инвесторами и государственными органами могут быть отнесены к инвестиционным, все остальные споры инвестора инвестиционными не являются и разрешаются в соответствии с законодательством РК. В отношении же инвестиционных споров иностранных инвесторов вообще не содержится никаких указаний. Очевидно, предполагается, что процедура их разрешения будет аналогична процедуре разрешения споров национальных инвесторов.

В-шестых, в Законе об инвестициях дано определение инвестиционного контракта как договора на осуществление инвестиций, предусматривающего инвестиционные преференции (п. 7 ст. 1). Однако данный контракт, заключаемый с уполномоченным органом – Комитетом по инвестициям, в соответствии с которым предоставляются инвестиционные преференции, не может быть признан договором, поскольку он содержит только отдельные элементы договора, и по своей сути является односторонним решением компетентного государственного органа.

На наш взгляд, следует четко разграничивать понятия «инвестиционный контракт» – договор, и «контракт о предоставлении инвестиционных преференций» – административный акт властного органа, оформленный в виде договора. В первом случае, имеется в виду инвестиционный контракт как гражданско-правовой договор, во втором случае – властное решение государственного органа о предоставлении инвестору налоговых преференций, натуральных грантов и (или) освобождении его от обложения таможенными пошлинами. Разумеется, нельзя согласиться с тем, чтобы эти два различных понятия смешивались; во избежание этого следует законодательно определить, что инвестиционный контракт – это гражданско-правовой договор, а в случае принятия решения о предоставлении инвестиционных преференций использовать иную терминологию, более точно отражающую суть данного явления (например, акт, решение и т. п.).

В литературе отмечается достаточная распространенность так называемых «налоговых договоров» или «договоров инвестиционного налогового кредита» на практике. С нашей точки зрения, использование термина «договор» применительно к финансовым или налоговым отношениям неоправданно, поскольку договорные отношения основаны на принципах автономии воли и равенства сторон, что совершенно неприемлемо в финансовых или налоговых отношениях. Другое дело, что такая практика уже сложилась и вынуждает согласиться с тем, что «налоговый договор» (также как и «финансовый договор») – это фикция, применение которой обусловлено, скорее, стремлением субъектов инвестиционной деятельности к упрощенной терминологии, чем причинами объективного характера.

Поэтому следует законодательно определить, что есть инвестиционный контракт как разновидность гражданско-правового договора и есть «контракт о преференциях» (раз такая терминология понятнее для инвесторов и проще к использованию на практике). Признавая гражданско-правовую природу инвестиционного договора, полагаем, что это особая группа договоров, объединяющая договоры разного типа, выделяемые не по видам деятельности, а по экономической сфере их применения (сфере инвестиций), такие, как договоры (сделки), заключаемые на рынке ценных бумаг (например, договор купли-продажи ценных бумаг), договор лизинга, договор строительного подряда, договор банковского займа и др. Отдельную группу инвестиционных договоров составляют договоры в сфере недропользования. Исходя из общей классификации договоров, можно утверждать, что, как правило, инвестиционный договор является консенсуальным, двусторонним и возмездным. Считаем необходимым в целях дальнейшего развития и совершенствования действующего инвестиционного законодательства РК четко определить понятие инвестиционного договора (контракта), его условия, форму и порядок заключения и расторжения, а также отдельные виды инвестиционных договоров с установлением общих начал и правил применения их на практике.

Анализ основных положений Закона об инвестициях позволяет сделать вывод о том, что позитивная в целом идея установления единого правового режима для иностранных и национальных инвестиций на практике реализовалась не в полной мере: вместо того, чтобы правовой статус национальных инвесторов поднять до уровня иностранных инвесторов, правовой статус иностранных инвесторов был приравнен к правовому статусу национальных инвесторов. Соответственно, от такого подхода к проблеме создания равных условий для осуществления инвестиционной деятельности в республике не выигрывает никто: национальные инвесторы – потому, что их правовой статус не изменился; иностранные инвесторы – потому что их правовое положение ухудшилось.

Принятие Закона об инвестициях является вполне закономерным. Необходим был единый основной инвестиционный закон, который бы объединил вокруг себя специальные акты, регулировавшие инвестиционные отношения и относившиеся до его принятия к различным отраслям законодательства. Уже с момента принятия Закона о государственной поддержке прямых инвестиций было ясно, что это первый шаг к уравниванию в правовом положении иностранных и национальных инвесторов.

Теперь с признанием утратившими силу Законов об иностранных инвестициях и о прямых инвестициях можно говорить

о новом этапе в развитии инвестиционного законодательства. В этот период произошла систематизация законодательства о государственных инвестициях, государственном заимствовании и долге, бюджетной системе и др. Принят единый кодифицированный закон – Бюджетный кодекс РК от 24 апреля 2004 г., в котором вопросам государственных (бюджетных) инвестиций специально посвящен раздел 8 «Бюджетные инвестиции» (гл. 32 «Планирование и осуществление бюджетных инвестиций»; гл. 33 «Мониторинг реализации и оценка эффективности бюджетных инвестиций»).

Данный этап ознаменовался коренными изменениями в законодательстве о рынке ценных бумаг: приняты Законы РК от 13 мая 2003 г. № 415-II «Об акционерных обществах»⁴ и от 2 июля 2003 г. № 461-II «О рынке ценных бумаг»⁵. Модернизация законодательства о рынке ценных бумаг как важной составляющей инвестиционного законодательства и глобальная перестройка самого инвестиционного законодательства определили серьезные структурные изменения в системе законодательства. Вокруг нового Закона об инвестициях стали группироваться другие нормативные акты, отраслевую принадлежность которых в отсутствие единого инвестиционного закона довольно сложно было бы определить, поскольку это акты комплексного характера. В первую очередь, здесь следует назвать Закон РК от 7 июля 2006 г. № 168-III «О концессиях»⁶. Здесь нужно отметить, что Закон о концессиях представляет собой комплексный законодательный акт, так как в нем определяется порядок предоставления концессионерам-инвесторам не только недр, но и земель, вод и других природных ресурсов, а также товарно-материальных ценностей, имеющих различный правовой режим.

Еще одним значимым шагом в регулировании инвестиционных отношений стало принятие нового Налогового кодекса РК (Кодекса РК «О налогах и других обязательных платежах в бюджет») от 10 декабря 2008 г. № 99-IV ЗРК, с принятием которого инвестиционные налоговые преференции были исключены из законодательного перечня⁷. Законом РК от 10 декабря 2008 г. № 101-I было также предусмотрено приостановление действия ст. 123 «Инвестиционные налоговые преференции» нового Налогового кодекса до 1 января 2012 г., что означало приостановление предоставления инвестиционных налоговых преференций инвесторам (по крайней

4 Об акционерных обществах : Закон Республики Казахстан от 13.05.2003 г. № 415-II // Казахстанская правда. – 2003. – № 141-142 (24081-24082).

5 О рынке ценных бумаг : Закон Республики Казахстан от 02.07.2003 г. № 461-II // Казахстанская правда. – 2003. – № 199-200 (24139-24140).

6 О концессиях : Закон Республики Казахстан от 07.07.2006 г. № 168-III. // Казахстанская правда. – 2006. – № 177 (25148).

7 Пункт 1 ст. 13 Закона РК «Об инвестициях» утратил силу в соответствии с Законом РК от 10.12.08 г. № 101-I.

мере, на три года), но в современных условиях преодоления негативных последствий мирового финансового кризиса такое решение было вряд ли оправданным, что и было подтверждено на практике. Законом РК от 9 января 2012 г. № 535-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности» в перечень инвестиционных преференций опять были возвращены налоговые льготы: 1) льготы по земельному налогу и налогу на имущество для юридических лиц, реализующих инвестиционные стратегические проекты; 2) промышленные льготы для юридических лиц, реализующих инвестиционные стратегические проекты в населенных пунктах с низким уровнем социально-экономического развития⁸. Законом РК от 20 февраля 2012 г. № 567-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инвестиций»⁹ были уточнены понятия «инвестиции», «инвестиционная деятельность», «инвестиционные преференции» и т. п., но кардинальных изменений, существенно влияющих на повышение эффективности инвестиционного законодательства и практики его применения на практике, так и не было внесено.

Наряду с налоговым законодательством РК серьезной трансформации подверглось и законодательство РК о недрах и недропользовании – был принят новый Закон РК «О недрах и недропользовании» от 24 июня 2010 г. № 291-IV, в соответствии с которым были признаны утратившими силу ранее действовавшие Закон РК от 28 июня 1995 г. «О нефти» и Закон РК от 27 января 1996 г. «О недрах и недропользовании».

Все эти шаги свидетельствуют об укреплении роли государства в регулировании инвестиционных отношений в различных сферах деятельности и, в первую очередь, в стратегических отраслях экономики. В Закон об инвестициях было внесено немало изменений и дополнений, большая часть которых была направлена на обеспечение соблюдения условий контрактов о предоставлении инвестиционных преференций со стороны инвесторов. С одной стороны, вызывает сомнение целесообразность установления новых административных барьеров для инвесторов и других субъектов инвестиционной деятельности, но с другой стороны, нельзя не поддержать

8 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности : от 9 января 2012 г. № 535-IV // Казахстанская правда от 26.01.2012 г. № 29 (26848).

9 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инвестиций : Закон Республики Казахстан от 20 февраля 2012 г. № 567-IV // Казахстанская правда от 03.03.2012 г. № 63 (26882).

стремление законодателя к упорядочению инвестиционных отношений и к обеспечению надлежащей защиты публичных интересов (например, предусматривающих сохранность натуральных грантов и своевременное их возвращение и т. д.). Необходимо отметить, что с принятием законодательных актов о внесении изменений и дополнений в Закон об инвестициях была затронута только малая часть проблем, и нормы Закона об инвестициях нуждаются в дальнейших доработке и совершенствовании. Поэтому современный этап в развитии инвестиционного законодательства можно охарактеризовать следующим образом – этап становления инвестиционного законодательства как самостоятельной отрасли законодательства со всеми присущими ей признаками и характерными чертами.

Наряду с этим, этот период можно обозначить и так – этап равных возможностей для иностранных и национальных инвесторов. Но, при этом не следует забывать и о том, что устойчивое экономическое развитие невозможно обеспечить без оптимального сочетания общегосударственных интересов и интересов как национальных, так и иностранных инвесторов – во главу угла должен быть поставлен принцип взаимовыгодности инвестиций. Без надлежащего законодательного закрепления правового режима иностранных и национальных инвестиций трудно будет сохранить уже имеющиеся и практически невозможно будет привлечь новые инвестиции в экономику нашей страны (в первую очередь, иностранные инвестиции).

Несмотря на полное исключение из нового закона норм, посвященных иностранным инвестициям, отдельные различия в их регулировании останутся, по крайней мере, до истечения сроков контрактов с иностранными инвесторами. То есть пока еще рано говорить о полном равенстве правовых режимов иностранных и национальных инвестиций, но законодательные основы для единого правового режима уже заложены. Значительные преференции будут предоставляться вне зависимости от того, иностранные или национальные инвесторы намерены осуществлять инвестиционную деятельность, главным будет соответствие инвестиционного проекта условиям, определенным законодательством об инвестициях.

Конечно, за пределами регулирования инвестиционного закона остался целый круг инвестиционных отношений (прежде всего отношений, связанных с осуществлением деятельности на рынке ценных бумаг и государственным (бюджетным) инвестированием), но уже можно говорить о преодолении разрозненности инвестиционных норм. На данном этапе специальное инвестиционное законодательство, ядром которого является Закон об

инвестициях, окончательно сформировалось в самостоятельную отрасль законодательства РК.

В заключение хотелось бы остановиться на рассмотрении вопроса о кодификации инвестиционного законодательства. Российские ученые не раз высказывали такое предложение, считая, что Инвестиционный кодекс на федеральном уровне необходим прежде всего субъектам инвестиционной деятельности, чтобы они при вложении своих средств в объекты инвестиционной деятельности были защищены от некоммерческих рисков (политические риски, изменяющееся законодательство, ухудшающие положение инвестора; необоснованное вмешательство государственных органов и должностных лиц в хозяйственную деятельность инвестора)¹⁰. Идея единого Инвестиционного кодекса была поддержана и некоторыми узбекскими учеными, в частности, С.С. Гулямовым, который обосновывает необходимость свести воедино и предельно четко изложить в Инвестиционном кодексе все нормы, касающиеся любых инвестиций и инвесторов, а также привести все нормы других законодательных актов, прямо или косвенно касающихся условий инвестирования¹¹. Здесь необходимо отметить, что Инвестиционные кодексы приняты в ряде стран Африки (Алжирской Народно-Демократической Республике, Центральной Африканской Республике, Народной Республике Конго и др.)¹², а также в Республике Беларусь¹³.

Однако мы уверены, что защиту прав и законных интересов инвесторов при отсутствии механизма реализации не способен будет обеспечить и кодифицированный закон. С позиций создания надлежащих условий для осуществления инвестиционной деятельности не является настолько принципиальным вопрос о придании Закону РК «Об инвестициях» статуса кодифицированного закона. Более значимым будет совершенствование норм данного законодательного акта с целью приведения его в соответствие со сложившейся международно-правовой практикой регулирования инвестиционных отношений.

10 Мартемьянов В.С. Хозяйственное право : В 2 т. – М. : Юрист, 1994. – Т. 1: Общие положения : Курс лекций. – С. 51.

11 Самарходжаев Б.Б. Проблемы правового регулирования отношений по инвестициям в Республике Узбекистан (международный частно-правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. – Ташкент, 2003. – С. 7.

12 Аргюшенко А.А. Основные гарантии и страхование инвестиций в международном частном праве // Субъективное гражданское право и средства его обеспечения: сб. материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы : НИИ частного права КазГЮУ, 2005. – С. 128-132.

13 Инвестиционный кодекс Республики Беларусь от 22.06.2001 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – № 62. – Ст. 62.2/780.

Трибуна

МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Трибуна молодых ученых *Трибуна молод
буна молодых ученых*

МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ **Тр**

рибуна молодых ученых *Трибуна*

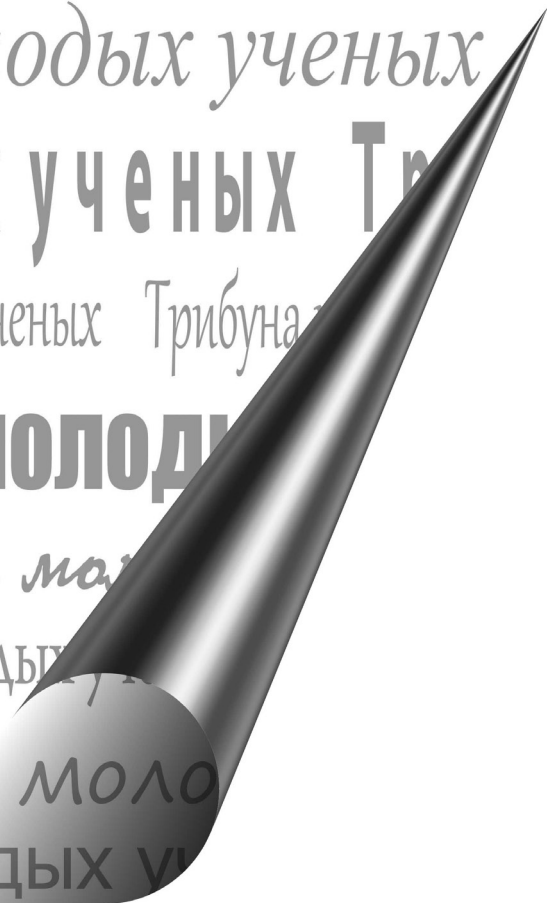
рибуна молод

Трибуна ма

Трибуна молодых

Трибуна моло

буна молодых у

А.В. Булат

Аспирант по кафедре гражданского
права ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный аграрный
университет»

**ПРИЗНАК ОРГАНИЗАЦИОННОГО
ЕДИНСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА
В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО
КОДЕКСА РОССИИ**

**SIGN OF ORGANIZATIONAL UNITY
OF THE LEGAL ENTITY IN LIGHT
OF RUSSIA'S CIVIL CODE CHANGES**

Аннотация: В статье рассматривается признак организационного единства юридического лица в свете предстоящего изменения гражданского законодательства о юридических лицах. Автор анализирует изменения правового регулирования ответственности учредителей юридического лица по долгам юридического лица и правовую природу корпоративного соглашения.

Ключевые слова: Юридическое лицо; корпоративное право; признак организационного единства юридического лица; корпоративное соглашение.

Annotation: The article is considered a sign of organizational unity of the legal entity in light of the upcoming changes civil law about legal entities. The author analyzes the changes in the legal regulation of the founders of the legal entity responsibility for the debts of the legal entity and the legal nature of the corporate agreement.

Keywords: Legal entity; corporate law; sign of organizational unity of the legal person; corporate agreement.

Статья 48 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) «Понятие юридического лица» даёт следующее понятие юридического лица: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимуществен-

ные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде»¹. Признак организационного единства юридического лица (альтернативные названия признака: признак организации, организационный признак) в легальном понятии «юридическое лицо» представлен наряду с другими тремя признаками юридического лица: признаком имущественной обособленности юридического лица, признаком самостоятельной имущественной ответственности по своим обязательствам, признаком самостоятельного участия в гражданских отношениях, выступления в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени².

Если все признаки прямо прописаны законодательно в их первоначальных формулировках, то признак организационного единства юридического лица прямо не прописан в определении и не встречается в других нормах законодательства. Юридическим лицом согласно законодательному определению является организация, а не организационное единство. Слово «организация» выступает основной характеристикой юридического лица. Определяющим наиболее полным образом его суть. Например, солнце – это звезда, земля – это планета, человек – это млекопитающее, право – это система норм, а юридическое лицо – это организация. Для формирования любого определения необходимо основное понятие, которое и будет служить основой, к которому и будут прикрепляться все характеристики понятия (в нашем случае другие признаки юридического лица). Такой характеристикой в понятии «юридическое лицо» является организация или признак организационного единства.

Содержание признака организационного единства в науке гражданского права определяется следующим образом. Д.М. Караходжаева отмечает, что организационное единство юридического лица «проявляется в определенной иерархии, соподчиненности органов управления, составляющих его структуру, и в четкой регламентации отношений между его участниками. Благодаря этому становится возможным превратить желания множества участников в единую волю юридического лица в целом, а также непротиворечиво выразить эту волю вовне»³. В.Н. Цирульников наполняет организационное единство следующим содержанием:

а) предоставленные законодателем, в пределах организационно-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2 См. : Гражданское право : В 2 ч. / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М. : Юнити-Дана, 2011. – С. 97; Камышанский В.П. Право собственности. Пределы и ограничения. – М., 2006. – С. 54.

3 Караходжаева Д.М. Институт права собственности юридических лиц: особенности исторического развития и современное состояние в Узбекистане // Право и политика. – 2006. – № 2. – С. 141.

Признак организационного единства юридического лица в свете изменений Гражданского кодекса России

правовой формы существования юридического лица, возможности построения внутренних правовых связей между элементами, составляющими организационную структуру; б) реализованное волей участников действительное (реальное) единство всех элементов (составляющих) внутренней конструкции «организационного единства». Определение их места и роли в целях обеспечения единства и возможности реализации качеств субъекта гражданских отношений; в) выражение действительного (реального) внутреннего единства вовне через соответствующие учредительные документы организации; г) признание действительного (реального) внутреннего единства государством путем регистрации юридического лица⁴.

Изложенные позиции свидетельствуют о том, что подходы к понятию и содержанию признака организационного единства в науке гражданского права весьма многообразны: взаимоотношения органов юридического лица, их иерархия, структура, соподчиненность; компетенция отдельных органов и должностных лиц, взаимоотношения коллективов, подчиненность работников; формирование единой воли юридического лица, дающее юридическому лицу способность проявлять себя как самостоятельного субъекта права; закрепление волеизъявления в учредительных документах организации; регламентация отношений между его участниками юридического лица.

На наш взгляд, не все из перечисленного можно отнести к признаку организационного единства юридического лица. Организационное единство будет связано со всем, что обеспечивает организацию юридического лица как самостоятельного субъекта права. Это, во-первых, система органов юридического лица или группа учредителей (участников) юридического лица, созданная и функционирующая строго в рамках отдельного вида организационно-правовой формы юридического лица. Во-вторых, это действия органов юридического лица или группы учредителей (участников) (хозяйственные товарищества), направленные на формирование волеизъявления юридического лица, необходимого для совершения юридическим лицом юридически значимых действий. Остальные характеристики признака организационного единства будут характеристиками организации, но по различным причинам, не будут относиться к признаку организационного единства⁵. Сам же признак организационного единства юридического лица

4 Цирульников В.Н. Признак «организационное единство» и его влияние на правосубъектность коммерческих организаций : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1998. – С. 81.

5 См. : Седова Н.А., Ткаченко А.А. Отдельные вопросы правового положения акционерного общества в сфере сельскохозяйственного производства // Бухучет в сельском хозяйстве. – 2011. – № 12. – С. 54.

необходимо понимать как систему органов или группу учредителей (участников) юридического лица, обеспечивающих осуществление правосубъектности юридического лица и, в первую очередь, формирование волеизъявления юридического лица для осуществления юридическим лицом юридически значимых действий.

Проект Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Проект ГК РФ), предусматривающий комплексные изменения института юридического лица и в том числе в отдельные моменты, затрагивающие признак организационного единства юридического лица.

Статья 53.1 ГК РФ в редакции Проекта ГК РФ «Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица» закрепляет, что «Лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, включая возможность давать указания лицам, названным в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу по его вине»⁶. Таким образом, предлагается установить обязанность лиц, которые в силу закона, иного правового акта или устава юридического лица уполномочены выступать от его имени, действовать в интересах этого юридического лица добросовестно и разумно. В случае нарушения этой обязанности указанные лица будут нести ответственность перед юридическим лицом в виде обязанности возместить причиненные по их вине убытки, если они действовали недобросовестно и неразумно.

Проект ГК РФ, по мнению некоторых юристов, предлагает тем самым закрепить один из аспектов доктрины «проникновения под корпоративную вуаль», согласно которой юридическое лицо перестает выполнять функцию ограничения ответственности его участников, что, на наш взгляд, во многом нивелирует и дискриминирует доктринальную конструкцию юридического лица⁷.

Согласно п. 1 ст. 67.2 ГК РФ в редакции Проекта ГК РФ участники хозяйственного общества вправе заключить между собой договор об осуществлении своих корпоративных (членских) прав

6 Проект Федерального закона № 47538-6/2 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению 10.12.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

7 См. : Изменения положений Гражданского кодекса РФ о юридических лицах (Законопроект № 47538-6/2, подготовлен ко II чтению) // СПС «КонсультантПлюс».

Признак организационного единства юридического лица в свете изменений Гражданского кодекса России

(корпоративный договор), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления. Под осуществлением этих прав или отказом от их осуществления понимается, в частности, следующее: голосование определенным образом на общем собрании участников общества; согласованное осуществление иных действий по управлению обществом; приобретение или отчуждение доли в его уставном капитале (акций) по определенной цене и (или) при наступлении определенных обстоятельств либо воздержание от отчуждения доли (акций) до наступления определенных обстоятельств.

Таким образом, изменения признака организационного единства приведут к снятию «правовой вуали» юридического лица и даже пошатнут его правовую конструкцию. В правовую конструкцию юридического лица будут привнесены полноценные договорно-правовые формы регулирования взаимоотношений акционеров и других участников хозяйственных организаций.

Е.Н. Ильенко

Соискатель по кафедре
гражданского права ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный
аграрный университет»

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ

THE LEGAL REGIME OF PROPERTY OF NATIONAL PARKS

Аннотация: В статье рассматривается порядок наделения национальных парков имуществом, анализируются пределы возможности распоряжения недвижимым и особо ценным движимым имуществом, а также проблемы, возникающие в практическом применении норм действующего законодательства при использовании национальными парками имущества.

Ключевые слова: национальный парк, правовой режим имущества, недвижимое имущество, особо ценное движимое имущество.

Annotation: The article is considered the procedure for vesting of property, analyses the limits of disposal of immovable property and especially valuable movable property, and the problems, arising in the practical application of the norms of the current legislation during the use of the national parks of the property.

Keywords: National park; the legal regime of property; immovable property; especially valuable movable property.

Статья 12 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон об ООПТ)¹ определяет национальные парки как природоохранные, эколого-просветительские и научно-исследовательские учреждения, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма.

¹ Об особо охраняемых природных территориях (Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 25.06.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.

При этом согласно ст. 16 данного закона национальные парки являются юридическими лицами, которые не имеют в качестве цели своей деятельности извлечение прибыли, т. е. являются некоммерческими организациями и создаются в форме финансируемого за счет средств федерального бюджета природоохранного учреждения.

Действующее законодательство подчеркивает, что некоммерческие юридические лица допускаются в имущественный (гражданский) оборот со строго целевым назначением, предусмотренным их уставами. Поэтому они обладают целевой правоспособностью и могут использовать принадлежащее им на праве собственности имущество лишь для достижения тех целей, которые прямо предусмотрены их учредительными документами (п. 4 ст. 213 ГК)².

Федеральное имущество, закрепленное на праве оперативного управления за национальным парком, подлежит учету в Реестре федерального имущества, о чем парку выдается соответствующее свидетельство. При этом в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним указывается, что собственником такого имущества является Российская Федерация.

На сегодняшний день органом, уполномоченным осуществлять от имени Российской Федерации полномочия собственника в отношении имущества федеральных государственных учреждений, согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 05.07.2008 № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»³, является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество), которое закрепляет находящееся в федеральной собственности имущество в оперативное управление национальных парков. Это означает, что национальный парк осуществляет права владения, пользования и распоряжения переданным ему имуществом в пределах, установленных законом, и в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества (ст. 296 ГК РФ).

В силу п. 3 ст. 298 ГК РФ, абз. 1 п. 10 ст. 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О некоммерческих организациях» (далее – Закон № 7-ФЗ)⁴ национальный парк без согласия собственника не вправе распоряжаться особо ценным движимым имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным бюджетным учреждением за счет средств, выде-

2 См. : Гражданское право : В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права /под ред. Е.А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2008.

3 О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом : Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 (ред. от 08.10.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 23. – Ст. 2721.

4 О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

ленных ему собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимым имуществом. Остальным имуществом, находящимся у него на праве оперативного управления, бюджетное учреждение вправе распоряжаться самостоятельно, если иное не установлено законом.

Пункт 11 ст. 9.2 Закона № 7-ФЗ под особо ценным движимым имуществом понимает движимое имущество, без которого осуществление национальным парком своей уставной деятельности будет существенно затруднено.

Таким образом, правовой особенностью имущества национального парка является то, что у национального парка фактически возникает различный правовой режим для имущества, закрепленного за национальным парком Федеральным агентством по управлению государственным имуществом для осуществления им своей основной деятельности, и для имущества, приобретенного учреждением самостоятельно, которым оно вправе распоряжаться самостоятельно либо с согласия учредителя, если оно подпадает под признаки особо ценного имущества, либо в отношении такого имущества заключается крупная сделка, оно вносится в уставные капиталы иных юридических лиц и т. п.

Порядок отнесения имущества к категории особо ценного движимого имущества установлен Постановлением Правительства РФ от 26.07.2010 № 538 «О порядке отнесения имущества автономного или бюджетного учреждения к категории особо ценного движимого имущества»⁵.

Так, с учетом требований данного Порядка виды особо ценного движимого имущества национальных парков должны определяться Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Перечни особо ценного движимого имущества национальных парков должны определяться Федеральным агентством по управлению государственным имуществом по согласованию с Федеральной службой по надзору в сфере природопользования.

При определении перечней особо ценного движимого имущества национальных парков в состав такого имущества подлежат включению:

- движимое имущество, балансовая стоимость которого равна или превышает 200 тысяч рублей;
- иное движимое имущество, без которого осуществление национальным парком предусмотренных его Положением основных видов деятельности будет существенно затруднено;

⁵ О порядке отнесения имущества автономного или бюджетного учреждения к категории особо ценного движимого имущества : Постановление Правительства РФ от 26.07.2010 № 538 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4237.

– имущество, отчуждение которого осуществляется в специальном порядке, установленном законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Ведение перечня особо ценного движимого имущества осуществляется национальным парком на основании сведений бухгалтерского учета о полном наименовании объекта, отнесенного в установленном порядке к особо ценному движимому имуществу, его балансовой стоимости и об инвентарном (учетном) номере (при его наличии)⁶.

Приказом Росимущества от 16.12.2010 № 367 утвержден Порядок согласования распоряжения особо ценным движимым имуществом, закрепленным за федеральным бюджетным учреждением учредителем либо приобретенным федеральным бюджетным учреждением за счет средств, выделенных его учредителем на приобретение такого имущества, согласно положениям которого для согласования распоряжения особо ценным движимым имуществом национальным парком данное учреждение направляет в адрес Росимущества заявление, составленное в произвольной форме и подписанное руководителем национального парка. В заявлении указываются предложения по распоряжению особо ценным движимым имуществом национального парка с соответствующим юридическим и фактическим обоснованием.

Заявление должно быть согласовано Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), как соучредителем национальных парков.

Решение о согласовании действий по распоряжению национальным парком особо ценного движимого имуществом принимается на основе следующих критериев:

- соответствие распоряжения особо ценным движимым имуществом законодательству Российской Федерации;
- обоснованная юридически и фактически необходимость и условия распоряжения особо ценным движимым имуществом национального парка;
- полнота и точность информации, содержащейся в представленных документах.

Крупная сделка может быть совершена национальным парком только с предварительного согласия Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество) и Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор).

Крупной сделкой признается сделка или несколько взаимосвязанных сделок, связанная с распоряжением денежными средствами, отчуждением иного имущества, которым в соответствии с действующим законодательством национальный парк вправе рас-

6 См. : Камышанский В.П. Суперфиций и эмфитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 106.

поряжаться самостоятельно, а также с передачей такого имущества в пользование или в залог при условии, что цена такой сделки либо стоимость отчуждаемого или передаваемого имущества превышает 10 % балансовой стоимости активов бюджетного учреждения, определяемой по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату, если Положением о национальном парке не предусмотрен меньший размер крупной сделки.

Руководитель национального парка несет перед парком ответственность в размере убытков, причиненных бюджетному учреждению в результате совершения крупной сделки с нарушением требований действующего законодательства, независимо от того, была ли эта сделка признана недействительной.

Согласно Приказу Росимущества от 16.12.2010 № 370 «Об утверждении Порядка передачи некоммерческим организациям в качестве их учредителя или участника денежных средств и иного имущества, за исключением особо ценного движимого имущества, закрепленного за федеральным бюджетным учреждением собственником или приобретенного федеральным бюджетным учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимого имущества»⁷ решение о передаче национальному парку денежных средств и иного имущества, за исключением особо ценного движимого имущества, закрепленного за федеральным бюджетным учреждением собственником или приобретенного федеральным бюджетным учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимого имущества принимается руководителем Росимущества.

Предложение о передаче имущества должно содержать:

- обращение национального парка с просьбой о передаче денежных средств и иного имущества с обоснованием целесообразности этих действий и экономического эффекта, который достигнет учреждение от такой передачи;
- перечень имущества (с приложением технической документации) и цель его использования национальным парком;
- бухгалтерский баланс за последний отчетный период;
- справка о балансовой стоимости имущества;
- акт приема-передачи объекта основных средств (форма № ОС-1);

⁷ Об утверждении Порядка согласования передачи некоммерческим организациям в качестве их учредителя или участника денежных средств и иного имущества, за исключением особо ценного движимого имущества, закрепленного за федеральным бюджетным учреждением собственником или приобретенного федеральным бюджетным учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимого имущества : Приказ Росимущества от 16.12.2010 № 370 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». «КонсультантПлюс».

- инвентарная карточка учета объекта основных средств (форма № ОС-6);
- учредительные документы национального парка;
- выписка из единого государственного реестра юридических лиц в отношении национального парка.

Решение о согласовании передачи имущества (либо отказе в согласовании передачи) оформляется приказом Росимущества.

Все закрепленное за национальным парком имущество подлежит обязательному учету на ее самостоятельном балансе.

Статья 13 Федерального закона от 21.11.1996 № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете»⁸ предусматривает обязанность всех организаций составлять на основе данных синтетического и аналитического учета бухгалтерскую отчетность.

Состав бухгалтерской отчетности национальных парков регулируется Приказом Минфина России от 25.03.2011 № 33н «Об утверждении Инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений»⁹.

В целях контроля за использованием имущества, переданного бюджетным учреждениям, Федеральным законом от 08.05.2010 № 83-ФЗ¹⁰ введена обязанность учреждений ежегодно, начиная с 2012 года, размещать в сети Интернет в установленном порядке отчеты о своей деятельности с учетом требований законодательства РФ о защите государственной тайны (п.п. 3.3-3.5 ст. 32 Федерального закона № 7-ФЗ).

Согласно этим новым пунктам государственные учреждения, в том числе национальные парки, обеспечивают открытость и доступность таких документов, как:

- учредительные документы;
- свидетельство о государственной регистрации;
- решение учредителя о создании государственного (муниципального) учреждения;
- решение учредителя о назначении руководителя государственного (муниципального) учреждения;

⁸ О бухгалтерском учете : Федеральный закон от 21.11.1996 № 129-ФЗ (ред. от 28.11.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 48. – Ст. 5369 (утратил силу).

⁹ Об утверждении Инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений : Приказ Минфина России от 25.03.2011 N 33н (ред. от 26.10.2012) (зарегистрировано в Минюсте России 22.04.2011 № 20558) (с изм. и доп., вступающими в силу с отчетности за 2013 год) // Российская газета. – 2011. – № 94.

¹⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений : Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (ред. от 07.05.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 19. – Ст. 2291.

- положения о филиалах, представительствах государственного (муниципального) учреждения;
- план финансово-хозяйственной деятельности государственного (муниципального) учреждения;
- годовая бухгалтерская отчетность;
- сведения о проведенных в отношении государственного (муниципального) учреждения контрольных мероприятиях и их результатах;
- государственное (муниципальное) задание на оказание услуг (выполнение работ);
- отчет о результатах своей деятельности и об использовании закрепленного за ними государственного имущества, составляемый и утверждаемый в порядке, определенном соответствующим органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя, и в соответствии с общими требованиями, установленными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере бюджетной, налоговой, страховой, валютной, банковской деятельности.

Указанные сведения будут размещаться на официальном сайте федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы РФ, на основании информации, предоставляемой подведомственными учреждениями.

Элементом контроля за использованием национальным парком имущества является возможность собственника изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество, закрепленное им за национальным парком либо приобретенное парком за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение этого имущества.

Пунктом 6 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2009 № 17 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2006 № 23 “О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации”»¹¹ разъяснены пределы такой возможности: при рассмотрении вопроса о законности меры принуждения в виде изъятия в бесспорном порядке бюджетных средств, используемых не по целевому назначению, примененной на основании ст. 289 Бюджетного кодекса РФ

11 О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума ВАС РФ от 26.02.2009 № 17 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 5.

(далее – БК РФ)¹², а также дел о привлечении лиц к административной ответственности на основании ст. 15.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹³, судам необходимо учитывать следующее.

Статьей 38 БК РФ установлен принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, который означает, что бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования.

Согласно ст. 289 БК РФ использование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденным бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным правовым основанием их получения, является нецелевым использованием бюджетных средств.

Таким образом, фактически права национального парка в отношении имущества, переданного ему собственником в оперативное управление, весьма ограничены, однако, в связи с отсутствием достаточного бюджетного финансирования и, как следствие, необходимостью самостоятельного получения денежных средств на развитие национальных парков, такие учреждения вынуждены заниматься деятельностью, в основном направленной на извлечение прибыли.

Помимо имущества, переданного собственником национальным паркам, они вправе получать имущество из других источников¹⁴.

Статья 26 Закона № 7-ФЗ предусматривает следующие источники формирования имущества некоммерческой организации:

- регулярные и единовременные поступления от учредителей (участников);
- выручка от реализации товаров, работ, услуг;
- дивиденды (доходы, проценты), получаемые по акциям, облигациям, другим ценным бумагам и вкладам;
- доходы, получаемые от собственности некоммерческой организации;
- другие не запрещенные законом поступления.

12 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

13 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 21.10.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

14 См. : Нетишинская Л.Ф. К вопросу об объекте гражданского правоотношения // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 2. – С. 284; Тужилова-Орданская Е.М. Государственная регистрация как способ охраны прав на недвижимость // Закон. – 2006. – № 2. – С. 19.

Статья 16 Закона об ООПТ сужает круг источников формирования имущества, указывая, что средствами национальных парков, которыми они распоряжаются в установленном порядке, являются следующие получаемые национальными парками средства:

– от просветительской, рекреационной, научной, рекламно-издательской и иной деятельности, не противоречащей возложенным на них задачам;

– в качестве арендной платы, в счет возмещения ущерба, причиненного природным комплексам и объектам, расположенным на территориях национальных парков;

– от реализации конфискованных в установленном порядке орудий охоты, рыболовства и продукции незаконного природопользования;

– в порядке безвозмездной помощи и благотворительных взносов.

Пунктом 3 ст. 16 предусмотрен еще один финансовый источник средств, поступающих в распоряжение национальных парков – это штрафы, налагаемые в административном порядке за экологические правонарушения по постановлениям должностных лиц национальных парков.

Интерес вызывает такой источник формирования имущества, как средства, полученные от возмещения ущерба, причиненного природным комплексам и объектам, расположенным на территориях национальных парков, а также средства от реализации конфискованных в установленном порядке орудий охоты, рыболовства и продукции незаконного природопользования.

Под конфискацией ст. 3.7 КоАП РФ понимает назначаемое судом принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. Конфискация охотничьего оружия, боевых припасов и других дозволенных орудий охоты или рыболовства не может применяться к лицам, для которых охота или рыболовство является основным законным источником средств к существованию. Не является конфискацией изъятие из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, орудия совершения или предмета административного правонарушения: 1) подлежащих в соответствии с федеральным законом возвращению их законному собственнику; 2) изъятых из оборота либо находившихся в противоправном владении лица, совершившего административное правонарушение, по иным причинам и на этом основании подлежащих обращению в собственность государства или уничтожению.

Пункт 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответ-

ственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹⁵, разъясняет, что при разрешении вопроса о том, в какой бюджет подлежат зачислению суммы денежных взысканий (штрафов), конфискации и компенсаций за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, судам следует руководствоваться положениями п.п. 1, 4 и 5 ч. 1 и ч. 6 ст. 46 БК РФ.

Исходя из положений ст. 46 БК РФ, суммы от реализации конфискованных в установленном порядке орудий охоты, рыболовства и продукции незаконного природопользования, а также по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, подлежат зачислению в бюджеты муниципальных районов, городских округов, городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга по месту причинения вреда окружающей среде по нормативу 100 %.

Анализ положений ст. 46 БК РФ позволяет сделать вывод, что средства от возмещения ущерба, причиненного природным комплексам и объектам, расположенным на территориях национальных парков, а также средства от реализации конфискованных в установленном порядке орудий охоты, рыболовства и продукции незаконного природопользования на территории национальных парков должны зачисляться в бюджет муниципального образования, на территории которого расположен соответствующий национальный парк, при том, что Закон об ООПТ относит их к источникам формирования имущества национальных парков, т. е. к средствам федеральной собственности.

На основании изложенного, фактически, в условиях осуществления хозяйственной деятельности национальные парки получают финансовое обеспечение путем осуществления деятельности, приносящей доход.

В целях наиболее эффективного выполнения возложенных на национальные парки задач и недопущения злоупотребления правом осуществлять приносящую доход деятельность в связи с необходимостью поддержания экономической стабильности положения национальных парков представляется необходимым для надлежащего бюджетного финансирования разработать механизм расчета реальных финансовых потребностей конкретных национальных парков с учетом их географического положения, социальных, культурных и исторических особенностей, природоохранного потенциала.

15 О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 12.

Е.И. Попова

Аспирант по кафедре гражданского
права ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный аграрный
университет», федеральный судья
Краснодарского краевого суда

ПРАВО ЗАСТРОЙКИ В ЗАКОНОПРОЕКТЕ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РФ

RIGHT OF DEVELOPMENT IN THE DRAFT LAW ON AMENDMENTS IN THE RF CIVIL CODE

Аннотация: В статье рассматривается право застройки как новое ограниченное вещное право Гражданского кодекса Российской Федерации. Автором рассматриваются недостатки норм о праве застройки, оценивается общее положительное воздействие правовых новшеств и вносятся предложения по дальнейшему совершенствованию права застройки.

Ключевые слова: вещные права; право собственности; право застройки; суперфиций; эмфитевзис; постоянное землевладение.

Annotation: The article is considered the right of superficies as a new limited property rights of the Civil Code of the Russian Federation. The author considers the shortcomings in the rules on the right of superficies, evaluated an overall positive effect of legal innovations and proposals are made to further improve the development rights.

Key words: property rights; the right to property; the right of superficies; superficies; emphyteusis; permanent tenure.

Российское гражданское законодательство в настоящее время находится на стадии реформирования. Государственной Думой РФ в первом чтении принят Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Законопроект). Законопроект призван прежде всего провести реформу Гражданского кодекса Российской Федерации. Объ-

1 Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

ективная реальность такова, что гражданское законодательство, разработанное и принятое на рубеже тысячелетий, уже не может в полной мере обеспечивать нарастающие потребности гражданского общества в части урегулирования имущественных и личных неимущественных отношений. Положения Законопроекта выглядят во многом революционными для российского законодательства. Несмотря на это, если их рассматривать с позиции сложившихся доктринальных подходов цивилистической науки в романо-германской правовой семье, то Законопроект не является революцией в гражданском праве. В целом он воплощает в себе накопленный опыт зарубежных законодательств и призван обеспечивать цивилизованное развитие гражданского оборота в России. Одним из показателей экономической состоятельности цивилизованного общества является наличие развитого института вещных прав, адекватно отражающего потребности участников рыночных отношений².

Право застройки относится к числу тех вещных прав, которые предлагается впервые включить во второй раздел ГК РФ. На первый взгляд может показаться, что право застройки представляет собой абсолютное нововведение. Однако, совершенно очевидно, что никакое гражданское законодательство не может существовать без преемственности. По утверждению А.А. Маковского, «при каждой последующей кодификации российского гражданского законодательства в новые ГК включалось до 3/5 общего числа норм предыдущих ГК»³. Право застройки последний раз специально регулировалось отечественным гражданским законодательством в ГК РСФСР (1922 г.). Конечно, в отношении права застройки нормы Законопроекта попадают в этом случае в 2/5 норм, которые не заимствуются из действующего ГК РФ.

Однако схожие отношения по застройке чужих земельных участков в настоящее время регулируются нормами ГК РФ об аренде, а также ст.ст. 32, 22 Земельного Кодекса РФ. Институт аренды не является специальным институтом гражданского права, который предназначен для строительства объектов недвижимости на чужом земельном участке. Сейчас в гражданском праве РФ можно наблюдать ситуацию, которая складывалась еще в Древнем Риме при образовании институтов эmfитевзиса и суперфиция⁴. Как известно, в развитом состоянии в Риме суперфиций представлял вещное право, которое являлось наиболее независимым и отда-

2 См. : Камышанский В.П. Суперфиций и эmfитевзис в гражданском праве: история и современность // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 105; Ткаченко А.А. Признание права собственности на самовольную постройку: вопросы теории и практики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 74. – С. 563.

3 Маковский А.А. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России // Журнал российского права. – 2005. – № 9.

4 Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. – М., 1874. – С. 456.

ленным от собственника. Не желая распродавать публичные земли (*ager publicus*), римское государство изначально использовало институт имущественного найма. Однако в силу невозможности защиты прав нанимателя по личным римским обязательствам в преторском праве образовались институты эмфитевзиса и суперфиция, которые впоследствии были распространены не только в отношении государственных земель, но и земель, находящихся в частной собственности.

Аналогичная ситуация складывалась и в дореволюционной России до 1912 г., когда был принят Закон о праве застройки. «Витебские домовладельцы землеарендаторы 15 лет добивались у Государя Императора и его министров, прося себе защиты и облегчения своей горькой участи»⁵.

При разработке и принятии в первом чтении Законопроекта законодатель исходил из того, что общественные отношения находятся в состоянии, когда арендные отношения не могут надлежащим образом обеспечивать интересов застройщиков, в связи с чем возникла необходимость введения особого вещного права – право застройки.

Что представляет из себя право застройки, исходя из содержания принятого в первом чтении Законопроекта? В самую первую очередь обращает на себя внимание расположение норм о праве застройки. Ему посвящена гл. 20.1 подразд. 4 разд. 2 ГК РФ в редакции Законопроекта. Это не случайно, потому что при системном анализе норм Законопроекта можно прийти к выводу, что права расположены в порядке «убывания объема», «ослабления» правомочия пользования. То есть по такой логике у вещного права, которому посвящена гл. 1 подразд. 4, посвященному ограниченным вещным правам, должно быть наиболее широкое правомочие пользования вещами. Именно поэтому нормы о праве постоянного землевладения и праве застройки идут в начале подразд. 4. Право постоянного землевладения (гл. 20) является, условно говоря, «потомком» римского эмфитевзиса и, как известно, развивалось параллельно с правом застройки (суперфицием). С этой стороны, несколько непонятен подход Законодателя, который не предлагает применение норм из смежных институтов в случае неурегулированности застройочных или иных отношений нормами, имеющими прямое действие⁶. Имеется лишь норма в ст. 299.1 ГК РФ в содержании Законопроекта, где применительно к праву постоянного землевладения указывается на невозможность строительства и на возможность строительства на земельном участке, предоставленном на праве застройки. Очевидно возникающие в будущем пробелы в законодательном регу-

5 Цит. по : Гойхбарг А.Г. Закон о праве застройки. Практический комментарий. – СПб., 1913. – С. 3.

6 Например, статья 783 ГК РФ предусматривает применение отдельных норм о договоре подряда к отношениям возмездного оказания услуг.

лировании, выявленные правоприменительной практикой, должны будут восполняться аналогией закона (ст. 6 ГК РФ).

С точки зрения правомочий, право застройки представляет собой вещное право – пользования⁷. Причем в довольно широком объеме. Однако, несмотря на всю широту действий, скрывающихся за этим правомочием, нужно отметить следующее: пользование ограничено своим целевым характером, а именно строительством зданий и сооружений, в связи с чем установлена обязанность застройщика (п. 2 ст. 300.1 ГК РФ в редакции Законопроекта) возводить здания и сооружения. И в то же время, не имея возможности по-другому использовать земельный участок, кроме как для строительства застройщиком, собственник полностью исключается от пользования земельным участком, подтверждением чего служит норма п. 5 ст. 300 ГК РФ в редакции Законопроекта, где сказано, что у собственника сохраняется лишь право распоряжения. Таким образом, получается, что правомочие пользования собственника как бы переходит к застройщику и в то же время ограничивается в силу сущности и законодательного регулирования права застройки, т. е. правомочие пользования собственника шире, чем правомочие пользования застройщика.

В общем и целом нормы о праве застройки отвечают предназначению этого правового института; имеется расширение сферы действия института по сравнению с римским суперфицием: ст. 300.1 ГК РФ в редакции Законопроекта предоставляет застройщику права изменять находящиеся на земельном участке объекты недвижимого имущества – реконструировать их, сносить и возводить новые; причем пределы таких действий предусматриваются договором. Такого рода подход вызывает неодобрение у некоторых авторов⁸ по причине неподпадания их под определение права застройки (ст. 300 ГК РФ в редакции Законопроекта). С такого рода замечаниями можно согласиться, особенно в части определения пределов пользования правом застройки договором. Очевидно, законодатель имеет в виду изменение правил осуществления этого права в смысле п. 4 ст. 221 ГК РФ в редакции Законопроекта. Иное понимание противоречит общим положениям о вещных правах.

Имеются, однако, положения Законопроекта, которые не укладываются ни в какие логические и юридические рамки представлений о вещных правах. Так, согласно п. 2 ст. 300 ГК РФ в редакции Законопроекта, здания и сооружения, возведенные на основании права застройки, принадлежат лицу, имеющему право

7 Тон А. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права (часть четвертая) // Вестник гражданского права. – 2012. – № 5. – С. 230-275.

8 Леонтьева Е.А. Проблемы института застройки чужого земельного участка в современном российском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 6. – С. 13-20.

застройки, на праве собственности в течение срока действия права застройки. Что это? Временное право собственности? Временная собственность не известна ни одному развитому зарубежному правопорядку⁹. В римском праве действовал принцип *superficies solo cedit*, согласно которому строения поступали в собственность собственника земельного участка¹⁰.

Такого рода законодательный подход, предлагающий временную собственность, не вдаваясь в подробности, может подорвать имущественный оборот зданий и сооружений как недвижимостей. Представляется правильным предоставлять застройщику права пользования зданием и сооружением. Эти права вполне могут быть сообразованы с предлагаемым также к введению узуфруктом (гл. 20.3 ГК РФ в редакции Законопроекта).

При нынешнем положении вещей получается, что, с одной стороны, Концепция развития гражданского законодательства пытается ввести принцип единого объекта недвижимости (п. 3.6.3)¹¹, а с другой стороны, в Законопроекте существуют нормы, совершенно необъяснимые с точки зрения мотивов законодателя.

Также не понятна судьба собственников помещений, которые приобрели это право собственности на основании перехода этой необычной «временной собственности» (или ее доли) от застройщика покупателю (п. 3 ст. 300.5 ГК РФ в редакции Законопроекта). Оптимальным выглядел бы подход, согласно которому право собственности приобреталось бы у собственника, причем не временного. При отсутствии права собственности у застройщика можно было бы отчуждать право пользования помещением и регулировать его нормами об узуфрукте, который предназначен для регулирования отношений по проживанию граждан в жилых помещениях.

Законопроект в части внесения изменений в ГК РФ в области регулирования отношений собственности и связанных с ним ограниченных вещных прав (в частности, права застройки) в целом отвечает интересам развитого гражданского оборота и заслуживает поддержки. Однако юридическая техника и согласованность предлагаемых правовых норм нового для современного российского гражданского права института оставляет желать лучшего. В этой связи, как нам представляется, до принятия окончательной редакции норм права, входящих в институт застройки, предварительно требуется его доработка.

9 Емелькина И.А. Природа права на строение, возведенное на чужом земельном участке, в свете изменения гражданского законодательства о вещном праве // Вестник гражданского права. – 2012. – № 6. – С. 124-144.

10 Там же.

11 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

Из зала суда

Из зала суда Из зала суда Из зала суда
зала суда Из зала суда

Из зала суда Из зала суда

зала суда Из зала суда Из зала суда Из зала суда

Из зала суда Из зала суда

Из зала суда Из зала суда

Из зала суда Из зала суда

Из зала суда

Из зала суда Из зала суда

А.А. Тарасенко
судья Арбитражного суда
Краснодарского края, аспирант
ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный аграрный
университет»

О ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ABOUT ADDITIONAL RESPONSIBILITY THE PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR

Аннотация: В статье анализируется порядок и условия привлечения к ответственности лиц, контролирующих должника в процедурах несостоятельности (банкротства). Автор анализирует теоретические основы и процедурные особенности ответственности на лиц, контролирующих должника.

Ключевые слова: Гражданско-правовая ответственность; банкротство; ответственность третьих лиц; субсидиарная ответственность.

Annotation: The article is analyzed the procedure and conditions for bringing to justice those who control the debtor in insolvency proceedings (bankruptcy). The author analyzes the theoretical foundations and procedural features of responsibility on those who control the debtor.

Key words: Civil liability; bankruptcy; third party liability; subsidiary liability.

С учетом современных концепций имущественной и организационной самостоятельности субъектов предпринимательской деятельности нужно решить вопрос о том, является ли ответственность контролирующих должника лиц ответственностью за свои или ответственностью за чужие действия. Представляется, что такая ответственность является ответственностью за свои действия, так как принимаются они контролирующим лицом и имеют неблагоприятный эффект как для него, так и для подконтрольного лица. Тот факт, что эти действия выполняет, с юридической точки зрения, другое лицо, конечно, имеет значение, однако, ГК РФ прямо регулирует наступление ответственности контролирующего лица. Подп. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ «Ответственность юридического лица» закрепляет, что в случае, «если несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана учредителями (участниками), собственником имущества юридического лица или другими лицами, которые имеют право давать обязательные для этого юри-

дического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, на таких лиц в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам»¹.

Англо-американская система права исходит из концепции игнорирования юридической личности компании. Идея концепции состоит в том, что контролирующее должника лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника, если его действия указывают на то, что в действительности корпорация не являлась юридическим лицом, отдельным от акционера. Например, имущество должника использовалось контролирующим лицом как свое собственное². В данном случае речь идет, по существу, о солидарной ответственности должника и контролирующего лица при доказанности определенных обстоятельств.

Практическая реализация изложенной концепции в России зависит от корректировки положений законодательства о применении субсидиарного механизма ответственности контролирующих должника лиц, изменения принципов ответственности учредителей (собственников имущества) должника.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц за вред, причиненный имущественным интересам кредиторов, преследует цель наиболее полного удовлетворения денежных требований к должнику в процедуре банкротства. Речь идет преимущественно о денежных требованиях реестрового характера, поскольку текущие требования погашаются вне очереди на основании ст. 134 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Основанием ответственности контролирующего лица, исходя из текста положений п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве, является «причинение вреда имущественным правам кредиторов, причем данная статья не содержит положений о какой-либо вообще причинной связи между противоправным поведением контролирующего лица и негативными последствиями для кредиторов. Кроме этого, в статье ничего не говорится теперь о вреде, причиненном должнику, о доведении его до банкротства, в том числе в результате исполнения им обязательных указаний контролирующих лиц, – в обновленной норме упоминается исключительно вред, причиненный имущественным правам кредиторов»³.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2 См. : Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах // СПС «КонсультантПлюс».

3 Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д. Обеспечение эффективности правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Перспективы

Важным в достижении цели полного восстановления нарушенных и оспариваемых прав является механизм ответственности иных лиц за должника: лиц, которые в силу особенностей своего управленческого статуса определяют действия должника в гражданском обороте.

Юридический состав данного правоотношения объективно является более сложным по отношению к недействительности сделок и последствиям их недействительности, так как являясь институтом внедоговорной ответственности, он шире по субъектному составу и обязательным основаниям ответственности.

К сожалению, приходится констатировать, что в законодательстве имеются лишь общие положения о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, в специальной литературе практически отсутствуют фундаментальные разработки института в конкурсном процессе. Как следствие приведенных факторов – скудность положительной судебной практики по заявлениям о привлечении к субсидиарной ответственности.

В дело о банкротстве включается рассмотрение вопросов привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, что повлекло возникновение одной процессуальной особенности рассмотрения данной категории споров, характерной для всех мини-процессов в рамках конкурсного производства. Речь идет, по существу, об упрощении процессуального порядка рассмотрения соответствующих требований конкурсного управляющего. Во-первых, Закон о банкротстве не предусматривает предварительного судебного заседания по данной категории дел. Представляется, во всяком случае, что правовая позиция, высказанная в п. 20 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 и гласящая о непроведении предварительного судебного заседания при рассмотрении требований об оспаривании сделок должника, является универсальной. Во-вторых, по результатам рассмотрения заявления о привлечении контролирующего должника лица к ответственности выносится определение (п. 8 ст. 10 Закона о банкротстве). Это позволяет приступить к немедленному исполнению судебного акта в случае удовлетворения заявленных требований, влияет на особенности исчисления сроков на обжалование подобных определений с учетом правил ст. 223 АПК РФ и ст. 61 Закона о банкротстве.

Новая редакция ст.ст. 10 и 2 Закона о банкротстве, по существу, ввела градацию субъектного состава лиц на стороне ответчика по требованиям о привлечении к ответственности.

Так, к субсидиарной ответственности по обязательствам должника могут быть привлечены: лица, на которые указанный закон возлагает обязанность по принятию решения о подаче заявления должника в арбитражный суд и подаче такого заявления, в случае если они не исполнили такую обязанность (п. 2 ст. 10); контролирующие должника лица (п. 4 ст. 10); руководитель должника, если документы бухгалтерского учета и (или) отчетности, обязанность по сбору, составлению, ведению и хранению которых установлена законодательством РФ, к моменту вынесения определения о введении наблюдения или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют или не содержат информации об имуществе и обязательствах должника и их движении, сбор, регистрация и обобщение которой являются обязательными в соответствии с законодательством РФ, либо если указанная информация искажена (п. 5 ст. 10).

Особо обращает на себя внимание появление нового правового института – контролирующее должника лицо. Данный специальный субъект, отличный от «заинтересованного лица» в смысле ст. 19 Закона о банкротстве, с учетом установленных Законом о банкротстве характеристик позволит реально запустить механизм субсидиарной ответственности с учетом специфики спорного правоотношения.

Развитие рыночных отношений в России неизбежно приведет к ужесточению материально-правовых и процессуальных последствий для недобросовестных лиц, действия которых причинили вред кредиторам должника. Поэтому необходимы упрощение процессуального порядка рассмотрения споров, создание условий для широкого участия конкурсных кредиторов в рассмотрении данных требований в рамках дела о банкротстве на стороне заявителя (как правило, конкурсного управляющего), передача рассмотрения споров суду, рассматривающему дела о банкротстве, что, в конечном счете, должно привести к усилению процессуальных позиций заявителя в части возможностей доказывания и ужесточению режима субсидиарной ответственности. В связи с этим возможны корректировка правоприменительной практики о бремени доказывания по данной категории дел, переоценка возможности применения объективного вменения, эволюция в оценке презумпций вины контролирующего лица, его добросовестности (недобросовестности).

В случае развития данных тенденций возможно дальнейшее развитие механизма привлечения контролирующих должника лиц к ответственности.

Новости науки

Новости науки *Новости науки* *Новости*
ности науки *Новости*

Новости науки

ности науки *Новости науки* *Нов*

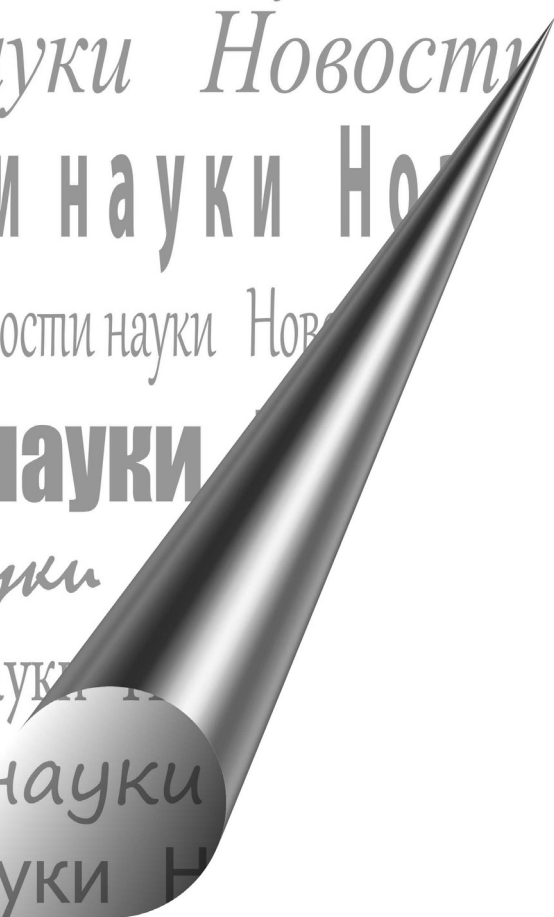
Новости науки

ности науки

Новости науки

ности науки

ности науки

Э.А. Гряда

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», доцент кафедры гражданского права Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»

С.Н. Ермолаев

Аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ОБСУЖДАЕТ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SINCE SOCIETY IS DISCUSSES CHANGES IN CIVIL CODE OF RUSSIAN FEDERATION

31 октября 2013 года на базе Кубанского государственного аграрного университета состоялась **Международная научно-практическая конференция «Реформа Гражданского кодекса РФ: новации, тенденции, проблемы»**.

Организаторами этой конференции выступили ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»; ФГБКУ ВПО «Краснодарский университет МВД России»; НОУ ВПО «Южный институт менеджмента».

В работе конференции приняли участие известные ученые-цивилисты Казахстана, Украины, Польши, России. Российская научная школа была представлена учеными Краснодара, Ростова-на-Дону, Саратова, Уфы, Санкт-Петербурга, Белгорода и ряда других городов.

Открыл конференцию заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **Камышанский Владимир Павлович** кратким вступлением, охарактеризовав общую ситуацию в области совершенствования гражданского законодательства и текущее состояние работы над законопроектами инициативных групп и Государственной Думы Российской Федерации. Особо была отмечена актуальность дальнейшей модернизации гражданского законодательства и совершенствования уже разработанных научных концепций, содержание которых должно найти свое отражение в процессе правотворческой деятельности. Затем в рамках научной дискуссии он выступил с сообщением, посвященным проблемам совершенствования установления пределов осуществления гражданских прав.

Далее было предоставлено слово заведующему кафедрой гражданского права ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет», доктору юридических наук, профессору, заслуженному работнику Высшей школы Российской Федерации, члену учебно-методического совета по образованию в области юриспруденции Южного Федерального округа **Лукьянцеву Александру Анатольевичу**. Он осветил авторское видение правовой политики в области защиты субъективных гражданских прав участников гражданских правоотношений, проблемы реформирования судебной системы Российской Федерации и объединения судов общей юрисдикции и арбитражных судов под началом Верховного Суда Российской Федерации, проблемы защиты вещных прав, определения оснований их возникновения и учета зарубежного опыта регулирования гражданских отношений в процессе модернизации гражданского законодательства Российской Федерации, представил анализ последних актуальных изменений законодательства о порядке исчисления сроков исковой давности.

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ» **Молчанов Александр Александрович** в своем выступлении «Решения собраний как основания возникновения гражданских прав и обязанностей» осветил проблему расширения нормативно-правового регулирования корпоративных правоотношений и социально-правовые последствия законодательного закрепления института корпоративного договора. В выступлении были детально проанализированы основные положения гл. 9.1 ГК РФ о решении собраний и дана характеристика их правоустанавливающего значения. Особое

внимание в своем выступлении докладчик обратил на актуальность новых изменений гражданского законодательства, обусловленных определением правового значения решений собраний для отдельных организационно-правовых форм юридических лиц (в частности, кооперативов и товариществ), соотношение понятий «сделка» и «решение общего собрания», своевременность введения понятий ничтожности и оспоримости решений собраний для обеспечения стабильности в регулировании рассматриваемых отношений.

С докладами выступили представители ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет».

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, федеральный судья Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда **Параскевова Светлана Андреевна** осветила новшества в правовом регулировании института «Представительство и доверенность», обозначив их последствия и значение изменений правового регулирования для правоприменительной практики. В выступлении детализированы правовые последствия совершения сделки неуполномоченным лицом, отказа контрагента от исполнения договора при нарушении полномочий или их отсутствии, а также отказа представляемого одобрить сделку.

Было уделено внимание и анализу изменений в законодательстве, содержащих общие положения о доверенности, включая выдачу доверенности нескольким лицам, от имени малолетних и несовершеннолетних, а также требования к удостоверению доверенностей и возможности признания доверенности части документа.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» **Танага Андрей Николаевич** в своем выступлении представил правовой анализ нововведений института недействительности сделок в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Кандидат юридических наук, доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» **Галкин Александр Георгиевич** в своем выступлении «Обычай как источник гражданского права» обозначил особенность изменения правового регулирования обычая как источника гражданского права.

Заведующая кафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ **Тужилова-Орданская Елена Марковна** представила доклад о тенденциях и новациях института государственной регистрации прав на имущество в Гражданском кодексе Российской Федерации.

На конференции были активно представлены различные российские научные школы гражданского права.

Саратовскую школу права представляли докладчики из ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и семейного права, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **Цыбуленко Зиновий Иванович** в докладе «Новое в регулировании общих подходов заключения сделок» выделил недостатки правового регулирования заключения сделок и предложил пути их преодоления. В выступлении были рассмотрены изменения гражданского законодательства, предусматривающие новые требования к форме сделок, определены перспективы и недостатки возможного введения правила о нотариальном удостоверении сделок с недвижимостью. В качестве существенного недостатка законодательных нововведений докладчиком была отмечена отмена императивной нормы о письменной форме внешнеэкономических сделок. Заведующий кафедрой международного частного права, кандидат юридических наук, доцент **Кожокарь Игорь Петрович** в представленном докладе провел анализ сущности дефекта правового регулирования, определил их виды, а также предложил собственное видение способов их преодоления.

В работе конференции приняли участие представители НЧОУ ВПО «Южный федеральный университет» (г. Краснодар). Заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, доктор экономических наук, профессор **Петров Игорь Валентинович**

представил доклад об изменении правового регулирования нематериальных благ и новых способах их защиты. Заведующая кафедрой предпринимательского и международного права, кандидат юридических наук, доцент **Симатова Елена Львовна** посвятила свой доклад принципу автономии субъектов гражданского права и пределам осуществления гражданских прав в свете эволюции принципа автономии воли сторон договорных правоотношений. Заведующая кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент **Шаповал Ольга Вячеславовна** проанализировала изменения законодательства в области совершенствования правового режима объектов гражданского права, отдельно выделив проблемы правового закрепления информации как объекта гражданских прав и совершенствования правового режима недвижимого имущества.

В работе конференции приняли участие представители Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия». Старший преподаватель кафедры гражданского права, заместитель директора АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», кандидат юридических наук **Крыцула Алексей Алексеевич** проанализировал изменения института ценных бумаг как объектов гражданских прав в обновленном Гражданском кодексе Российской Федерации и, в частности, механизм восстановления и защиты прав на бездокументарные ценные бумаги. Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права **Грядя Элеонора Александровна** проанализировала новые положения гражданского законодательства о правовом режиме единого недвижимого комплекса как объекта гражданских прав. В выступлении была предпринята попытка определения соотношений понятий «единый недвижимый комплекс» и «предприятие», проведен анализ возможных правовых проблем применения рассматриваемых норм ГК РФ.

С докладами выступили и представители ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет». Заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Потапенко Сергей Викторович** проанализировал компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, предложил авторскую трактовку нововведения и отметил его социально-правовое значение. В сравнительном аспекте на основе анализа изменений в ГК РФ был рассмотрен вопрос о соотношении понятий «возмещение убытков» и «компенсация ущерба». Заведующий кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **Щенникова Лариса Владимировна** рассмотрела сущность принципа добросовестности и с учетом его легального закрепления и соотношения со ст. 169 ГК РФ пришла к выводу о том, что на сегодняшний день принцип добросовестности участников гражданских правоотношений полноценно не реализован. На основе анализа содержания российского и зарубежного гражданского законодательства бала поставлена под сомнение возможность определения добросовестности как принципа гражданского права.

ФГБКУ ВПО «Краснодарский университет МВД России» представлял кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса **Жаботинский Михаил Вячеславович**, представивший доклад о гражданско-правовых средствах охраны частной жизни гражданина.

В целях анализа практического значения изменений ГК РФ были привлечены представители органов судебной власти. Судья Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, кандидат юридических наук **Денека Ирина Михайловна** проанализировала особенности оспаривания сделок в процедуре банкротства юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Кроме того, был проведен детальный анализ возможности реализации принципа добросовестности в рассматриваемых отношениях на основе анализа положений теории гражданского права и правоприменительной практики. Председатель Тбилисского районного суда Краснодарского края, заслуженный юрист Кубани **Уюткин Николай Николаевич** рассмотрел правовые основы защиты нематериальных благ, а также исторические, концептуальные, правовые, правоприменительные особенности компенсации морального вреда и направления дальнейшего совершенствования данного института.

В работе конференции приняли участие ученые-цивилисты стран СНГ и Польши.

Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (г. Алмата) **Мороз Светлана Павловна** проанализировала правовые основания возникновения инвестиционных отношений, формы поддержки инвестиционной деятельности, конкурентные условия осуществления инвестиционной деятельности, проблему кодификации инвестиционного законодательства.

Кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ правовых и сравнительных исследований Карагандинского университета «Болашак» (г. Караганда) **Кусайнова Айман Кудайбергеновна** проанализировала тенденции совершенствования жилищного законодательства Республики Казахстан и влияние правовой системы РФ на ее формирование.

Заведующий кафедрой хозяйственного права и процесса Юридического института Национального авиационного университета доктор юридических наук, профессор (г. Киев) **Шишка Роман Богданович** рассмотрел проблему соотношения деликтного обязательства и гражданско-правовой ответственности, предложив ограничить деликтные обязательства рамками гражданского права, а гражданско-правовую ответственность – рамками гражданско-процессуального права и исполнительного производства.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правовой охраны интеллектуальной собственности, гражданского права и процесса Харьковского национального университета внутренних дел (г. Харьков) **Шишка Александр Романович** обозначил проблему охраны прав авторов и правообладателей в сети Интернет.

Кандидат юридических наук, доцент факультета права и администрации Варшавского университета **Турдуковски Ярослав Владимирович** (г. Варшава) представил доклад о некоторых аспектах системы оспаривания решений органов торговых обществ в польском праве (в свете последних решений Верховного Суда Польши).

Участники конференции подвели общий итог текущего этапа реформирования и модернизации гражданского законодательства. Основной вывод сводится к тому, что изменения Гражданского кодекса Российской Федерации носят масштабный характер и затрагивают значительную часть гражданско-правовых институтов. Однако они недостаточны и лишь фрагментарно решают проблемы правового регулирования. Некоторые нововведения имеют неоднозначное толкование и вызывают проблемы их правовой реализации ввиду несовершенства как нововведений, так и действующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации.

Критика и рецензии

Критика и рецензии Критика и рецензии

итика и рецензии Кри

Критика и рецензии Критика и реце

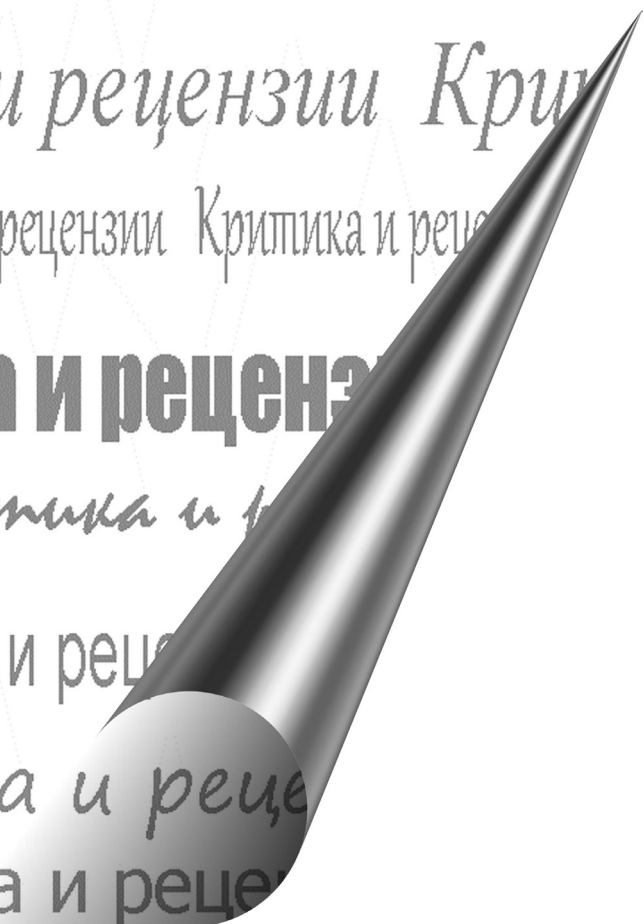
Критика и рецензии

Критика и ре

Критика и реце

ритика и реце

Критика и реце

А.А. Диденко
Кандидат юридических
наук, старший
преподаватель кафедры
гражданского права
ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный аграрный
университет»

С.А. Параскевова
Доктор юридических
наук, профессор,
профессор кафедры
гражданского права
ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный аграрный
университет»

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ КОВАЛЕВОЙ Ю.В.
«ИМПЕРАТИВНОСТЬ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ»**
(М. : «Юрист», 2011. – 200 с.)

**REVIEW OF THE MONOGRAPH KOVALEVOJ Y.V.
«IMPERATIVENESS IN CONTRACT LAW»**
(Moscow : «Lawyer», 2011. – 200 p.)

Монография посвящена одному из наиболее сложных, но одновременно с этим мало исследованных феноменов российского договорного права. Большинство ученых рассматривают указанную проблему в аспекте её соотношения с диспозитивными началами правового регулирования общественных отношений, входящих в предмет гражданского права. Вместе с тем подобный подход представляется в определенной степени односторонним, поскольку не позволяет всесторонне проанализировать динамичный характер всех форм проявления феномена императивности в договорных правоотношениях. Поэтому исследование и выявление функционального назначения императивности в обязательствах, основанных на договорах, в том числе договорах по передаче имущества в собственность, несомненно, представляет как научный, так и практический интерес.

В настоящее время можно констатировать, что наукой гражданского права не выработано общее понятие императивности в отношении договорного права, не определены критерии соотношения таких основных понятий, как «императивная норма», «императивный метод правового регулирования», «императивность», а также их сущностных признаков, хотя такая необходимость очевидна. Ситуация осложнена тем, что многие правовые нормы договорного права не содержат какой бы то ни было внешней атрибутики, позволяющей судить об их императивности либо диспозитивности. В связи с отмеченными обстоятельствами также требуется оценка достижений цивилистической науки в исследовании основных принципов толкования, функций, классификации и других проблем применения императивных норм договорного права, поскольку некоторые теоретические положения, касающиеся данных вопросов, требуют дальнейшей корректировки и совершенствования. В целом указанные достижения доктринальной продуктивности будут способствовать также восполнению существующего законодательного вакуума, что приведет к повышению эффективности регулирования общественных отношений, входящих в предмет договорного права.

Актуальность избранного для научного исследования направления обусловлена тем, что специальные научные исследования в области императивности в договорном праве России сквозь призму познания ее правовой природы в настоящее время отсутствуют. Впервые в отечественном правоведении предпринята попытка комплексно осветить общие положения об изъятиях их принципа свободы договора, ограничении самоопределения субъектов обязательственных отношений и пределов допустимого влияния императивности при регулировании общественных отношений, входящих в предмет договорного права, как в теоретико-концептуальном, так и в практическом преломлении. Поэтому монографическое исследование и выявление функционального назначения императивности в обязательствах, основанных на договорах, несомненно, представляет как научный, так и практический интерес.

Важность решаемой научной проблемы также обусловлена связью императивных предписаний договорного права с публичностью. Это проявляется в том, что императивные нормы договорного права направлены на установление публичного порядка путём создания необходимой в гражданском обороте определённости. Одновременно исследование модели развития современного договорного права, связанной с формированием императивных начал координации и взаимодействия публично-правовых и частноправовых интересов в обязательственных отношениях,

позволяют выявить основные направления модернизации правовой регламентации в области цивилистики, а именно: усиление императивных начал в правовом регулировании гражданских отношений, их детализация и дифференциация. При этом наиболее дискуссионным в рамках этой проблематики остается вопрос о пределах договорной свободы для участников обязательственных отношений, а также их правовых гарантиях с целью обеспечения различных правовых интересов.

Все эти обстоятельства, безусловно, предопределяют необходимость серьезного научного исследования и комплексного анализа вопросов императивности в российском договорном праве, а также делают выбранную проблематику актуальной, своевременной, имеющей практическую и теоретическую ценность.

Известно, что ценность всякого научного исследования заключается как в его теоретической, так и в практической значимости. Цивилистика является во многом прикладной, а не фундаментальной наукой, и правовые исследования в этой области должны иметь практическое значение. Но именно для того, чтобы правильно понимать и разрешать практические правовые проблемы, необходима их глубокая теоретическая проработка, выражающаяся в раскрытии их сущности, определении их места в системе родственных правовых институтов. Без правильного понимания юридической природы императивности в договорном праве не будет и правильного применения императивных норм, регулирующих обязательственные отношения, в том числе и по передаче имущества в собственность.

Автором монографии поставлена цель – научное осмысление и анализ императивности как правового феномена, присущего договорному праву; исследование специфики, эффективности и путей совершенствования императивных правовых предписаний в российском гражданском законодательстве. Постановка столь сложной, актуальной научной проблемы и ее решение может быть осуществлена только в рамках комплексного теоретического исследования.

Теоретическое объяснение правовой действительности имеет смысл, если оно позволяет по-новому увидеть решение актуальной проблемы в праве или создать новые предпосылки к этому. Научная новизна и всесторонность исследования императивности в договорных обязательствах, таким образом, может быть в достаточной степени обеспечена путем расширения методологических подходов к её исследованию.

При комплексном исследовании императивности в договорном праве автор опирается на четкую методологическую базу, на

основе которой предлагает решение конкретной научной задачи. Этому во многом способствует углубленное применение частноправовых подходов в методологии отдельных отраслей права, в том числе гражданского права и других гуманитарных наук. Избранный автором методологический подход к изучению императивности в договорном праве в целом является своевременным, актуальным и необходимым: он подготовлен самим развитием правовой мысли по данной проблеме. Необходимо от постулирования общих положений о том, что понимается под императивностью в общей теории права и в рамках отрасли гражданского права, перейти к пониманию данной правовой категории в рамках подотрасли договорного права, которой присущи свои особенности, как к следующему этапу в познании.

В пределах данной проблематики автор решила следующие задачи: исследовала правовую природу и сформулировала авторское определение понятия «императивность» применительно к договорным обязательствам; исследовала функциональную роль императивности в договорном праве; выявила основные направления допустимого правового воздействия императивности в договорном праве; провела комплексный сравнительно-правовой анализ и предложила классификацию существующих в договорном праве императивных правовых норм; исследовала особенности проявления императивности в обязательствах, основанных на договорах по передаче имущества в собственность. В результате изучения столь широкого круга дискуссионных вопросов автор сформулировала выводы и рекомендации, способствующие созданию целостной теоретико-практической концепции развития и повышения эффективности императивности в договорном праве.

Практическая значимость монографического исследования выражается в том, что обоснованные в работе итоговые выводы и рекомендации могут быть использованы в целях совершенствования российского законодательства, а также в учебном процессе при изучении курса гражданского права и спецкурса договорное право. Комплексный анализ императивности в договорном праве РФ позволит усовершенствовать процесс правотворчества, наиболее полно систематизировать гражданское законодательство и выявить его пробелы, а равно определиться с ролью императивных норм в современном правовом регулировании динамики гражданского оборота. Для законодателя прежде всего важна сформулированная автором особенность юридического принуждения, закрепленного в императивной норме договорного права, которая заключается в наличии правомерного притязания на исполнение

субъективных обязанностей, которые в силу этого носят имманентно-принудительный характер, а выраженная в договоре воля его участников является для них обязательной только тогда, когда установленные ими условия взаимного поведения соответствуют императивным нормам действующего законодательства, которые придают этим договорным условиям юридическое значение, порождают субъективные права и обязанности.

Содержащиеся в работе авторские выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой, научно-исследовательской деятельности и правоприменительной практике. В практическом ракурсе исследование императивности в договорном праве позволяет выработать конкретные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства, направить в нужное русло правоприменительную и интерпретационную практику. Сегодня императивности как особому правовому явлению необходимо придать статус специфического предмета социально-философского познания и выработать адекватные онтологические, гносеологические, аксиологические и методологические основы его анализа.

Монография имеет четкий концептуальный замысел, отличается продуманной структурой, включает в себя введение, две главы, шесть параграфов и заключение. На конкретных примерах гражданско-правового регулирования обязательственных отношений показывается, что сочетание частных и социально-значимых интересов осуществляется путем их сбалансированного правового регулирования с использованием как диспозитивных, так и императивных юридических средств.

Структура монографического исследования представляется логичной и оправданной с точки зрения содержания и последовательности решения поставленных задач. Ее научное значение определяется следующими важными моментами. Во введении не только обосновывается теоретическая и практическая значимость темы, но и подчеркивается, что императивность в договорном праве впервые выступает в качестве объекта комплексного общетеоретического анализа. Следует полностью согласиться с автором в том, что в юридической литературе суждения о проблемах императивности достаточно фрагментарны. Попыток системно исследовать имеющийся спектр проблем, посвященных императивности, применительно к специфике договорного права до настоящего времени не предпринималось.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования понятия императивности в договорном праве» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «*Общетеоретические и методологические основы исследования императивности в договорном праве*» рассматриваются теоретические вопросы, непосредственно связанные с методологией изучения императивности в договорном праве. Несомненно, заслуживает внимания позиция автора о необходимости использования плюралистической методологии при исследовании императивности в договорном праве. Строгое следование методологическому плюрализму позволяет снять ограниченность отдельных подходов, ибо каждый из них способен осветить отдельные аспекты проявления императивности в договорном праве. Использование плюралистической методологической модели обусловлено задачей получения более целостной картины изучаемого нами явления. Особенно это важно ввиду чрезвычайной сложности императивности в праве как непосредственного объекта научного познания.

Во втором параграфе «*Понятие и функциональное назначение императивности в договорном праве*» исследуется понятие императивности и её основные характеристики, аргументируется возможность использования системно-функционального подхода.

Одна из задач, которая должна была быть решена в монографическом исследовании, заключается в обеспечении понятийной согласованности используемых дефиниций. Повышенные требования к дефинициям предъявляются в связи с вводом их впервые в научный оборот. В данном случае речь идет о понятии «императивность» в договорном праве. Безусловной заслугой автора является подробный анализ категории «императивность» сквозь призму анализа её функций, что представляется нам весьма продуктивным, поскольку позволяет выявить ее существенные свойства и формы проявления в договорном праве.

Сущность императивности, по мнению автора, проявляется в её функциях, которые, в свою очередь, отражают основные направления, а также результат воздействия императивных норм на имущественные отношения, входящие в предмет договорного права, обусловленные спецификой императивности как средства правового регулирования и особенностями способов его применения. Функциональное назначение выражается в том, что императивность является важным средством достижения цели правового регулирования и выступает необходимым регулятором общественных отношений в гражданском обороте. Это основное ее функциональное предназначение, которое проявляется в ряде более конкретных функций. Таким образом, функциональный анализ императивности в договорном праве позволяет уяснить её социальное назначение и роль в совершенствовании правового регулирования общественными процессами в современных условиях развития рыночной экономики.

Одновременно функции императивности имеют комплексный, синтезирующий характер. Они никогда не отождествляются и не могут отождествляться с самим императивным методом правового регулирования или отдельными аспектами проявления императивности в договорном праве. Содержание же каждой функции складывается из множества однородных и однопорядковых аспектов феномена императивности.

В третьем параграфе *«Общая классификация императивных норм в договорном праве»* автором рассматривается классификация гражданско-правовых императивных норм, дается характеристика их соответствующих видов в договорном праве.

Важным направлением исследования системы императивных норм современного российского договорного права является их классификация. Классификация в гражданском праве есть акт теоретического познания, который показывает, как отражаемое явление реализует себя в правовой действительности, вскрывает его сущность и отграничивает от других объектов. Классификационная техника является частью юридической техники и представляет собой систему последовательно реализуемых правил творчески-познавательного, организационно-логического и нормативно-структурного деления правового материала. Этот метод научного познания вполне успешно используется автором, что многократно подчеркивают не только сугубо теоретическую, но и прикладную ценность монографического исследования.

Таким образом, будучи самостоятельной научной проблемой, классификация напрямую связана как с теоретическими вопросами императивности договорного права, так и с прикладными проблемами применения императивных гражданско-правовых норм, поскольку оптимизирует поиск и толкование правоприменителем всех императивных нормативных предписаний, имеющих отношение к конкретной ситуации. Классификация императивных норм в зависимости от различных классификационных оснований, представляется необходимым условием для формирования оптимального механизма применения достижений правовой науки в законотворчестве, а также способствует проверке истинности научных представлений о таком явлении в договорном праве как императивность.

В рамках этого интересной и значимой представляется классификация императивных норм договорного права по способам нормативного закрепления (внешней формы выражения, объективизации): нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы-фикции, нормы-презумпции, правовые запреты и позитивные обязывания; императивные нормы, устанавливающие исчерпывающий перечень объектов и круг субъектов соответствующих обязательств.

Во второй главе «Содержание императивности в отдельных договорах, направленных на передачу имущества в собственность» анализируются особенности и выявляются закономерности формирования, развития и функционирования отдельных проявлений феномена императивности в содержании обязательств, основанных на договоре по передаче имущества в собственность. Последовательно обосновывается авторская позиция, в соответствии с которой императивное вмешательство государства в договорную свободу субъектов обязательственного правоотношения является многоцелевым, что по нашему мнению, отражаются общие тенденции, свойственные современному договорному праву. Следует отметить тенденцию роста количества норм, ограничивающих свободу договора, что связано с необходимостью защиты прав и интересов экономически более слабых или экономически зависимых сторон договора, а также публичных интересов общества и государства.

В первом параграфе *«Императивность в договорах розничной купли-продажи и продажи недвижимости»* исследуются отдельные проявления императивности в каждом из указанных видов договоров сквозь призму ограничения правовой свободы договора. Заслуживают внимания выводы автора, что основными целями императивно-правового регулирования договора розничной купли-продажи являются: защита слабой стороны (потребителя), создание гарантий функционирования свободного розничного рынка, борьба с монопольными тенденциями, а равно развитию на розничном рынке свободной конкуренции. Сказанное позволяет поддержать автора в том, что предоставляя слабой стороне дополнительные права, гражданское законодательство тем самым обеспечивает равенство участников договорных отношений.

Во втором параграфе *«Императивность в договорах поставки и контрактации»* исследуются отдельные проявления императивности в каждом из указанных видов договоров сквозь призму ограничения правовой свободы договора. В связи с важностью установления предела допустимого использования публично-правых начал в гражданско-правовой регламентации обязательственных отношений по поставке автор большое внимание уделяет анализу особенностей договора поставки товаров для государственных нужд. Проанализирована специфика участия публично-правовых образований в гражданско-правовых обязательственных отношениях. Безусловной заслугой автора являются определение соотношения заключения договора в обязательном порядке с принципом свободы договора и исследование влияния ограничения автономии воли при заключении договора поставки на его правовую природу.

В третьем параграфе «Императивность в договоре энергоснабжения» анализируются основные направления допустимого правового воздействия императивности в обязательствах, основанных на договорах энергоснабжения. Заслуживают поддержки выводы о том, что императивность в регулировании обязательственных отношений энергоснабжения, обуславливается особым правовым статусом естественных монополий в гражданских правоотношениях. В связи с этим заслуживает одобрения исследование вопроса о возможности нарушения пределов осуществления гражданских прав хозяйствующими субъектами, занимающими на рынке доминирующее положение, т. е. в сферах, в которых отсутствует экономическое равенство сторон.

Основные выводы автора изложены в заключении работы. Оно представляет собой систему идей автора по теоретическим проблемам темы исследования и предложений по совершенствованию законодательства. Большинство из этих идей и предложений научно обоснованы, достоверны, обладают несомненной новизной, имеют практическое значение, заслуживают внимания и поддержки.

При проведении фундаментального исследования императивности в договорном праве основное внимание авторы уделили ее современному состоянию в отечественном гражданском законодательстве, что вполне оправданно и объяснимо, учитывая новизну представленной работы. Вместе с тем в процессе научных разработок особую значимость приобретает историко-правовой метод, который позволяет установить причины появления тех или иных институтов, проследить эволюцию развития правовых явлений и научных представлений о них. Представляется, что при рассмотрении современного состояния исследуемой проблемы необходимо было бы представить ее историко-правовой аспект. В этом ракурсе видится полезным анализ творческого, теоретического и практического наследия, дореволюционного и советского наследия предшественников отечественных научных школ в целях его приложения к потребностям современности и перспективам дальнейшего развития научного направления, каковым является императивность в договорном праве.

На основании проведенных в данной работе исследований автор критически подошла к концепции императивности в договорном праве и предложила системное разрешение стоящих перед гражданским законодательством задач. Конечно, различные аспекты теории императивности в праве требуют более углубленного исследования и практической проверки. Но сложно представить себе работу, которая позволила бы сразу и окончательно

разрешить все спорные вопросы. Ценность данной работы проявляется в том, что она открывает новый качественный этап в развитии гражданского законодательства. С точки зрения достижения современных гуманитарных наук в работе не усматривается принципиальных противоречий.

Несмотря на некоторые неточности и спорные положения, рецензируемая книга является полезной, позволяющей читателям получить всестороннюю информацию по актуальным теоретико-прикладным проблемам договорного права вообще и императивности в российском гражданском законодательстве в частности. Ее значение определяется также тем, что автор впервые обратила внимание на проблему императивности в подотрасли российского договорного права, в связи с чем представленная работа будет служить основой дальнейших теоретических исследований в данной области, что позволит накопить дополнительный опыт по исследованию проблем императивности в праве. Хочется надеяться, что с монографией познакомится широкий круг ученых, практических работников, всех тех, кто интересуется актуальными правовыми проблемами и по достоинству оценит ее содержание.

В.Н. Синельникова

Доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
гражданского права ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
ГЕРАСИМОВА А.А. «САМОРЕГУЛИРУЕМЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

(М. : Российская академия адвокатуры и нотариата. –
2012. – 264 с.)

**REVIEW OF THE MONOGRAPH GERASIMOV A.A.
«SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS:
THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS
OF LEGAL REGULATION AND ACTIVITIES»**

(Moscow : Russian academy of advocacy and notary. –
2012. – 264 p.)

Вопросы правового обеспечения развития института саморегулирования в России, а также создания и деятельности саморегулируемых организаций обусловлены проведением административной реформы и находятся в поле зрения цивилистической науки, хотя ее роль в процессе де бюрократизации экономики страны и формирования органов регулирования не путем их назначения в административном порядке, а посредством инициативных и ответственных действий наиболее активных профессионалов, остается все еще недостаточно эффективна.

Положительно оценивая достижения российской цивилистической науки за последние годы, вместе с тем необходимо сказать, что правовые вопросы саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности хотя и рассматривались отдельными учеными и практиками, но при этом не проводилось необ-

ходимых теоретических обобщений и глубокого научного анализа, основное внимание уделялось только практической значимости введения данного института. Более того, правовые исследования саморегулируемых организаций как субъектов права в свете их предназначения, в том числе с точки зрения ограничения вмешательства государства в гражданско-правовые отношения, в советской и российской науке не исследовались. Не изучалась также и практика деятельности конкретных, существующих на протяжении достаточно длительного времени, саморегулируемых организаций в различных сферах экономики.

В этой связи подготовленная кандидатом юридических наук А.А. Герасимовым монография «Саморегулируемые организации: теоретические и практические проблемы правового регулирования и деятельности» является первым комплексным исследованием, которое вне какого-либо сомнения привлечет внимание ученых, практиков и законодателя и послужит хорошим стимулом проведения дальнейших изысканий правовых проблем развития института саморегулируемых организаций в России.

Особенно ценно то, что в монографии анализируются вопросы становления и развития института саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в нашей стране в современных условиях реализации административной реформы, направленной на совершенствование государственного регулирования экономики.

Достоинство монографии состоит и в том, что в ней нашли отражение основные направления и цели политики государства, предусмотренные в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 года, и Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1021-р.

Заслуживает одобрения и поддержки, что автор при подготовке издания исследовал широкий круг актуальных проблем развития института саморегулирования, в том числе и те, которым до сих пор не уделялось должного внимания, например вопросы, связанные с: исследованием таких важных правовых категорий, как профессиональная деятельность, саморегулируемая организация, стандарты и правила саморегулируемых организаций; взаимоотношениями саморегулируемых организаций и иных участников гражданского оборота и др.

На основе изучения современного законодательства о саморегулируемых организациях и практики их деятельности А.А. Герасимову удалось выявить правовую природу этих субъектов права, определить их основные признаки, поставив на первое место наделение саморегулируемой организации полномочиями государственного контроля. В частности, сформулировано принципиально новое понятие саморегулируемой организации как профессионального или отраслевого объединения физических и/или юридических лиц, наделенного в соответствии со сферой своей деятельности рядом полномочий, обоснован теоретический вывод о том, что главный отличительный признак профессиональной деятельности от предпринимательской состоит в том, что юридическое лицо не может осуществлять профессиональную деятельность, оно лишь использует результаты профессиональной деятельности своих работников в целях систематического получения прибыли.

Большое внимание уделено анализу теоретических проблем создания и эффективного функционирования саморегулируемых организаций, в том числе соотношению саморегулирования и государственного регулирования и контроля, совершенствованию правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций в различных сферах экономики. При этом особо были исследованы правовые требования, предъявляемые законодательством к некоммерческим организациям, претендующим на получение статуса саморегулируемой организации.

Заслуживает положительной оценки проделанная автором работа по формированию эмпирической базы исследования, как-то: постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам применения законодательства Российской Федерации за период с 1996 по 2009 год; обобщены результаты проверок саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций оценщиков, проведенных Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии за период 2005–2010 годов; проанализировано более 50 судебных решений, в том числе Европейского суда по правам человека, Конституционного суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховного Суда РФ, восьми окружных Федеральных арбитражных судов, а также Арбитражных судов г. Москвы, Пензенской области, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области за период с 1981 по 2010 год.

Отличная теоретическая подготовка и большой опыт профессиональной деятельности автора помогли ему выявить многие практические проблемы правопреемства и внести заслуживающие внимания предложения по их преодолению.

В целом рецензируемая монография, по нашему мнению, вполне отражает достигнутый уровень развития российского гражданского и предпринимательского права в сфере саморегулирования профессиональной и предпринимательской деятельности, выявляет множество правовых проблем теоретического и практического характера в этой области, а потому заслуживает весьма положительной оценки.

В то же время, поскольку издание является творческим научным исследованием, сформулированные в нем выводы и предложения по совершенствованию законодательства в ряде случаев носят дискуссионный характер.

В первой главе монографии, в основном, рассматриваются теоретические вопросы, связанные со статусом саморегулируемой организации, а также проанализирован дореволюционный и советский отечественный и зарубежный опыт регулирования деятельности саморегулируемых организаций. Автор, правильно указав, что практика исключения из числа присяжных поверенных, при которой такие лица лишались права поступать в это звание во всем государстве, может быть использована в современных условиях в отношении членов саморегулируемых организаций, нарушивших стандарты и правила профессиональной деятельности, не приводит статистический анализ такой практики, поэтому трудно оценить практические последствия данного предложения.

Обстоятельный анализ правовых требований, предъявляемых законодательством к некоммерческим организациям, претендующим на получение статуса саморегулируемой организации, дан во второй главе монографии. Этот материал уместен и имеет большую практическую ценность. Вместе с тем при переиздании монографии главу желательно дополнить материалами о правовых требованиях, предъявляемых законодательством РФ к членам названных организаций.

В третьей главе проанализированы особенности правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций. Автор правильно отмечает, что законодательство, посвященное саморегулируемым организациям, является разрозненным и противоречивым. Нормы Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» нельзя признать совершенными, поскольку многие их положения нуждаются в существенной доработке. Об этом свидетельствуют регулярно возникающие достаточно серьезные проблемы в правоприменительной практике. Такая ситуация сложилась из-за отсутствия надлежаще проработанной доктрины о статусе и основных функциях саморегулируемой организации, а также концептуального осмыс-

ления дальнейшего развития законодательства, регламентирующего данную сферу общественных отношений.

Так, А.А. Герасимов верно считает, что «создавая правовые нормы, регламентирующие деятельность некоммерческих организаций, законодателю надлежит учитывать не только экономическое назначение и социальную роль некоммерческих организаций, но и причины, из-за которых возникла необходимость создания отдельных групп некоммерческих организаций. То есть, указанные нормы должны обеспечивать сочетание интересов конкретной некоммерческой организации и социально-экономических интересов общества. При этом важно, чтобы возможность несоизмеримого ограничения прав и свобод человека и гражданина для конкретной правоприменительной ситуации была исключена. Это особенно актуально в отношении саморегулируемых организаций, развитие которых является одним из приоритетных направлений административной реформы в России». Мы полностью разделяем эту теоретическую позицию.

Поэтому, в целом, поддерживая предложение А.А. Герасимова о дополнении принципов гражданского законодательства принципом «Недопустимость произвольного разглашения сведений, составляющих служебную тайну», считаем, что данное предложение требует особого внимания законодателя и тщательного научного анализа.

Весьма содержательной и обладающей элементами теоретической новизны является четвертая глава монографии, в которой анализируются правовые проблемы, связанные с взаимоотношениями саморегулируемых организаций и уполномоченных федеральных органов исполнительной власти. Однако в монографии исследованы только проблемы в отношении саморегулируемых организаций в сфере кадастровой деятельности. Это упущение должно быть учтено при переиздании книги.

В заключение следует отметить, что, несмотря на наличие в работе некоторых спорных либо недостаточно аргументированных положений, монография является весомым вкладом в развитие российской правовой науки и ее публикация существенно пополнит научный потенциал создания и деятельности СРО в России. При этом высказанные в работе суждения, обобщения, выводы и предложения, несомненно, послужат стимулом для дальнейших обсуждений и исследований, развития научной мысли в области гражданского и предпринимательского права России в целом и совершенствования правового регулирования профессиональной и предпринимательской деятельности.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Автономная некоммерческая организация Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права (АНО СК НИИ АПСР) создана в г. Краснодаре 27 августа 2009 г. В настоящее время за пределами Москвы и Санкт-Петербурга этот научно-исследовательский институт является единственной самостоятельной научной организацией с правами юридического лица, занимающейся исследованием проблем современного российского права.

Цель создания НИИ – содействие развитию фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере современного права, решение конкретных практических задач правового обеспечения социально ориентированной рыночной экономики, выработка предложений по дальнейшему совершенствованию федерального и регионального законодательства и практики его применения.

Основными задачами НИИ, направленными для достижения поставленной цели, являются:

- консолидация усилий ученых, преподавателей, юристов-практиков различных регионов России для решения конкретных научных и образовательных проектов в сфере права;
- организация творческих лабораторий как организационной основы консолидации усилий современной юридической науки и практики регионов России с целью выработки предложений по укреплению законности в сфере правоприменения;
- повышение квалификации и стажировка юристов, организация практики для бакалавров и магистров, а также создание новых рабочих мест для молодых юристов;
- экспертиза законов и законопроектов, в том числе региональных, на предмет их соответствия Конституции РФ, федеральному законодательству и антикоррупционности;
- создание информационной, учебно-методической и научной базы для их последующего использования в научных изысканиях и учебном процессе;
- выработка предложений по повышению эффективности законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации, развитие международного научного сотрудничества в области современного права;
- пропаганда и популяризация научных результатов руководителей научных школ, а также наиболее существенных результатов исследований талантливых молодых ученых, в том числе стран СНГ; издание с этой целью научно-практического журнала «Власть Закона», монографий и иных научных и учебных изданий.

С момента создания Институт активно развивает свою деятельность по целому ряду направлений, одним из которых является подготовка специалистов для участия в электронных торгах по размещению государственных и муниципальных заказов.

Весной 2010 г. СК НИИ АПСП в рамках партнерских отношений заключил лицензионный договор с ЗАО «Сбербанк-АСТ» (Москва), предусматривающий проведение в Краснодарском крае обучающих семинаров по вопросам размещения заказов, осуществлению закупок и проведению открытых аукционов в электронной форме на электронной торговой площадке ЗАО «Сбербанк – Автоматизированная система торгов». В мае 2010 г. ряд сотрудников НИИ были направлены на обучение в Москву, где и получили сертификаты на право проведения обучающих семинаров по соответствующим методикам ЗАО «Сбербанк-АСТ» в аккредитованном Учебном Центре АНО «Северо-Кавказский НИИ актуальных проблем современного права».

6–7 октября 2010 г. Институт совместно с представителями Департамента государственного заказа Краснодарского края, Управления Федерального казначейства по Краснодарскому краю, ЗАО «Сбербанк–АСТ» (г. Москва), Северо-Кавказским филиалом ГОУ ВПО «Российская академия правосудия» и Институтом международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского провели научно-практическую конференцию на тему «Организационно-правовые проблемы проведения открытых электронных аукционов по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», в которой приняли участие около 1 500 представителей заказчиков.

По результатам проведенного мероприятия в адрес НИИ поступило благодарственное письмо от генерального директора ЗАО «Сбербанк–АСТ», в котором была высказана благодарность за помощь в организации и реализации мероприятия «День открытых дверей на электронной площадке ЗАО «Сбербанк–АСТ»» и выражена надежда на продолжение успешного сотрудничества на благо общих интересов, а также дальнейшее увеличение достигнутых показателей совместной работы.

За неполные два года около 100 представителей органов государственной власти и местного самоуправления, а также представителей субъектов предпринимательской деятельности прошли обучение в Учебном Центре НИИ, приобрели практические навыки, необходимые для работы на электронной торговой площадке ЗАО «Сбербанк–АСТ» и получили соответствующие сертификаты.

В сегодняшнем портфеле партнерской деятельности НИИ и ЗАО «Сбербанк–АСТ» находится много новых проектов, среди которых проведение теоретических и практических семинаров на темы: 1) особенности государственных закупок в здравоохранении; 2) способы размещения заказа согласно № 94-ФЗ; 3) типовые ошибки участников размещения заказов при работе на электронной площадке; 4) защита прав и законных интересов участников размещения заказов; 5) торги для коммерческих компаний, практика работы на электронных площадках; 6) закупочная деятельность субъектов регулирования № 223-ФЗ; 7) торги в ходе процедур банкротства. Обсуждается проект аккредитации – аутстаффинг.

Институт расширяет свое сотрудничество с созданной 8 декабря 2011 г. Московским финансово-экономическим институтом и ЗАО «Сбербанк–АСТ» корпоративной кафедрой на базе факультета повышения квалификации МФЭИ по вопросам осуществления программ дополнительного профессионального образования.

Под руководством зам. руководителя редакционно-издательского отдела М.С. Можяева активно развивается редакционно-издательская деятельность НИИ, основным направлением которой является освещение современной юридической науки и практики. 8 февраля 2010 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) зарегистрировала учрежденный Северо-Кавказским научно-исследовательским институтом актуальных проблем современного права федеральный научно-практический журнал «Власть Закона» в качестве средства массовой информации с возможностью распространения на территории Российской Федерации и зарубежных стран. Редакционный совет и коллегия постарались объединить на страницах журнала усилия юридического сообщества России и стран СНГ, уделить особое внимание поиску новых путей и методов формирования современного рыночного законодательства.

22 марта 2010 г. Библиографическая Секция ISSN Международного Центра (45 rue de Turbigo, 75003 Paris, France) включила научно-практический журнал «Власть Закона» в регистр ISSN, присвоив периодическому изданию номер ISSN 2079-0295. С 30 июня 2010 г. осуществляется распространение электронной копии научно-практического журнала «Власть Закона» в базе данных Научной Электронной Библиотеки, представленной в виде научного информационного ресурса сети Интернет www.elibrary.ru

20 января 2011 г. была оформлена процедура включения научно-практического журнала «Власть Закона» в «Каталог российской прессы “Почта России” регионов: Краснодарский край» на 2-е

полугодие 2011 г. и получен соответствующий подписной индекс. 21 мая 2011 г. научно-практический журнал «Власть Закона» был включен в каталог «Газеты. Журналы» ОАО Агентство «Роспечать» на 1-е полугодие 2012 г. с подписным индексом 83282.

Совместно с Российской академией юридических наук при журнале «Власть Закона» предусмотрено издание юридической библиотеки, в которую вошли три серии: «Молодые ученые России и стран СНГ», «Золотой фонд юридической науки. XXI век» и «Заслуженные деятели науки Кубани. Серия право».

Юридическая библиотека НИИ в рамках первой серии пополнилась 14 монографиями: М.Б. Хузмиева «Защита вещных прав от посягательств»; Р.П. Тимешов «Защита нематериальных благ в гражданском праве России»; Р.А. Валеев «Объект незавершенного строительства в системе объектов недвижимости»; П.В. Макеев «Изменение правовых режимов жилых и нежилых помещений»; А.К. Шульга «Товарные знаки как средство индивидуализации товара, работ и услуг»; О.И. Дерюшева «Правовой режим недвижимого имущества супругов»; М.А. Зинковский «Договорные отношения в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме»; Ю.В. Ковалева «Императивность в договорном праве»; А.С. Красюкова «Право собственности на земли населенных пунктов: пределы и ограничения», Д.В. Параскевова «Признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделки как способы защиты гражданских прав» и др.

«Золотой фонд юридической науки. XXI век» в библиотеке НИИ представлен двумя работами: С.В. Тычинин, С.Н. Котарев «Осуществление и защита гражданских прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан»; Е.А. Мичурин «Осуществление и ограничения имущественных прав» (Украина).

Институт непосредственно подошел к решению очередной задачи – популяризации научного наследия юристов, удостоенных звания «Заслуженный деятель науки Кубани». В настоящее время идет работа по подготовке к изданию избранных трудов заслуженных деятелей науки Кубани В.П. Камышанского, П.М. Курдюка, Л.П. Рассказова и др., труды которых откроют научную серию «Заслуженные деятели науки Кубани. Серия право».

В настоящее время сотрудники НИИ активно работают над диссертационными исследованиями в сфере права. Так, научные сотрудники научно-аналитического отдела НИИ А.А. Вовк, Г.В. Хорольский, Р.О. Кононенко, Е.В. Волкова, Е.В. Грушевская, Т.В. Дзагоев, А.К. Мамева, П.А. Зелюка, А.Г. Шульга за последние два года успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Под руководством зам. директора Института кандидата юридических наук А.А. Крыццлы сотрудники юридического отдела М.С. Буланов, О.А. Феоктистова, А.Г. Хачатрян, Н.Ю. Гоов и др. активно участвуют в научно-консультационной деятельности НИИ, форумах, конференциях, круглых столах, приобретают навыки работы по правовому сопровождению размещения государственных и муниципальных заказов.

*Директор СК НИИ АПСП,
доктор юридических наук,
профессор*

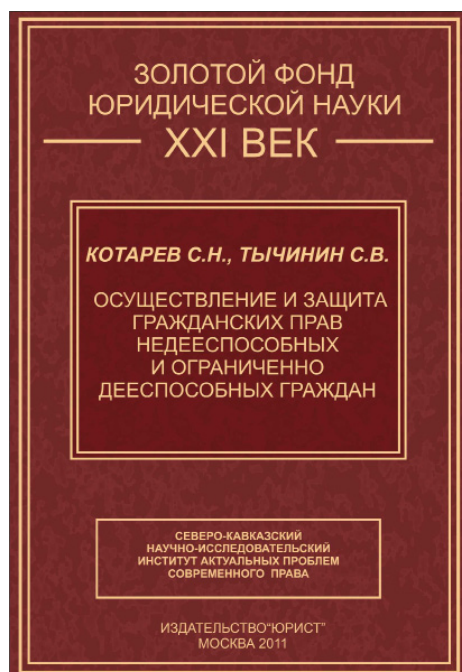
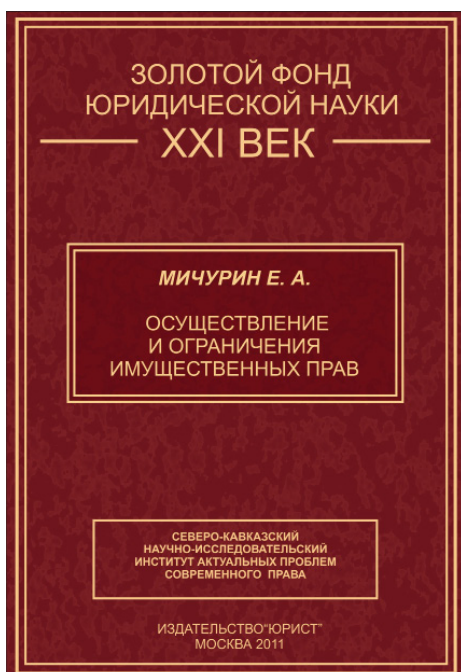
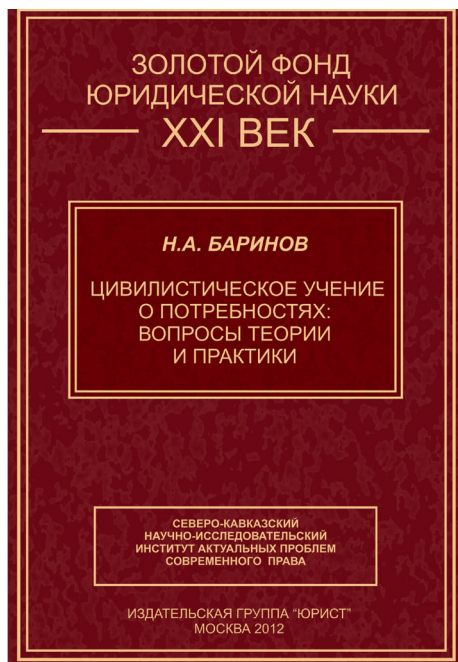
В.П. Камышанский

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

НИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВА
ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ
МОНОГРАФИИ СЕРИИ
«Золотой фонд юридической науки.
XXI ВЕК»

Заявки на приобретение издаваемой
нами литературы, а также отзывы о ней
вы можете направлять по адресу:
Россия, 350044, Краснодар,
ул. Калинина, 13 корп. 59, к. 37
Сайт: www.niiapsp.ru;
E-mail: nii.pravo@gmail.com;
Факс: (861)-262-90-24

С уважением, редакция журнала

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

НИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА ПРЕДЛАГАЕТ

ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ МОНОГРАФИИ СЕРИИ

«МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ»

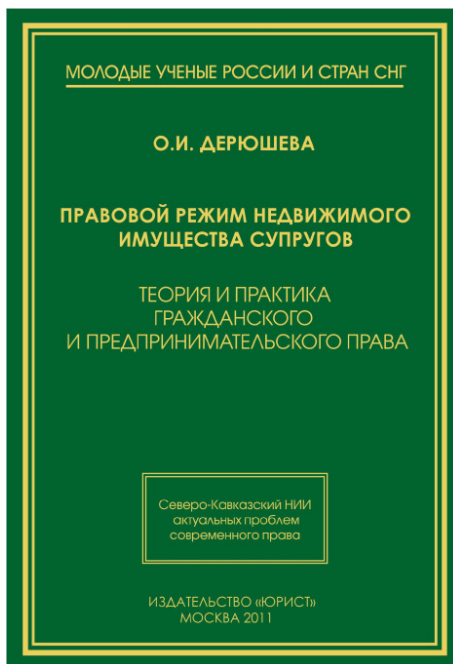
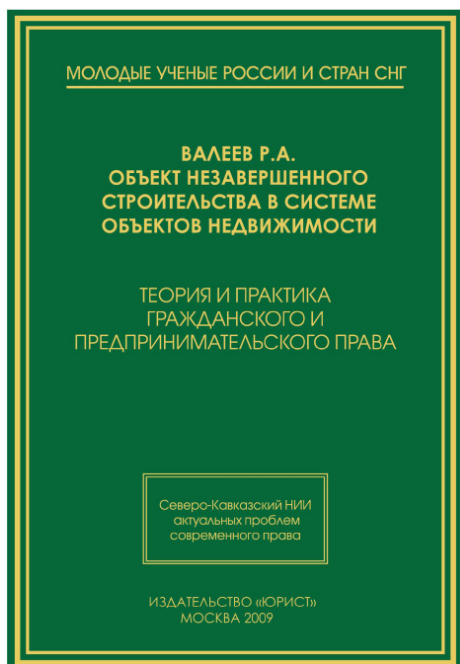
ЗАЯВКИ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ИЗДАВАЕМОЙ НАМИ ЛИТЕРАТУРЫ,

А ТАКЖЕ ОТЗЫВЫ О НЕЙ ВЫ МОЖЕТЕ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Россия, 350044, Краснодар, ул. Калинина, 13 корп. 59, к. 37

Сайт: www.niiapsp.ru; E-mail: nii.pravo@gmail.com; Факс: (861)-262-90-24

С уважением, редакция журнала

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Н.А. ЕРМОЛОВА

**УСЛОВНЫЕ СДЕЛКИ
В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ
ПРАВЕ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2011

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

М.А. ЗИНКОВСКИЙ

**ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СФЕРЕ ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ
МЕТАЛЛОВ В ОБЕЗЛИЧЕННОЙ ФОРМЕ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2010

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Ю.В. КОВАЛЕВА

**ИМПЕРАТИВНОСТЬ
В ДОГОВОРНОМ
ПРАВЕ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2011

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

А.С. КРАСЮКОВА

**ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ
НА ЗЕМЛИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ:
ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2010

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

В.Н. ЛАНДАКОВ

**ПРИОБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ В
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2011

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

П.В. МАКЕЕВ
**ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ
ЖИЛЫХ И НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО И
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2009

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Д.В. ПАРАСКЕВОВА

**ПРИЗНАНИЕ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ
И ПРИМЕНЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ
КАК СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2010

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Г.В. РОМАНОВА
**СОДЕРЖАНИЕ
ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2010

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Р.П. ТИМЕШОВ

**ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2010

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ
И СТРАН СНГ

М.Б. ХУЗМИЕВА
**ЗАЩИТА ВЕЩНЫХ ПРАВ
ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО И
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

КРАСНОДАР 2009

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

А.К. ШУЛЬГА

**ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ КАК СРЕДСТВО
ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРА, РАБОТ
И УСЛУГ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
МОСКВА 2010

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Р.О. КОНОНЕНКО

**РАСПОРЯЖЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ
ПРАВОМ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский НИИ
актуальных проблем
современного права

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ»
МОСКВА 2012

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
УВЕДОМЛЯЕМ ВАС О ПОЯВЛЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ
ПРИОБРЕТЕНИЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«ВЛАСТЬ ЗАКОНА»
В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ: WWW.NIAPSP.RU

Стоимость продукции:

ОДИН КВАРТАЛ (1 ВЫПУСК) - 400 РУБ.
ПОЛУГОДИЕ (2 ВЫПУСКА) - 700 РУБ.
ОДИН ГОД (4 ВЫПУСКА) - 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала

